

2023
N 3 (65)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Заместитель главного редактора

Deputy Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

КАРНАУХОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KARNAUKHOVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

<p>ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет, Израиль</p>	<p>GHANAYIM Kh., LLD, Professor, University of Haifa (Israel)</p>
<p>ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области</p>	<p>GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk region</p>
<p>ГРЕЧКИНА О.В., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации</p>	<p>GRECHKINA O.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration</p>
<p>ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина</p>	<p>GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin</p>
<p>ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет</p>	<p>IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Kuban State University</p>
<p>КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева</p>	<p>KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev</p>
<p>КОМИССАРОВА Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет</p>	<p>KOMISSAROVA E.G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Perm State National Research University</p>
<p>ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет</p>	<p>LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Togliatti State University</p>
<p>МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России</p>	<p>MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation</p>
<p>МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове</p>	<p>MAL'KO A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov</p>

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee of the Republic
of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий
(категория 1 (К1) по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Калашникова.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 22.09.2023. Дата выхода в свет 29.09.2023

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 11,6. Уч.-изд. л. 11.

Тираж 300 экз. Заказ N 031. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Административное право и деликтология

ВАНЮШИН Я.Л. Специальные учреждения,
предназначенные для временного размещения
иностранцев, подлежащих реадмиссии:
ретроспектива правового статуса 6

ИВАНОВ В.И. Административная ответственность:
системно-правовой анализ 16

ВИНОКУРОВА М.А., МАЙОРОВА Е.Н.
Модель системы профилактики нарушений
при осуществлении государственного
контроля (надзора) 24

Раздел 2. Уголовный закон

КОРАБЛЁВА С.Ю. Осознание как ключевая часть
уголовно-правовой вины и его виды 32

ИЛЬЯШЕНКО Е.А. Разграничение преступлений,
связанных с распространением заведомо ложной
общественно значимой информации 42

Раздел 3. Уголовно- процессуальное обозрение

ЛЕВЧЕНКО О.В. Доказывание вины и виновности
в уголовном судопроизводстве 49

Раздел 4. Компаративистика и зарубежный опыт

ШРУБ М.П. Преступления в сфере сексуальной
эксплуатации как объект криминалистического
исследования: понятие, признаки, классификация 57

Раздел 5. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

БЕЛЬСКИЙ С.В. Понятие высшего положения
в преступной иерархии (статья 210.1 Уголовного
кодекса Российской Федерации) 68

ЛЬЯНОВ М.М. Понятие «электронные носители
информации» применительно
к расследованию преступлений 74

Section 1. Administrative law and delictology

VANYUSHIN Ya.L. Special institutions
for temporary accommodation
of foreign nationals subject to readmission:
retrospective of the legal status 6

IVANOV V.I. Administrative responsibility:
systematic and legal analysis 16

VINOKUROVA M.A., MAYOROVA E.N.
Model of the system of preventing
violations when implementing the state
control (supervision) 24

Section 2. Criminal law

KORABLEVA S.Yu. Consciousness
as an integral part of the criminal legal
guilt and its types 32

ILYASHENKO E.A. Delineation of crimes
related to the dissemination of deliberately
false socially significant information 42

Section 3. Criminal procedural review

LEVCHENKO O.V. Proving fault and guilt
in criminal proceedings 49

Section 4. Comparative studies and foreign experience

SHRUB M.P. Sexual exploitation crimes
as an object of forensic investigation:
concept, signs, classification 57

Section 5. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

BELSKY S.V. Concept of the highest
position in the criminal hierarchy
(Article 210.1 of the Criminal Code
of the Russian Federation) 68

LYANOV M.M. Concept of "electronic data
carriers" in relation to crime investigation 74

Раздел 6. Юбилей в науке

МЕЛЬНИКОВА О.А. Развитие научных идей
о внесении следователем представления
об устранении причин и условий,
способствовавших совершению преступления
(к 100-летию со дня рождения
Г.М. Миньковского)

82

ФЕДУЛОВА А.Е. Юбилей профессора В.Б. Вехова

88

Раздел 7. Обзоры, рецензии, критика

КИРИЛЛОВ Д.А. К пятидесятилетию выхода
учебно-практического пособия И.С. Иванова
«Институт вины в налоговом праве: теория
и практика»

93

Section 6. Science Anniversaries

MELNIKOVA O.A. Developing the scientific
ideas about the introduction of the
investigator's representation on eliminating
the causes and conditions contributed
to the commission of the crime
(to the 100th anniversary of the birth
of G.M. Minkovsky)

FEDULOVA A.E. Anniversary of Professor
V.B. Vekhov

Section 7. Reviews, critiques

KIRILLOV D.A. To the fiftieth anniversary
of publishing I.S. Ivanov's educational
and practical manual "Institution of guilt
in tax law: theory and practice"

Раздел 1. Административное право и деликтология

Научная специальность: 5.1.2

Специальные учреждения, предназначенные для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии: ретроспектива правового статуса

Ян Леонидович Ванюшин,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения и развития специальных учреждений, предназначенных для содержания иностранных граждан, подлежащих реадмиссии. Причиной создания настоящих специальных учреждений, по мнению автора, является выполнение с 2007 года ФМС России функции реализации международных договоров Российской Федерации в сфере реадмиссии, что, в свою очередь, потребовало решения вопроса о временном размещении иностранных граждан, подлежащих реадмиссии. Создание специальных учреждений по реадмиссии проводилось одновременно с образованием в Российской Федерации специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации. В статье на основе аналитических материалов подробно рассматривается правовой статус специальных учреждений по реадмиссии, в том числе в историческом аспекте, порядок их организации, представлен обзор работы по заключению международных договоров Российской Федерации в сфере реадмиссии, проводимой в Российской Федерации в период с 2004 по 2015 год.

Ключевые слова: иностранные граждане, реадмиссия, реадмиссионные центры, специальные учреждения ФМС России, специальные учреждения содержания иностранных граждан, специальные учреждения по реадмиссии, ФМС России

Для цитирования: Ванюшин Я.Л. Специальные учреждения, предназначенные для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии: ретроспектива правового статуса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 6-15.

Special institutions for temporary accommodation of foreign nationals subject to readmission: retrospective of the legal status

Yan L. Vanyushin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Abstract. The history of establishment and development of special institutions for detention of foreign nationals subject to readmission is studied. It is argued that such institutions have been established due to performing by the Russian Federal Migration Service the function of implementing international treaties of the Russian Federation on readmission since 2007, which, in turn, required solving the problem of temporary accommodation of foreign nationals subject to readmission. It is stated that the process of establishing the special institutions for readmission was carried out in the Russian Federation simultaneously with the formation of special institutions for detention of foreign nationals and stateless persons subject to administrative expulsion or deportation. Basing on the analytical materials, the legal status of special institutions for readmission and the procedure of their organization are considered in detail (including the historical aspect). An overview of the work on concluding international treaties of the Russian Federation on readmission, conducted in the Russian Federation from 2004 to 2015, is provided.

Keywords: foreign nationals, readmission, readmission centers, special institutions of the Russian Federal Migration Service, special institutions for detention of foreign nationals, special institutions for readmission, Russian Federal Migration Service

For citation: Vanyushin Ya.L. Special institutions for temporary accommodation of foreign nationals subject to readmission: retrospective of the legal status // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 6-15.

Введение

Возникновение и формирование специальных учреждений, предназначенных для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, имеют непродолжительную историю. Их создание в Российской Федерации осуществлялось одновременно с образованием других специальных учреждений – центров временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации. Первый центр, предназначенный для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих реадмиссии, был создан в 2004 году в г. Пскове. Организационно оформленное специальное учреждение для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению и депортации, согласно сложившейся в научной литературе точке зрения, было создано в г. Москве также в 2004 году [1, с. 26].

В дальнейшем, по прошествии десяти лет, центры для содержания лиц, подлежащих реадмиссии, и специальные учреждения для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению и депортации, были объединены в систему специальных учреждений МВД России. И если последние стали предметом ряда научных исследований, среди которых следует в первую очередь отметить работы Ю.В. Герасименко, Ю.Н. Рыжаковой [2] и Е.А. Летаевой [1; 3], то вопросы возникновения и становления специальных учреждений для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, продолжают оставаться неизученными.

Основная часть

Процесс создания специальных учреждений для временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих реадмиссии, был начат

в 2007 году ФМС России. Причиной этого стала реализация Российской Федерацией международных обязательств по договорам о реадмиссии.

На государственном уровне международные договоры о реадмиссии рассматривались как высокоэффективный инструмент противодействия незаконной миграции, позволяющий осуществлять прием, возврат и транзит лиц, нарушивших правила въезда, пребывания или проживания в государствах, подписавших соответствующие соглашения. В науке также высказывались предположения об эффективности института реадмиссии в иммиграционном механизме. Например, по мнению Н.В. Поляковой, международные договоры о реадмиссии создают наиболее благоприятные условия для реализации административного выдворения и фактически решают вопрос о выдворении граждан третьих государств и лиц без гражданства, которые прибыли с территории государства, являющегося стороной соглашения, тем самым способствуют реальному завершению процедуры административного выдворения [4, с. 9]. В.Ю. Леденёва отмечает, что расширение международного сотрудничества в сфере реадмиссии позволит эффективно противодействовать процессам незаконной миграции, а также предотвратить негативные последствия данных процессов [5, с. 275].

Наибольшую актуальность в этой сфере представляло выполнение обязательств в соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии (г. Сочи, 25 мая 2006 г.), которое было ратифицировано 3 марта 2007 г.* При этом реали-

* См.: О ратификации соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии: федер. закон от 3 марта 2007 г. N 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 10. Ст. 1153.

зация настоящего Соглашения в отношении граждан третьих государств и лиц без гражданства (то есть лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации и гражданами государств – членов Европейского сообщества) подлежала применению в полном объеме с 1 июня 2010 г.

В рамках исполнения данной задачи ФМС России приступила к осуществлению реализации международных договоров в области реадмиссии в части приема российских граждан, незаконно пребывающих на территории иностранных государств, с 1 октября 2007 г. В этом же году в аналитических целях ФМС России была принята Ведомственная целевая программа «Реализация международных договоров Российской Федерации о реадмиссии граждан Российской Федерации» на период 2008-2014 годы, в которой в качестве прогнозируемых показателей устанавливалось поступление ежегодно ходатайств о реадмиссии в отношении 1-1,1 тыс. человек, удовлетворение данных ходатайств в отношении 500-550 граждан.

В 2008 году отношения в сфере реадмиссии получили соответствующее регулирование в отечественном миграционном законодательстве. В частности, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»* (далее – Закон о правовом положении иностранных граждан) был дополнен статьей 32.1, определявшей основные положения выполнения международных договоров Российской Федерации о реадмиссии**. В соответствии с положениями новой статьи реализация прав и обязательств Российской Федерации, предусмотренных международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, возлагалась на ФМС России или ее территориальный орган на основании решения руководителя

ФМС России или его заместителя***. Реализация международных обязательств в области реадмиссии требовала не только правовой регламентации «двухсторонней» реадмиссии, но и решения вопроса о временном нахождении иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации.

В новой редакции Закона о правовом положении иностранных граждан устанавливалось требование о временном размещении иностранного гражданина, подлежащего передаче в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, либо иностранного гражданина, принимаемого в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющего законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в специальном учреждении ФМС России, предназначенном для временного размещения указанных иностранных граждан, на основании решения суда (ч. 2 ст. 32.1). В случае, если срок временного размещения такого иностранного гражданина не превышал 48 часов, оно осуществлялось на основании решения руководителя ФМС России, его заместителя или руководителя территориального органа ФМС России.

Несомненно, решение о создании специальных учреждений для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, являлось одним из необходимых условий формирования инфраструктуры не только для успешной реализации международных соглашений о реадмиссии, но и осуществления иммиграционного контроля в целом. В.Ю. Леденёва отмечает, что создание таких специальных учреждений является устоявшейся практикой во многих зарубежных государствах. В частности, «Результаты исследования стран – участниц "Большой восьмерки" по вопросам незаконной миграции и торговли людьми» от 2006 года свидетельствуют, что

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3032.

** См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 6 мая 2008 г. N 60-ФЗ // Там же. 2008. N 19. Ст. 2094.

*** См. также: О внесении изменений в Положение о Федеральной миграционной службе, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 г. N 928: указ Президента Российской Федерации от 31 окт. 2009 г. N 1232 // Там же. 2009. N 44. Ст. 5193.

во всех данных странах, за исключением Российской Федерации, к 2009 году имелись специальные центры для иммигрантов, где они находились до репатриации. По мнению исследователя, это позволило внести необходимые изменения в национальное законодательство [5, с. 273-274].

В связи с отмеченными изменениями в Законе о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации началась активная работа по формированию нормативной правовой базы специальных учреждений ФМС России для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии. В 2009 году Правительством Российской Федерации были приняты положения о порядке и условиях пребывания иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, в специальных учреждениях ФМС России*, и об осуществлении охраны данных специальных учреждений ФМС России**. В 2010 году в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены дополнения в части установления порядка рассмотрения заявления о временном размещении (продлении срока пребывания) иностранного гражданина, подлежащего реадмиссии, в специальном

* См.: Об утверждении Положения о пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы: постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2009 г. N 555 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 30. Ст. 3801.

** См.: Об утверждении Положения об осуществлении охраны специальных учреждений Федеральной миграционной службы, предназначенных для временного размещения иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, и иностранных граждан и лиц без гражданства, принимаемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 27 янв. 2009 г. N 58 // Там же. N 5. Ст. 629.

учреждении ФМС России и принятия решения по нему (глава 26.1)***.

Вместе с тем правоприменительная деятельность первых лет в сфере реализации прав и обязательств Российской Федерации, предусмотренных международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, свидетельствовала о наличии большого количества пробелов, требующих законодательного регулирования. В связи с этим в июле 2010 г. Закон о правовом положении был дополнен главой V.1 («Передача и прием иностранных граждан в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии»), заменившей статью 32.1****. Применительно к специальным учреждениям ФМС России, предназначенным для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, устанавливалось следующее:

1) возможность временного размещения в специальном учреждении ФМС России иностранных граждан, подлежащих реадмиссии;

2) сокращенное наименование специального учреждения ФМС России, предназначенного для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, – специальное учреждение по реадмиссии (далее – аналогично – специальное учреждение по реадмиссии);

3) полномочия территориального органа ФМС России по доставке иностранного гражданина, подлежащего реадмиссии, и направлению мотивированных запросов по дополнительному сопровождению иностранных граждан территориальным органом внутренних дел;

4) определение сроков временного размещения иностранных граждан в специальном учреждении по реадмиссии – до передачи иностранного гражданина Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международ-

*** См.: О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 июля 2010 г. N 178-ФЗ // Там же. 2010. N 30. Ст. 4009.

**** См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии: федер. закон от 23 июля 2010 г. N 180-ФЗ // Там же. Ст. 4011.

ным договором Российской Федерации о реадмиссии либо до депортации данного иностранного гражданина;

5) полномочия Правительства Российской Федерации по определению порядка охраны специальных учреждений по реадмиссии;

6) требование об осуществлении личного досмотра иностранных граждан и досмотра вещей, находящихся при иностранных гражданах, при временном их размещении в специальных учреждениях по реадмиссии;

7) обязанность иностранных граждан, подлежащих реадмиссии и временно размещенных в специальных учреждениях по реадмиссии, соблюдать порядок пребывания в указанных учреждениях.

В свою очередь, ФМС России были разработаны Правила внутреннего распорядка специальных учреждений ФМС России, предназначенных для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии*. В 2012 году совместно с Минздравсоцразвития России и Роспотребнадзором приняты Порядок организации медико-санитарного обеспечения и Порядок обеспечения лекарственными средствами иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих реадмиссии и временно размещенных в специальных учреждениях ФМС России**. Осуществля-

* См.: О Правилах внутреннего распорядка специальных учреждений, предназначенных для временного размещения иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, иностранных граждан и лиц без гражданства, принимаемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации: приказ ФМС России от 10 июня 2010 г. N 134 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. N 32.

** См.: О Порядке организации медико-санитарного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих реадмиссии и временно размещенных в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы, и Порядке обеспечения лекарственными средствами иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих реадмиссии и временно размещенных в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы: приказ ФМС России от 19 марта 2012 г. N 104 // Там же. 2012. N 31.

лась разработка Административного регламента исполнения ФМС России государственной функции по осуществлению полномочий в сфере реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии.

Создание специальных учреждений по реадмиссии планировалось ФМС России на базе существовавших на тот момент центров для временного размещения вынужденных переселенцев. Как было отмечено, в Российской Федерации к этому времени уже имелся опыт создания специального учреждения по реадмиссии. Впервые оно было создано МВД России в 2004 году в г. Пскове в форме федерального государственного учреждения «Центр для содержания лиц, подпадающих под реадмиссию» с численностью 79 работников и общей площадью 1135 кв. м. Центр был создан в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2004 г. N 1568-р*** в целях реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о приеме и возврате лиц, незаконно находящихся на территории Российской Федерации и территории Литовской Республики (Соглашения о реадмиссии) от 12 мая 2003 г. (г. Вильнюс)****. В распоряжении отмечалось, что создание Центра является предложением МВД России, согласованным с Минздравсоцразвития России, Минфином России, Минэкономразвития России и ФСБ России.

В 2005 году МВД России утвердило Устав Центра для содержания лиц, подпадающих под реадмиссию, в г. Пскове*****, согласно которому настоящий Центр был предназначен для содержания иностранных граждан, принятых от иностранных государств, с которыми Российской Федерацией заключены соглашения о приеме и возврате лиц, незаконно находящихся

*** Собр. законодательства Росс. Федерации. 2004. N 50. Ст. 5116.

**** Там же. 2013. N 34. Ст. 3358.

***** См.: О мероприятиях по созданию федерального государственного учреждения «Центр для содержания лиц, подпадающих под реадмиссию» в г. Пскове: приказ МВД России от 4 авг. 2005 г. N 643. Доступ из СПАС «Юрист».

на их территории (соглашения о реадмиссии), с правом содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению либо депортации в соответствии с нормами Закона о правовом положении иностранных граждан.

Задачами Центра для содержания лиц, подпадающих под реадмиссию, являлись обеспечение режима содержания иностранных граждан в соответствии с законодательством Российской Федерации, проведение профилактической работы, направленной на предотвращение совершения иностранными гражданами правонарушений в дальнейшем.

К основным функциям Центра для содержания лиц, подпадающих под реадмиссию, в г. Пскове относилось:

1) осуществление круглосуточного приема, учета и размещения иностранных граждан, а также представление необходимой информации в территориальный орган ФМС России, Центральный банк данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих и проживающих (как временно, так и постоянно) в Российской Федерации ФМС России;

2) организация учета содержащихся в Центре иностранных граждан, оформление и ведение дел, фотографирование и дактилоскопическая регистрация содержащихся в Центре иностранных граждан;

3) организация медицинского осмотра иностранных граждан, поступивших в Центр, и оказание им медицинской помощи; осуществление взаимодействия с лечебными учреждениями здравоохранения субъекта Российской Федерации в случаях необходимости помещения иностранных граждан на стационарное лечение;

4) обеспечение иностранных граждан в день прибытия койко-местами для временного размещения;

5) осуществление материально-бытового и медико-санитарного обеспечения иностранных граждан в соответствии с требованиями гигиены, санитарии, законодательством об охране здоровья граждан и нормами, установленными законодательством Российской Федерации;

6) обеспечение иностранных граждан питанием по установленной норме;

7) обеспечение охраны иностранных граждан и контроля за соблюдением ино-

странными гражданами Правил внутреннего распорядка;

8) создание необходимых условий для обеспечения прав и законных интересов иностранных граждан;

9) осуществление в установленном порядке взаимодействия с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями иностранных государств с целью документирования иностранных граждан, содержащихся в Центре;

10) организация проведения юридических и социально-психологических консультаций для содержащихся в Центре иностранных граждан.

В соответствии с Уставом настоящий Центр находился в ведомственном подчинении ФМС России, по вопросам своей деятельности Центр взаимодействовал с территориальными органами ФМС России, УВД Псковской области, МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, иными организациями и подразделениями МВД России и ФМС России, органами государственной власти и органами местного самоуправления Псковской области.

В связи с этим при решении вопроса о создании специальных учреждений по реадмиссии предполагался аналогичный механизм, основанный на реорганизации существующих на тот момент в ФМС России центров временного размещения вынужденных переселенцев, центров временного размещения иммигрантов и пунктов первичного приема мигрантов.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 6 мая 2008 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» отмечалось, что создание специальных учреждений по реадмиссии планировалось в результате репрофилирования в 2008 году трех федеральных государственных учреждений ФМС России: Центра временного размещения вынужденных переселенцев (Курганская область, с. Батурино), Пункта первичного приема мигрантов (г. Брянск) и Центра временного размещения иммигрантов «Дон» (Ростовская область, с. Синявское), а так-

же в 2009 году Центра временного размещения вынужденных переселенцев в г. Томске*.

Вместе с тем в действительности процесс создания специальных учреждений по реадмиссии потребовал более значительного времени, чем предполагалось. Учебно-методический центр «Болшево» (Московская область, г. Королев) был перепрофилирован в Учебно-методический и реадмиссионный центр, в 2010-2011 годах планировалось завершить аналогичную работу в отношении Центра временного размещения иммигрантов «Дон».

Окончательную работу по созданию центров, предназначенных для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, удалось завершить к 2011 году. Общая вместимость 3 специальных учреждений ФМС России, предназначенных для временного размещения иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, составила 192 места. В период с 1 февраля 2011 г. по декабрь 2013 г. в них были размещены 711 иностранных граждан: в 2011 году – 115, в 2012 году – 230 и в 2013 году – 366.

В 2012 году в целях совершенствования деятельности специальных учреждений по реадмиссии принимаются:

1) Правила взаимодействия ФМС России и ФСБ России при реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии**;

2) Правила взаимодействия ФМС России и ФСИН России при реализации меж-

дународных договоров Российской Федерации о реадмиссии***;

3) изменения в Положение о пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, иностранных граждан и лиц без гражданства, принимаемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в специальных учреждениях ФМС России (в части уточнения руководителей ФМС России и ее территориальных органов, наделенных полномочием по принятию решения о временном размещении иностранных граждан, подлежащих реадмиссии, в специальных учреждениях на срок, не превышающий 48 часов)****.

Вместе с тем накопленный опыт реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии указывал на ряд пробелов в федеральном законодательстве, затрудняющих выполнение международно-правовых обязательств, принятых Российской Федерацией. При этом за последние годы международно-договорная база Российской Федерации в сфере реадмиссии была существенно расширена. К 2014 году Российской Федерацией было заключено 14 соглашений о реадмиссии и 36 исполнительных протоколов

*** См.: О порядке взаимодействия Федеральной миграционной службы и Федеральной службы исполнения наказаний при реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии: постановление Правительства Российской Федерации от 19 июля 2012 г. N 728 // Там же. N 31. Ст. 4359.

**** См.: О внесении изменения в Положение о пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, иностранных граждан и лиц без гражданства, принимаемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы: постановление Правительства Российской Федерации от 16 авг. 2012 г. N 838 (утратило силу) // Там же. N 35. Ст. 4827.

* См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 6 мая 2008 г. N 60-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: О порядке взаимодействия Федеральной миграционной службы и Федеральной службы безопасности Российской Федерации при реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии: постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2012 г. N 715 (утратило силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 30. Ст. 4280.

о порядке их реализации, Меморандум о взаимопонимании по вопросам борьбы с незаконной миграцией с Индией между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии (Нью-Дели, 21 декабря 2010 г.)* и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией (Москва, 22 марта 2013 г.), содержащие положения о реадмиссии. Из заключенных международных договоров о реадмиссии 11 вступило в силу, их действие распространялось на 34 государства. Кроме того, в этот период ФМС России активно проводила работу над проектами международных договоров о реадмиссии еще с 20 государствами, к 2015 году их количество планировалось увеличить до 28 [6, с. 154-155].

Как следствие, в последние несколько лет отмечалось увеличение основных показателей в сфере реадмиссии. Например, в 2013 году относительно предыдущего периода на 21 % больше поступило ходатайств о реадмиссии, рост количества ходатайств в отношении граждан Российской Федерации составил 22 %, количество удовлетворенных ходатайств о реадмиссии увеличилось на 28 %, 470 граждан Российской Федерации были переданы на территорию Российской Федерации в порядке реадмиссии, что на 14 % больше, чем в 2012 году (413) [6, с. 154-155].

Это потребовало расширения инфраструктуры специальных учреждений по реадмиссии. Рассматривались два направления решения этого вопроса. Первое заключалось в возможности строительства дополнительного корпуса в ФКУ ФМС России «Дон» и репрофилирования центров временного размещения вынужденных переселенцев в г. Томске, г. Оренбурге и г. Тамбове. Второе направление предполагало возможность создания многофункциональных центров ФМС России, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих как реадмиссии, так и административному выдворению и депортации.

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Последнему направлению развития специальных учреждений по реадмиссии способствовало решение о передаче ФМС России и ее территориальным органам из ведения субъектов Российской Федерации других специальных учреждений – для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению и депортации, которые планировалось объединить в федеральную подсистему.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 178-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии» было предусмотрено содержание иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, с 1 января 2014 г. в специальных учреждениях ФМС России и ее территориальных органов**. Для выполнения всех организационно-правовых процедур, связанных с реализацией вынесенных в отношении таких иностранных граждан решений, планировалось расширение имеющейся в ФМС России инфраструктуры, предназначенной для размещения иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии.

Оптимальным в этой ситуации было создание единого специального учреждения в ведении ФМС России и ее территориальных органов, предназначенного для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации и реадмиссии***.

С данным решением связан и процесс передачи ФМС России и ее территориальным органам обязанности полиции по содержанию иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих адми-

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 27. Ст. 3470.

*** См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 384-ФЗ // Там же. N 52. Ст. 6953.

нистративному выдворению за пределы Российской Федерации, которые продолжали содержаться в специально отведенных помещениях органов внутренних дел (до 1 апреля 2014 г.)*. Кроме того, количество иностранных граждан и лиц без гражданства, предполагаемых к размещению в специальных учреждениях ФМС России для принудительного административного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, составляло в 2014-2015 годах более 37 тыс.

Достаточно удачно процесс образования единой системы специальных учреждений описывает Е.А. Летаева. Ученый отмечает, что, во-первых, на законодательном уровне закрепляется определение специального учреждения; во-вторых, как следует из определения, закрепляется принадлежность специальных учреждений ФМС России и ее территориальным органам; в-третьих, с 1 января 2014 г. предусматривается возможность содержания в настоящих специальных учреждениях еще одной категории иностранных граждан — подлежащих передаче в порядке реадмиссии [3, с. 48].

Таким образом, специальные учреждения по реадмиссии были включены в новую создаваемую в Российской Федерации единую систему многофункциональных специальных учреждений ФМС России и ее территориальных органов. Завершение процесса объединения специальных учреждений произошло к 2015 году. В 2014 году (в переходный период) в специальных учреждениях по реадмиссии было размещено 472 иностранных гражданина, в отношении которых осуществлялась процедура реадмиссии.

Заключение

В завершение следует отметить не-продолжительную историю развития спе-

циальных учреждений по реадмиссии — с момента создания в г. Пскове реадмиссионного центра в 2004 году до объединения подобных центров через десять лет со специальными учреждениями для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению и депортации.

Создание специальных учреждений по реадмиссии было обусловлено начатой в 2007 году работой по заключению Российской Федерацией международных договоров в сфере реадмиссии и, как следствие, необходимостью временного размещения иностранных граждан. В связи с тем, что государственные функции по реализации международных договоров Российской Федераций в сфере реадмиссии были возложены на ФМС России, в ее системе начали создаваться специальные учреждения по реадмиссии. Одновременно с процессом создания специальных учреждений по реадмиссии в Российской Федерации предпринимались попытки создания специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению и депортации. Однако в этот период они не имели организационного единства. Частично такие специальные учреждения создавались в субъектах Российской Федерации в качестве самостоятельных учреждений и передавались в ведение органов внутренних дел, в других случаях их функции продолжали осуществлять специально отведенные помещения в органах внутренних дел. Объединение специальных учреждений по реадмиссии и специальных учреждений для административного выдворения и депортации стало возможным к 2014 году.

Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, сосредоточение государственных функций в сфере миграции в компетенции ФМС России и ее территориальных органов; во-вторых, формирование системы специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению и депортации, в субъектах Российской Федерации; в-третьих, формирование правового регулирования деятельности специальных уч-

* См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения сроков передачи полномочий по содержанию иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации или депортации: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 388-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 52. Ст. 6949.

реждений и, в-четвертых, прогнозируемое увеличение количества иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих временному размещению в специальных учреждениях. Таким образом, история специальных учреждений по реадмиссии

становится частью истории специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии, в некоторой мере являющейся ее предысторией.

Список источников

1. Летаева Е.А. Административно-правовой статус специальных учреждений МВД России для содержания иностранных граждан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2. С. 26-34.
2. Герасименко Ю.В., Рыжакова Ю.Н. Организация специальных учреждений для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению или депортации за пределы России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. N 3. С. 30-34.
3. Летаева Е.А. Специальные учреждения МВД России для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации и реадмиссии (теоретико-прикладной аспект): монография, Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. 160 с.
4. Полякова Н.В. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: содержание, проблемы и основные направления совершенствования правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Воронеж, 2008. 23 с.
5. Основы миграционной политики: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. И.Н. Барцица, В.К. Егорова, К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. Москва, 2010. 478 с.
6. Итоги деятельности ФМС России в 2013 году: сборник материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы / под общ. ред. К.О. Ромодановского. Москва: ФМС России, 2014. 187 с.

References

1. Letaeva E.A. Administrative and legal status of special institutions of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation for the detention of foreign citizens. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 2, pp. 26-34. (In Russ).
2. Gerasimenko Yu.V., Ryzhakova Yu.N. Organization of special institutions for the detention of foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion or deportation outside Russia. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 3, pp. 30-34. (In Russ).
3. Letaeva E.A. Special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the detention of foreign citizens subject to administrative expulsion, deportation and readmission (theoretical and applied aspect). Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2022. 160 p. (In Russ).
4. Polyakova N.V. Administrative expulsion from the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons: content, problems and main directions for improving law enforcement activities. Autoabstract Cand. Diss. Voronezh, 2008. 23 p. (In Russ).
5. Fundamentals of migration policy. Under the general editorship of I.N. Bartsits, V.K. Egorov, K.O. Romodanovsky, M.L. Tyurkin. Moscow, 2010. 478 p. (In Russ).
6. Results of the activities of the Federal Migration Service of Russia in 2013: a collection of materials from an extended meeting of the board of the Federal Migration Service. Under the general editorship of K.O. Romodanovsky. Moscow, Federal Migration Service of Russia, 2014. 187 p. (In Russ).

Научная специальность: 5.1.2

Административная ответственность: системно-правовой анализ

Виталий Иванович Иванов,

кандидат юридических наук, Омская гуманитарная академия; Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина; Омский государственный технический университет, Омск, Россия, vitaliv2019@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6312-3134>

Аннотация. Статья посвящена правовому институту административной ответственности. Особое внимание уделяется неразрывной связи административной ответственности с правонарушениями в сфере государственного управления и обусловленности принудительным воздействием со стороны уполномоченных органов и должностных лиц. Государственное принуждение, основанное на материальных нормах административного права, определяется автором в качестве легального способа реализации власти. Устанавливаются назначение, главная цель, задачи и основная функция государственного принуждения. Посредством анализа причинно-следственной обусловленности административной ответственности материально-правовым принуждением выявляются основные признаки и выделяются виды административной ответственности, раскрываются ее формальное и фактическое содержание, назначение и цель, определяется день окончания административной ответственности, связанной с исполнением наказания. Предлагается авторская редакция статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, содержащая дефиницию административной ответственности физических и юридических лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, государственное принуждение, государственное управление, административное правонарушение

Для цитирования: Иванов В.И. Административная ответственность: системно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 16-23.

Administrative responsibility: systematic and legal analysis

Vitaly I. Ivanov,

Candidate of Legal Sciences, Omsk Humanitarian Academy; Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin; Omsk State Technical University, Omsk, Russia, vitaliv2019@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6312-3134>

Abstract. The legal institution of administrative responsibility is considered in the article. Particular attention is paid to both the inseparable connection between administrative responsibility and offenses in the sphere of public administration and the conditionality of coercive influence on the part of authorized bodies and officials. State coercion, based on the substantive norms of administrative law, is defined in the article as a legal way of exercising power. The purpose, main goal, tasks and main function of state coercion are established. Through analyzing the cause-and-effect conditionality of administrative responsibility by substantive legal coercion, the essential features of administrative responsibility are identified; its formal and actual content, purpose and goal are revealed; the author's classification of its types is provided; the day of termination of administrative responsibility related to the execution of punishment is determined. The author's version of Article 2.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, containing the definition of the administrative responsibility of individuals and legal entities, is proposed.

Keywords: administrative responsibility, state coercion, public administration, administrative offense

For citation: Ivanov V.I. Administrative responsibility: systematic and legal analysis // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 16-23.

Правовой институт юридической ответственности — это неотъемлемый компонент большинства отраслевых систем российского права, формирование и развитие которого продолжалось достаточно длительный период в истории их становления. Несмотря на сложившуюся многолетнюю практику применения, в настоящее время отсутствует законодательная дефиниция юридической ответственности в рамках какой-либо отрасли права. По этой причине вопросы, связанные с определением понятия административной ответственности, ее назначения, целей и задач, являются актуальными, привлекая внимание ученых-юристов к указанной проблеме.

В теории права не существует единого определения понятия «юридическая ответственность». Современные научные представления об административной ответственности опираются на устоявшиеся результаты исследований XX века. При этом они, как правило, ограничиваются отождествлением ответственности с наказанием или принуждением [1, с. 15; 2, с. 132].

Во второй половине XX века в теории права господствовала научная точка зрения, согласно которой юридическая ответственность представляет собой форму государственного принуждения. Например, С.С. Алексеев рассматривает юридическую ответственность как внешнее воздействие, основанное на праве и выраженное во вне организованной силой государства в направлении безусловного утверждения государственной воли. Ученый объясняет ее отличие от других видов принудительного воздействия наличием возложенных на правонарушителя дополнительных обременений (наказания, штрафных и иных лишений и обязанностей) [3, с. 106; 4, с. 184-189]. И.С. Самощенко и М.Х. Фарушкин определяют ответственность как государственное принуждение к исполнению требований права, содержащее осуждение деяний правонарушителя государством и обществом [5, с. 6]; С.Н. Братусь — как исполнение обязанности посредством государственного принуждения (при этом ученый приводит в пример уплату суммы долга заемщиком на основе решения суда) [6, с. 103]; Н.В. Витрук — как меру государственного принуждения, осущест-

вляемую на основе и в рамках закона, то есть правовую форму государственного принуждения [7, с. 34].

В представленных научных выводах проявляется неразрывная связь юридической ответственности с государственным принуждением. Последнее в контексте административно-правовой природы предмета правового регулирования рассматривается как ответная реакция специально уполномоченных субъектов (государственных органов и (или) их должностных лиц) на административное правонарушение. На основании изложенного в целях обеспечения полноты настоящего исследования представляется необходимым сначала уделить внимание понятиям «административное правонарушение» и «государственное принуждение».

Административное правонарушение — это противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ). В данном определении в качестве главного отличительного признака административного правонарушения выступает противоправность деяния. Согласно справедливому утверждению О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, «...для того, чтобы деяние рассматривалось как противоправное оно должно: а) быть общественно опасным, б) нарушать норму действующего права» [8, с. 334].

Вместе с тем вопрос о наличии общественной опасности в нарушениях административного законодательства на сегодняшний день является открытым. Полагаем необходимым придерживаться научного подхода, согласно которому общественная опасность представляет собой признак административного правонарушения, выражающий его противоправность [9, с. 87], поэтому «...для административных правонарушений присуща именно общественная опасность, как материальный признак любого правонарушения... единственная особенность такого признака, это степень общественной опасности, которая отличается по видам правонарушений...» [10, с. 153].

Что касается норм административного права, то они представляют собой установленные или санкционированные уполномоченными на то органами государства правила поведения, направленные на обеспечение публичного интереса. Это модель должного поведения субъектов общественных отношений, реализация которой происходит при исполнении закрепленных в норме предписаний или запретов.

Сущность предписаний (позитивных обязываний) и запретов как наиболее распространенных способов административно-правового регулирования заключается в возложении на управляемых субъектов юридических обязанностей, соответственно, по совершению определенных действий или воздержанию от их совершения [11, с. 55-57].

Д.Н. Ушаковым слово «опасность» определяется как возможность, угроза бедствия, катастрофы, чего-нибудь нежелательного; Т.Ф. Ефремовой — как возможность чего-либо опасного, какого-либо несчастья, вреда [12]; в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой опасность характеризуется как возможность, угроза чего-нибудь способного вызвать причинение какого-нибудь вреда, несчастья [13, с. 372].

На основании изложенного представляется очевидным, что, поскольку любое причинение вреда — это результат опасного проявления (в том числе виновного или невиновного поведения), то неисполнение легально установленных предписаний и (или) запретов (а в определенных законодательством случаях и угроза такого неисполнения) в сфере административно-правового регулирования, сопряженное с причинением вреда правам и законным интересам физических или юридических лиц, обществу или государству, является общественно опасным, то есть влекущим нарушение установленного порядка государственного управления.

По характеру регулируемых отношений нормы административного права делятся на материальные и процессуальные. Для целей настоящей статьи интерес представляют материальные нормы права, поскольку с их помощью осуществляется непосредственное регулирование в админи-

стративно-правовой сфере, определяются и через акты правоприменения иницируются к реализации права, обязанности и юридическая ответственность участников правоотношений. Процессуальные нормы административного права (соответственно, и осуществляемое на их основе принуждение) играют вспомогательную роль, так как основное назначение последних — обеспечить реализацию норм материальных. По этой причине в рамках настоящей статьи уделять внимание процессуальному принуждению нецелесообразно.

Российская Федерация — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). В любом демократическом обществе государственное управление, устанавливая дисциплину и правопорядок, опирается на два наиболее распространенных способа активного целенаправленного воздействия на сознание и поведение граждан — убеждение и принуждение. Государственная власть реализуется посредством организации направляемых ею общественных отношений. Властвование посредством убеждения имеет место, если воля властвующего воспринимается подвластными как справедливое и должное веление, совпадающее с его волей (или в результате воздействия на подвластного, при котором властная воля становится волей подвластного без принуждения) [14, с. 26].

Нормативно-правовое регулирование, в процессе которого осуществляется определение и закрепление юридических прав и обязанностей участников общественных отношений, — это важный способ осуществления государственной власти, опирающийся на убеждение и принуждение. Исходя из этого следует согласиться с мнением С.Н. Братуся о том, что обязательность и принудительность — явления не тождественные. Обязанность, в частности юридическая обязанность, в большинстве случаев в обществе исполняется добровольно, причем не только под страхом принуждения, которое может быть применено в случае ее нарушения, но и в силу убежденности в справедливости, истинности, социальной целесообразности обязанности и тем самым осознанной необходимости ее исполнения [6, с. 52].

Виновное неисполнение обязанностей, установленных материальной нормой административного права, является основанием для применения к нарушителю принудительных мер со стороны государства в виде:

а) психического давления на волю лица (субъекта обязанности) путем объявления ему угрозы применения санкции нарушенной нормы права;

б) физического воздействия путем реализации санкции нарушенной нормы права [6, с. 52-54].

Принудительное воздействие в указанных случаях имеет юридические основания, предусмотренные ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. В этих случаях при защите прав каждого субъекта российского общества на нормальную, бесперебойную реализацию государственной власти в административно-правовой сфере уполномоченные органы государства и их должностные лица обязаны, согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, использовать в рамках внешнего принудительного воздействия, оказываемого на нарушителя, допустимые средства, способы и методы профилактического, воспитательного и исправительного характера [15, с. 330-331].

В рассматриваемом контексте представляется очевидным, что правовое принуждение выступает способом обеспечения исполнения обязанностей, закрепленных в диспозициях материальных норм административного права (носит восстановительный характер) и (или) в их санкциях (исполнение дополнительно возложенной обязанности в виде наказания, что имеет для нарушителя карательное значение). Однако в любом случае принудительное воздействие мер, имеющих профилактическое, воспитательное и исправительное значение, всегда направлено на формирование у правонарушителя побуждения к исполнению обязанностей, установленных в диспозициях материальных правовых норм (то есть восстановление порядка управления), которое должно быть достигнуто вне зависимости от факта возложения или невозложения на виновного дополнительной обязанности (наказания), что определяет общий восстановительный характер принуждения.

Таким образом, на основании изложенного не вызывает сомнений, что правомерная принудительная ответная реакция со стороны уполномоченных официальных органов и должностных лиц на нарушения административного законодательства, опосредованная вышеуказанными правовыми методами воздействия на сознание, волю и поведение виновных, — это легальная форма взаимодействия, в результате применения которой правонарушитель вынужден исполнять публичные обязанности.

Посредством принудительного исполнения публичных обязанностей обеспечивается защита нарушенных прав и законных интересов, а также безопасное осуществление государственной власти в сфере административно-правового регулирования.

Данные обстоятельства позволяют определить главную цель государственного принуждения в административно-правовой сфере — обеспечение исполнения виновным в совершении административного правонарушения публичных обязанностей, задачи — профилактика правонарушений, воспитание и исправление виновного, а также основное назначение — обеспечение защиты прав и законных интересов лиц, общества или государства от нарушений порядка управления.

При обобщении промежуточных результатов проведенного исследования правомерен вывод о том, что основанное на материальных нормах административного права государственное принуждение — это легальный способ реализации власти государственными органами и (или) их должностными лицами посредством применения мер, имеющих профилактическое, воспитательное и исправительное значение, в процессе внешнего воздействия (психического или физического) на сознание, волю и поведение лиц, виновных в совершении административных правонарушений, с целью обеспечения исполнения последними публичных обязанностей в сфере государственного управления.

Однако требует ответа вопрос о возможности рассмотрения принуждения, реализуемого на основе норм материального права, в качестве административной от-

ветственности. Согласно ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание является мерой ответственности, установленной государством за совершение административного правонарушения. Административные наказания могут применяться как к физическим, так и к юридическим лицам (ст.ст. 2.10 и 3.2 КоАП РФ).

В рамках административно-правового взаимодействия юридическое лицо реализует свои полномочия посредством органа управления. «Орган юридического лица — это некая организационно оформленная часть юридического лица, представленная либо одним, либо несколькими физическими лицами, образуемая в соответствии с порядком, определенным законом и учредительными документами, обладающая определенными полномочиями, реализация которых осуществляется в пределах собственной компетенции, которая посредством принятия специальных правовых актов, виды которых определяются законодательством, реализует волю юридического лица» [16, с. 122].

В контексте изложенного административное наказание необходимо рассматривать как дополнительную обязанность (совершить определенное действие или отказаться от его совершения), принудительно возложенную уполномоченными органами и (или) должностными лицами на виновного в совершении правонарушения. В связи с этим не вызывает сомнений то, что административная ответственность всегда обусловлена реализацией дополнительно возложенной обязанности, вытекающей из наказания. Иное позволяло бы рассматривать как привлечение к административной ответственности любой результат легального применения принуждения в административно-правовой сфере.

Поскольку административное принуждение по отношению к нарушителю выступает внешним обременительным (то есть доставляющим хлопоты, неудобства, отягощения [13, с. 478]) условием исполнения возложенной на него дополнительной публичной обязанности в сфере государственного управления, то правомерен вывод о необходимости рассматривать административную ответственность с двух позиций восприятия:

1) со стороны общественности — это сам процесс исполнения лицом, виновным в совершении административного правонарушения, дополнительно возложенной публичной обязанности под влиянием обременения, вызванного легальным материально-правовым физическим и (или) психическим принудительным воздействием государственных органов и (или) их должностных лиц. Такое определение выражает формальные юридические признаки, поскольку раскрывает лишь внешнее (социальное) восприятие административной ответственности (формальная административная ответственность);

2) с позиции правонарушителя — это состояние физического или (органа управления) юридического лица, виновного в совершении правонарушения, отягощенное негативным восприятием материально-правовых принудительных условий исполнения дополнительно возложенной на него публичной обязанности. Данное определение указывает на реальный результат проявления административной ответственности (фактическая административная ответственность).

На основании изложенного в зависимости от характера восприятия принудительного воздействия можно выделить два вида административной ответственности — формальную и фактическую. В рассматриваемом контексте очевидно, что материально-правовое принудительное воздействие и административная ответственность не являются тождественными понятиями.

Принуждение — это средство обеспечения исполнения дополнительной обязанности в виде административного наказания.

Административная ответственность — это состояние физического или (органа управления) юридического лица, виновного в совершении правонарушения, отягощенное негативным восприятием процесса исполнения наказания (то есть результат применения карательного материально-правового принуждения). Имеет профилактическое значение, поскольку направлена на предупреждение совершения данным лицом новых административных правонарушений, чем обеспечивает защиту прав и законных интересов лиц,

общества или государства в сфере административно-правового регулирования.

Таким образом, государственное материально-правовое принуждение и административная ответственность — это способы защиты прав и законных интересов лиц, общества или государства в сфере административно-правового регулирования.

Из анализа содержания главы 3 и ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ следует, что принудительное воздействие при привлечении правонарушителя к ответственности может осуществляться без ограничения конституционных и лишения специальных прав либо сопровождаться:

а) ограничением конституционных прав;

б) лишением специальных прав.

Согласно ч. 2 ст. 31.2 КоАП РФ юридическая ответственность возникает с момента вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 4.6 и п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ можно сделать вывод о том, что в течение одного года со дня окончания исполнения постановления об административном правонарушении (характере официально установленного принудительного (психического) воздействия на нарушителя, которое призвано посредством страха возможного ужесточения последующей административной ответственности обеспечить надлежащее исполнение установленных в сфере государственного управления запретов и предписаний. Таким образом, днем окончания административной ответственности, связанной с исполнением наказания, следует считать последний день года, берущего начало со дня окончания исполнения постановления об административном правонарушении.

Освобождая от административной ответственности лицо, совершившее административное правонарушение в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет (ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ), или при малозначительности совершенного административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ), судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, соответственно, применяют меры воздействия, предусмотренные

федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних, или ограничиваются устным замечанием, в процессе реализации которых, по нашему мнению, должны разъяснить сущность и социальную целесообразность ранее нарушенной обязанности, убедив виновного в необходимости ее последующего осознанного исполнения.

В завершение следует сформулировать выводы.

1. Материально-правовое государственное принуждение — это легальный способ осуществления власти государственными органами и (или) их должностными лицами посредством применения мер, имеющих профилактическое, воспитательное и исправительное значение, в процессе внешнего воздействия (психического или физического) на сознание, волю и поведение лиц, виновных в совершении административных правонарушений, с целью обеспечить исполнение последними публичных обязанностей в сфере государственного управления.

2. Общее назначение материально-правового принуждения в административной отрасли права — обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, общества или государства от нарушений порядка управления. Реализуется путем достижения главной цели рассматриваемого принуждения.

3. Главная цель материально-правового принуждения в административной отрасли права — обеспечить исполнение лицом, виновным в совершении административного правонарушения, публичных обязанностей. Достигается путем решения задач данного принуждения.

4. Задачи материально-правового принуждения — это вопросы практического применения допустимых средств и способов, имеющих профилактическое, воспитательное и исправительное значение, решение которых осуществляется государственными органами и (или) их должностными лицами в процессе оказания принудительного (психического или физического) воздействия на сознание, волю и поведение лиц, виновных в совершении административных правонарушений.

5. Основная функция материально-правового принуждения в администра-

тивной отрасли права носит восстановительный характер (поскольку посредством принуждения осуществляется восстановление установленного порядка государственного управления).

б. Административная ответственность — это:

1) исполнение лицом, виновным в совершении административного правонарушения, дополнительно возложенной публичной обязанности под влиянием обременения, вызванного легальным материально-правовым физическим и (или) психическим принудительным воздействием государственных органов и (или) их должностных лиц;

2) состояние физического или (органа управления) юридического лица, виновного в совершении административного правонарушения, отягощенное негативным восприятием материально-правовых принудительных условий исполнения дополнительно возложенной на данное лицо публичной обязанности в виде административного наказания.

7. Назначение административной ответственности — обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, общества или государства в сфере административно-правового регулирования. Реализуется посредством достижения ее цели.

8. Цель административной ответственности — профилактика совершения административных правонарушений.

9. День окончания административной ответственности — последний день года, берущего начало со дня окончания

исполнения постановления об административном правонарушении.

10. Административная ответственность может быть классифицирована по следующим основаниям:

1) в зависимости от характера восприятия принудительного воздействия — формальная и фактическая;

2) в зависимости от степени оказываемого принудительного воздействия:

— осуществляемая без ограничения конституционных и лишения специальных прав;

— сопровождаемая ограничением конституционных прав;

— сопровождаемая лишением специальных прав.

11. Государственное материально-правовое принуждение и административная ответственность — это способы защиты прав и законных интересов лиц, общества или государства в сфере административно-правового регулирования.

12. Исходя из содержания полученных результатов исследования предлагается внести в ст. 2.1 КоАП РФ изменения:

1) в названии статьи указать: «Административное правонарушение и административная ответственность»;

2) дополнить частью 1.1 следующего содержания: «Административная ответственность — это состояние физического или юридического лица, виновного в совершении административного правонарушения, отягощенное негативным восприятием исполнения им административного наказания».

Список источников

1. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. N 1. С. 15-22.
2. Кругликов В.Д. Понятие и сущность административной ответственности как вида юридической ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. N 21-1. С. 132-133.
3. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. Москва: Юрид. лит., 1971. 221 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: курс лекций: учеб. пособие: в 4 вып. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 226 с.
5. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. Москва, 1974. 44 с.
6. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории) / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. Москва: Юрид. лит., 1976. 215 с.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: [монография] / Российская акад. правосудия. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Норма, 2009. 431 с.
8. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.
9. Стариков Ю.Н. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. Москва: Юристъ, 1999. 728 с.

10. Попов Л.Л., Овсянко Д.М., Козлов Ю.М. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2005. 703 с.
11. Бошно С.В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014. N 3. С. 52-60.
12. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru/o4625.html> (дата обращения: 2 авг. 2023 г.).
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская акад. наук; Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. Москва: АЗЪ, 1993. 960 с.
14. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. N 2. С. 15-26.
15. Данькова И.В. О взаимодействии школы, семьи и органов внутренних дел в процессе исправления и перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сб. тез. выступл. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний: в 2 т. Т. 1. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 328-331.
16. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами. Правовой аспект. Москва: Проспект, 2011. 350 с.

References

1. Zyryanov S.M. Administrative responsibility in the system of public liability. Journal of Russian law, 2014, no. 1, pp. 15-22. (In Russ.).
2. Kruglikov V.D. The concept and essence of administrative responsibility as a type of legal responsibility. Actual problems of combating crimes and other offenses, 2021, no. 21-1, pp. 132-133. (In Russ.).
3. Alekseev S.S. Social value of law in the Soviet society. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 221 p. (In Russ.).
4. Alekseev S.S. General theory of socialist law: a course of lectures: textbook. allowance: in 4 issues. Issue 2: Rules of law and legal relations. Sverdlovsk, Middle Ural book publishing house, 1964. 226 p. (In Russ.).
5. Samoshchenko I.S., Farukhin M.Kh. The essence of legal responsibility in the Soviet society. Moscow, 1974. 44 p. (In Russ.).
6. Bratus' S.N. Legal responsibility and legality: (Essay on theory). Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 215 p. (In Russ.).
7. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility. Moscow, Norma Publ., 2009. 431 p. (In Russ.).
8. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law. Moscow, Gosjurizdat Publ., 1961. 381 p. (In Russ.).
9. Starilov Yu.N. Administrative law. Moscow, Yurist" Publ., 1999. 728 p. (In Russ.).
10. Popov L.L., Ovsyanko D.M., Kozlov Yu.M. Administrative law. Moscow, Yurist" Publ, 2005. 703 p. (In Russ.).
11. Boshno S.V. Methods and methods of legal regulation. Law and modern states, 2014, no. 3, pp. 52-60. (In Russ.).
12. General explanatory dictionary of the Russian language. Available at: <http://tolkslovar.ru/o4625.html> (accessed August 2, 2023). (In Russ.).
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 72 500 words and 7500 phraseological expressions. Moscow, AZ" Publ., 1993. 960 p. (In Russ.).
14. Korolev A.I., Mushkin A.E. State and power. Jurisprudence, 1963, no. 2, pp. 15-26. (In Russ.).
15. Dan'kova I.V. On the interaction of the school, family and internal affairs bodies in the process of correction and re-education of a juvenile offender. The penitentiary system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030. In 2 volumes. Volume 1. Ryazan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. Pp. 328-331. (In Russ.).
16. Mogilevsky S.D. Management Bodies of Business Companies. Legal aspect. Moscow, Prospect, 2011. 350 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

Модель системы профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора)

Мария Александровна Винокурова,

кандидат юридических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, marysy_1108@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9574-7865>

Елена Николаевна Майорова,

кандидат юридических наук, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, major.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

Аннотация. В статье предпринята попытка систематизации основных положений, касающихся вопросов профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора). Основываясь на результатах проведенного исследования, авторы отмечают, что учет доминант поведения подконтрольного субъекта позволит повысить эффективность использования профилактических практик в деятельности контрольно-надзорных органов. При реализации мер профилактики следует обратить внимание и на адаптивное поведение подконтрольного субъекта, а именно на своевременность и объем предпринятых им мер. Исходя из целей профилактической деятельности, выделены функции профилактики нарушений обязательных требований законодательства, а процесс применения профилактических практик в текущей деятельности контрольно-надзорных органов предложено условно разделить на несколько этапов: 1) анализ и оценка фактического положения дел, 2) принятие и исполнение решения о применении того или иного вида профилактического мероприятия в отношении подконтрольного субъекта, 3) анализ и обобщение полученных результатов.

Ключевые слова: профилактика нарушений, государственный контроль, государственный надзор, контрольно-надзорный орган, подконтрольный субъект

Для цитирования: Винокурова М.А., Майорова Е.Н. Модель системы профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 24-31.

Model of the system of preventing violations when implementing the state control (supervision)

Mariya A. Vinokurova,

Candidate of Legal Sciences, South Ural State Humanitarian Pedagogical University; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, marysy_1108@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9574-7865>

Elena N. Mayorova,

Candidate of Legal Sciences, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, major.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

Abstract. The article attempts to systematize the main provisions on prevention of violations of the mandatory requirements when implementing the state control (supervision). Basing on the results of the conducted research, it is noted that accounting the dominant behavior of the controlled subject will increase the efficiency of the use of preventive practices in the activities of the control and supervisory authorities. When implementing preventive measures, attention should also be paid to the adaptive behavior of the controlled subject, namely the timeliness and volume of the measures taken. Based on the goals of the preventive activities, the functions of preventing violations of the mandatory legal requirements are distinguished. It is proposed to divide the process of applying the preventive practices in the current activities of the control and supervisory authorities into several stages:

© Винокурова М.А., Майорова Е.Н., 2023

1) analyzing and assessing the factual situation, 2) decision-making and executing the decisions on the application of a particular type of the preventive measures in relation to the controlled subject, 3) analyzing and generalizing the results obtained.

Keywords: prevention of violations, state control, state supervision, control and supervisory authority, controlled subject

For citation: Vinokurova M.A., Mayorova E.N. Model of the system of preventing violations when implementing the state control (supervision) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 24-31.

Введение

Реформа государственного контроля (надзора), ставшая предметом обсуждения в последнее время, изменила формацию отношений между контрольно-надзорным органом и подконтрольным субъектом. Как справедливо отмечают исследователи, «современное законодательство о государственном контроле (надзоре) представляет собой достаточно пеструю совокупность федеральных и региональных законов» [1, с. 163].

Существенный вклад в правовое обеспечение прав контролируемых субъектов внесло принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»* (далее – Федеральный закон N 248-ФЗ), положения которого в качестве приоритета перед контрольно-надзорными действиями устанавливают профилактические мероприятия в отношении контролируемых лиц, определяя цель для проверяющих органов – предупреждение нарушений обязательных требований. При этом перечень профилактических мероприятий согласно ст. 45 настоящего Закона достаточно широк и включает «информирование, обобщение правоприменительной практики, меры стимулирования добросовестности, объявление предостережения, консультирование, самообследование, профилактический визит», а также профилактическое сопровождение и издание руководств по соблюдению обязательных требований законодательства [1, с. 164].

* О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ: ред. от 4 авг. 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 1 (ч. I). Ст. 5007; 2023. N 32 (ч. II). Ст. 6215.

Профилактика как форма государственного контроля (надзора) стала одним из действенных инструментов, позволяющих обнаружить, минимизировать и предотвратить риски, возникающие при нарушении обязательных требований законодательства.

Основная часть

Контрольно-надзорная деятельность и ее эффективность являются предметом исследования многих ученых, которые рассматривают данную деятельность с точки зрения теории и практики. В качестве примера можно привести работы Ю.А. Браташовой [2], А.В. Липунцовой [3], Д.В. Париновой [4], Е.Н. Смирновой [5], Д.С. Фесько [1]. Однако современное состояние государственного контроля (надзора) крайне противоречивое. Динамичность социальных процессов диктует новые условия взаимодействия между контрольно-надзорным органом и его подконтрольными субъектами. При этом противоречивость выражается в недостаточном значении использования профилактических практик, что порождает несоответствие восприятия между реальным событием и его условным образом, зависящим от несовершенства механизма административно-правового регулирования.

Например, в сравнении с 2019 годом, в течение которого было проведено 1,5 млн проверок, в 2021 году их количество сократилось в два раза. В то же время согласно результатам опроса, проведенного Фондом «Центр стратегических разработок», «полезность профилактических визитов оценила только половина опрошенных предпринимателей»**. Следует отметить, что такая ситуация свидетельству-

** Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность: официальный сайт. URL: <http://knd.ac.gov.ru>

ет о существующем разрыве между буквой и духом закона. Профилактика не должна дублировать сущность контрольно-надзорной деятельности, которая заключается в назидательном давлении, выраженном в форме санкций и требований. Е.Н. Смирнова справедливо отмечает, что непроверяемое достоинство перехода с принципа, «...когда эффективность работы контрольно-надзорного органа оценивается по количеству проведенных им проверок и объему собранных административных штрафов, на систему, в которой приоритет отдается профилактической функции, реализуемой через ряд мероприятий, невозможно не заметить и переоценить» [5, с. 146].

Использование профилактических практик в текущей деятельности контрольно-надзорных органов должно способствовать формированию у подконтрольного субъекта убежденности в необходимости и целесообразности применения профилактических мер. Соответственно, контрольно-надзорный орган обязан разъяснить подконтрольному субъекту рациональность ведения такого формата работы, в ходе которой императив в форме вины заменяется категорией «воля». Цель государственного контроля (надзора) «...состоит не только в выявлении нарушения законодательства и привлечении к ответственности, но и в создании условий, при которых проверяемые субъекты будут заинтересованы в минимизации нарушений со своей стороны» [5, с. 146]. Считаем, что такая позиция предполагает изучение поведения контролируемых субъектов с целью выявления механизмов воздействия на них в рамках реализации мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований при государственном контроле (надзоре).

В обоснование сказанного необходимо обратиться к сравнению понятий «контроль» и «надзор». Данные понятия используются в отечественном законодательстве в совокупности и раздельно. При этом, как справедливо отмечается в доктрине, «...контроль и надзор схожи, но имеют существенное отличие, которое заключается в периодичности. Контроль осуществляется разово, без системы. Надзор, наоборот, — систематически» [6, с. 138]. В связи с этим исследование модели поведения (поведенческой модели)

подконтрольного лица в рамках применения профилактических практик приобретает особую значимость, так как позволяет проанализировать проблемы взаимодействия субъектов контрольно-надзорных отношений и выстроить пути их разрешения.

Рассматривая современную модель системы профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора), необходимо отметить, что любая система будет работать эффективно только в том случае, если все элементы связаны в единое целое.

Основываясь на теории Г.П. Щедровицкого об оргуправленческом мышлении, полагаем возможным рассмотреть систему профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора) с позиции: 1) материала; 2) функциональной структуры; 3) процесса; 4) организованности материала [7, с. 383].

Акцентируя внимание на многоплановости системы профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора), представляется, что анализ эффективности профилактических мероприятий должен исходить:

- 1) из оценки «материала» системы, то есть *поведения подконтрольного субъекта*;
- 2) *функций* профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении контроля (надзора);
- 3) *процессуальной составляющей* профилактической деятельности, так как «процесс протекает в определенном материале».

Поведение подконтрольного субъекта

Модальность* фактическая и модальность должная (то есть эффективная) демонстрирует, что применение профилактических практик не приводит к формированию у подконтрольного субъекта убежденности в необходимости и целесообразности их применения.

Соблюдение обязательных требований законодательства является значимой тематикой внутренней политики государства, а ключевой идеей — учет социаль-

* Под модальностью понимают характеристику способа действия или отношения к действию. См.: Нестеров Анатолий Васильевич — Экспертика. Общая теория экспертизы: сайт. URL: <https://nesterov.su>

ного аспекта поведения адресата воздействия. Адресатом воздействия становится подконтрольный субъект, а точнее, его поведение. Поведение представляет собой процесс функционирования психического состояния, который объективизируется посредством выполнения норм права. При этом следует учитывать, что субъект:

- всегда уникален;
- постоянно включен в систему правовых отношений;
- занимает определенную позицию в том или ином виде правовых отношений.

Правовые интересы как составляющие поведения формируют у адресата воздействия (подконтрольного субъекта) понимание целесообразности выбора той или иной доминанты поведения. Выявление доминанты поведения (*господствующего фактора выбора той или иной альтернативы поведения*) подконтрольного субъекта позволит усилить его адаптивную активность, что впоследствии сформирует «стимул» для соблюдения обязательных требований законодательства.

Например, согласно данным опроса Фонда «Центр стратегических разработок» подконтрольные субъекты продолжают оказывать «сопротивление» введению одной из форм контрольно-надзорной деятельности — профилактики нарушений обязательных требований законодательства. В связи с этим необходимо создавать условия, способствующие формированию адаптивных стереотипов поведения подконтрольных субъектов, среди которых можно выделить «льготный статус» подконтрольного субъекта*.

Соблюдение требований диктуется законодательством, но «алгоритм» действий, представленный в сознании адресата воздействия (подконтрольного субъекта), не должен носить альтернативный характер. Существование альтернативы приводит к утрате ценности совершения определенных действий, в результате обязательные требования законодательства будут выполняться не в полном объеме. Например, для подконтрольного субъекта предпочтительнее заплатить один штраф, чем принимать

организационные меры, требующие больших временных затрат, для успешного проведения самообследования.

Таким образом, учет доминант поведения подконтрольного субъекта позволит повысить эффективность использования профилактических практик в деятельности контрольно-надзорных органов. Как справедливо отмечает Л.А. Мицкевич, «государство может ожидать и требовать от граждан соблюдения своих предписаний только в том случае, если оно предоставляет им какой-то социальный эквивалент» [8, с. 114].

Функции профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении контроля (надзора)

В теории административного права относительно функций государственного контроля (надзора) единая позиция не выработана. Например, Д.В. Паринова относит к таковым функции корректировки, социальной превенции [4, с. 196], а А.М. Тарасов — правовой охраны [9, с. 71].

Поскольку профилактика нарушений обязательных требований признается одной из форм контроля (надзора), то, кроме отмеченных, следует выделить вспомогательные свойства-функции, учитывающие особенности целей, задач, методов и форм профилактической деятельности.

В частности, к функциям профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении контроля (надзора) необходимо отнести:

1. *Информационную функцию.* Она позволяет подконтрольному субъекту усвоить значимость соблюдения обязательных требований законодательства.

2. *Стабилизационную функцию,* которая выражается в приведении системы в равновесие и создании баланса частных и публичных интересов.

3. *Адаптационную функцию,* проявляющуюся в формировании обобщенно-формальных стереотипов поведения подконтрольных субъектов, позволяющих разрешать ситуационные проблемы в соответствии с фактической модальностью.

4. *Содействующую функцию,* означающую «наставническое» наблюдение со стороны контрольно-надзорных органов, заинтересованных в формировании у подконтрольного субъекта паттерна поведения,

* Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность: официальный сайт. URL: <http://knd.ac.gov.ru>

направленного на соблюдение обязательных требований законодательства.

5. *Благоприятствующую функцию*, предоставляющую возможность выбора – принятие ответственности за выбранную форму поведения, которая создается в свободном пространстве соответствия значимости совершаемых действий [10, с. 181].

Процессуальная составляющая профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении контроля (надзора)

В теории административного права процесс как «неотъемлемая часть внешневластной правоприменительной деятельности субъектов публичной администрации» [11, с. 286] позволяет претворить в модальность должного те характеристики системы, которые максимально полно отражают ее элементы, – цели, задачи, функции, методы, формы и др.

Профилактика нарушений обязательных требований как одна из форм контрольно-надзорной деятельности определяется через совокупность действий, имеющих «общий знаменатель».

Исходя из положений действующего законодательства, целью профилактической деятельности является устранение существующих и потенциальных причин и факторов, способных привести к нарушениям [10, с. 31]. В то же время анализ задач профилактической работы позволяет сформулировать следующие тезисы:

1. Заинтересованность субъекта в принятии на себя ответственности является приоритетным направлением развития контрольно-надзорной деятельности.

2. Исследование состояния подконтрольной среды крайне необходимо, так как от точного понимания внешних параметров окружающей действительности зависит выбор использования той или иной профилактической практики.

Например, Восточное межрегиональное территориальное управление Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (далее – Управление), проведя оценку сведений о реализации ООО «ПК “Эталон плюс”» некачественного топлива, содержащихся в обращении гражданина, не нашло подтверждения их достоверности. В соответствии со ст.ст. 49, 58, 60 Федерального закона N 248-ФЗ Управление провело профилак-

тическое мероприятие, объявив подконтрольному субъекту, осуществляющему реализацию топлива, предостережение, которое было обжаловано. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа оставил без изменений решение суда первой инстанции и постановление суда второй инстанции по делу N А78-12582/2022, а кассационную жалобу ООО «ПК “Эталон плюс”» – без удовлетворения, отметив: «направление предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований органами контроля в адрес юридических лиц имеет превентивный (предупредительный, профилактический) характер, оставляя без правовых последствий для объекта контроля наличие информации о совершенном или готовящемся им нарушении обязательных требований. Основное предназначение предостережения – предоставить объекту контроля возможность самостоятельно, без вмешательства органов контроля устранить допущенное нарушение или исключить его совершение»*.

Полагаем, что любые попытки изучать поведение подконтрольного субъекта вне контекста процесса его взаимоотношений с контрольно-надзорными органами с самого начала делают бессмысленным изучение его сущности.

В связи с этим в ходе применения профилактических практик в текущей деятельности контрольно-надзорных органов можно выделить следующие процессуальные составляющие:

1. *Этап анализа и оценки фактического положения дел.*

На данном временном промежутке контрольно-надзорный орган проводит ситуационный анализ сложившейся обстановки, по результатам которого решает вопрос о применении того или иного вида профилактической практики.

Например, при вынесении предостережения контрольно-надзорный орган должен учитывать ряд условий:

а) орган надзора располагает информацией о том, что обязательные требования могут быть нарушены или уже нарушены;

* См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 июля 2023 г. по делу N А78-12582/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

б) нарушение обязательных требований не нанесло существенного вреда значимым охраняемым общественным отношениям;

в) предостережение может быть вынесено в том случае, если подконтрольный субъект ранее не привлекался к ответственности за нарушение обязательных требований законодательства.

Процесс может быть начат с информирования подконтрольного субъекта о том, что он уже выполняет, и может научиться это делать лучше. В результате субъект стремится к изучению новых (альтернативных) способов профилактических практик (например, проведение самообследования). Данная стратегия более успешна при осуществлении полезных изменений, чем принуждение к действиям, которые контрольно-надзорный орган признает лучшими.

2. *Этап принятия исполнения решения о применении того или иного вида профилактического мероприятия в отношении подконтрольного субъекта.*

Контрольно-надзорному органу при выборе того или иного вида профилактической практики необходимо учитывать, что при ее применении для подконтрольного субъекта не должны возникать неблагоприятные последствия (выдача предписаний, привлечение к административной ответственности, взыскание ущерба).

Об этом свидетельствует, например, выдержка из постановления Девятого Арбитражного апелляционного суда: «...оспариваемое Предостережение, объявленное ОАО "РЖД", носит предупредительный характер, не возлагает конкретную обязанность по совершению каких-либо действий, а предлагает принять меры по обеспечению соблюдения обязательных требований. Из анализа содержания Предостережения следует, что оно не содержит в себе требований, обязательных к исполнению, и не образует оснований для привлечения к ответственности лиц, уклонившихся от предостережения»*.

3. *Этап проверки исполнения принятых решений, анализ и обобщение полученных результатов.*

* См.: Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 10 июля 2023 г. N 09АП-34334/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Этап проверки исполнения принятых решений возможен при использовании такой профилактической практики, как объявление предостережения о недопустимости нарушений обязательных требований. «Например, если в отношении составленного предостережения у подконтрольного субъекта не возникает возражений, то в течение 60 дней он обязан уведомить контрольно-надзорный орган об исполнении предостережения» [12, с. 109; 10].

Анализ полученных результатов позволит обобщить правоприменительную деятельность контрольно-надзорных органов, что впоследствии повлияет на выбор тех или иных профилактических практик, которые, в свою очередь, зависят от правильного установления причин и условий, приведших к нарушению обязательных требований законодательства [12, с. 110; 10].

Заключение

Исследование «материала» системы (то есть поведения подконтрольного субъекта), функций профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении контроля (надзора) и процессуальной основы профилактической деятельности позволяет сделать несколько выводов об эффективности модели системы профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора):

1. Выявление доминанты поведения (*господствующего фактора выбора той или иной альтернативы поведения*) подконтрольного субъекта позволит усилить его адаптивную активность, что впоследствии сформирует «стимулы» (*смысловую установку*) для соблюдения обязательных требований законодательства.

2. Исходя из целей и задач профилактической деятельности, следует выделять информационную, стабилизационную, благоприятствующую, адаптационную и содействующую функции.

3. В ходе применения профилактических практик в текущей деятельности контрольно-надзорных органов можно выделить:

1) этап анализа и оценки фактического положения дел;

2) этап принятия исполнения решения о применении того или иного вида профилактического мероприятия в отношении подконтрольного субъекта;

3) этап анализа и обобщения полученных результатов.

В заключение необходимо отметить, что представленная модель системы профилактики нарушений при осуществлении государственного контроля (надзора) позволит изменить подход к оценке эффективности деятельности контрольно-над-

зорных органов таким образом, чтобы учитывать не только количественные показатели (объем проведенных проверок и выявленных нарушений), но и качественные показатели (оценка качества реализации профилактических мероприятий по снижению нарушений обязательных требований).

Список источников

1. Фесько Д.С. Новое законодательство о государственном контроле (надзоре) и гарантии прав контролируемых лиц // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. N 1. С. 163-171.
2. Браташова Ю.А. Проблемы совершенствования системы государственного контроля в современных условиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 11. С. 28-33.
3. Липунцова А.В. Теоретико-правовые аспекты перехода на риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности государства // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2018. N 9. С. 130-134.
4. Парина Д.В. Государственный контроль и надзор как основная функция таможенных органов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. N 2. С. 195-198.
5. Смирнова Е.Н. К вопросу о реализации мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований при проведении реформы контрольной и надзорной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. N 6. С. 145-149.
6. Осипов Д.А., Большакова В.М. О понятиях «государственный контроль», «государственный надзор» и «тотальный контроль над личностью» // Власть. 2015. N 5. С. 136-140.
7. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Москва: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2015. 464 с.
8. Мицкевич Л.А. Очерки теории административного права. Современное наполнение: монография. Москва: Проспект, 2015. 293 с.
9. Тарасов А.М. Функции эффективного государственного контроля за деятельностью органов исполнительной власти (правоохранительных органов) // Российский следователь. 2019. N 6. С. 69-73.
10. Винокурова М.А. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований в области оказания качественной медицинской помощи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Нижний Новгород, 2019. 251 с.
11. Административное право / под ред. А.И. Стахова. Москва: Юрайт, 2019. 439 с.
12. Винокурова М.А. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований в области оказания качественной медицинской помощи. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2023. 128 с.

References

1. Fes'ko D.S. New legislation on state control (supervision) and guarantees of the rights of controlled person. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2021, no. 1, pp. 163-171. (In Russ.)
2. Bratashova Yu.A. Problems of improving the system of state control in modern conditions. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018, no. 11, pp. 28-33. (In Russ.)
3. Lipuntsova A.V. Theoretical and legal aspects of the transition to a risk-oriented approach in the control and supervisory activities of the state. Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU, 2018, no. 9, pp. 130-134. (In Russ.)
4. Parinova D.V. State control and supervision as the main function of customs authorities. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2021, no. 2, pp. 195-198. (In Russ.)
5. Smirnova E.N. To the issue of the implementation of measures to prevent violations of mandatory requirements in the reform of control and supervision activities. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2018, no. 6, pp. 145-149. (In Russ.)
6. Osipov D.A., Bol'shakova V.M. On the concepts of "state control", "state supervision" and "total control over personality". Power, 2015, no. 5, pp. 136-140. (In Russ.)
7. Shchedrovitsky G.P. Organizational and managerial thinking: ideology, methodology, technology. Moscow, Publishing house of Artemy Lebedev Studio, 2015. 464 p. (In Russ.)
8. Mitskevich L.A. Essays on the theory of administrative law. Modern content. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 293 p. (In Russ.)

9. Tarasov A.M. Functions of effective state control over the activities of executive authorities (law enforcement agencies). *Russian investigator*, 2019, no. 6, pp. 69-73. (In Russ.)

10. Vinokurova M.A. Administrative-legal regulation of prevention of violations of mandatory requirements in the field of quality medical care. *Cand. Diss. Nizhny Novgorod*, 2019. 251 p. (In Russ.)

11. *Administrative law*. Edited by A.I. Stakhov. Moscow, Yurait Publ., 2019. 439 p. (In Russ.)

12. Vinokurova M.A. Administrative-legal regulation of prevention of violations of mandatory requirements in the field of quality medical care. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2023. 128 p. (In Russ.)

Вклад авторов:

Винокурова М.А. — идея, сбор и обработка материала, формулирование основных направлений исследования, разработка теоретических предпосылок, написание статьи, формулирование общих выводов;

Майорова Е.Н. — написание статьи, сбор и обработка судебной практики, обоснование модели системы профилактики, формулирование итоговых выводов по совершенствованию модели профилактических практик.

Contribution of the authors:

Vinokurova M.A. — idea, collecting and processing of the material, formulating the main directions of the research, developing the theoretical assumptions, article writing, formulating the general conclusions;

Mayorova E.N. — article writing, collecting and processing of the judicial practice, justifying the model of the prevention system, formulating the final conclusions on improving the model of the preventive practices.

Раздел 2. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Осознание как ключевая часть уголовно-правовой вины и его виды

Светлана Юрьевна Кораблёва,

кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, sukorableva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7071-3597>

Аннотация. В статье на основе анализа положений уголовного законодательства о вине, научной литературы и судебной практики выявляются проблемы законодательного подхода к такому компоненту вины, как осознание. Положения статей 25 и 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, включающие определения видов умысла и неосторожности, предполагают, что возможны всего две ситуации: лицо либо осознает общественную опасность своего деяния, либо не осознает. Автором утверждается, что для теории вины и последовательной реализации принципа субъективного вменения такой подход некорректен. Доказывается, что осознание является центральным элементом вины и что каждому виду умысла и неосторожности соответствует определенный вид знания. С использованием конкретных примеров из практики предлагается авторская градация видов осознания, раскрывается содержание каждого из них, а также проводится их сопоставление с конкретными видами вины.

Ключевые слова: субъективное вменение, вина, осознание, виды умысла, виды неосторожности, квалификация преступлений

Для цитирования: Кораблёва С.Ю. Осознание как ключевая часть уголовно-правовой вины и его виды // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 32-41.

Consciousness as an integral part of the criminal legal guilt and its types

Svetlana Yu. Korableva,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, sukorableva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7071-3597>

Abstract. Basing on the analysis of the criminal law provisions on guilt, as well as the scientific literature and judicial practice, the problems of the legislative approach to such a component of guilt as consciousness are revealed. It is stated that the provisions of Art. 25, 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, providing the definitions of the kinds of intent and negligence, suggest two possible situations: a person is either aware of the public danger of his or her act or is not aware of it. Such approach is argued to be incorrect for the theory of guilt and for the consistent implementation of the principle of subjective imputation. It is proved that consciousness is the central element of guilt and that each kind of intent and negligence corresponds to a certain type of consciousness. Using specific examples from the practice, the author's classification of types of consciousness is proposed; the content of each kind is revealed; their comparison with the specific types of guilt is provided.

Keywords: subjective imputation, guilt, consciousness, kinds of intent, kinds of negligence, qualification of crimes

For citation: Korableva S.Yu. Consciousness as an integral part of the criminal legal guilt and its types // Legal Science and Law Enforcement Practice. No. 3 (65). P. 32-41.

В научной и учебной литературе содержание вины раскрывается посредством анализа трех ее компонентов — осознания, предвидения и желания. В уголовном

законе первой из составляющих умысла определено осознание общественной опасности своих действий (бездействия) (ст. 25 УК РФ). В отношении неосторожно-

сти в законодательстве существует пробел: в ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности» термин «осознание» отсутствует. Подобная законодательная техника противоречит системному подходу к формулированию видов вины и поэтому не снимает вопрос о возможности осознания при неосторожности. В связи с этим ряд исследователей, в том числе В.А. Нерсесян, В.В. Лунеев, С.В. Складов, рассматривают используемые в законодательстве для определения легкомыслия и небрежности специфичные конструкции как имеющие пробелы, которые должны быть восполнены теорией уголовного права [1, с. 102; 2, с. 47; 3, с. 139-140].

Осознанность – крайне сложное понятие, которым оперируют многие науки. Например, в современной психологии (к научным положениям которой представляется целесообразным обратиться при толковании когнитивных признаков вины) под осознанностью, как указывают Е.В. Казанцева, О.А. Холина и А.Е. Москаленко, чаще всего понимают способность сосредоточиваться на переживании настоящего момента неосуждающим или принимающим способом, то есть контролируя процесс осознания происходящего и управляя им [4, с. 2-3]. А.М. Голубев и Е.А. Дорошева отмечают, что осознанность включает два ключевых компонента. Первый – это способность к наблюдению за внешними и внутренними событиями с фокусировкой на текущем опыте без «ухода» в события прошлого или будущего. Второй подразумевает, что получение опыта должно осуществляться непредвзято, без осуждения, с принятием и даже сочувствием к любым событиям внешнего и внутреннего мира (как к приятным, так и к неприятным) [5, с. 46-48]. Также необходимо уточнить, что при исследовании осознанности обычно указывается, что это понятие привнесено из восточной традиции и ассоциируется с медитативными техниками. Таким образом, использование данного термина в его современном психологическом значении при формулировании определения уголовно-правовой вины возможно лишь с большими оговорками.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Англоязычный термин *mindfulness*, который переводится как

«осознанность» и изучается в современных психологических науках (в том числе отечественных), не используется в существующих англоязычных определениях уголовно-правовой вины. В уголовном законодательстве обычно применяется более нейтральное слово *knowledge* или его аналоги, которые означают «знание». Можно утверждать, что зарубежные теории вины, в том числе концепции, развиваемые в международном уголовном праве, давно отказались от собственно психологических терминов и их психологической интерпретации. Речь идет об уголовно-правовой вине, то есть о субъективном основании уголовной ответственности.

Аналогично этому в отечественной теории вины последняя реально не коррелирует с ее определением в психологии. Современные авторы в лучшем случае со ссылкой на классические работы упоминают, что в психологии и философии не существует единого подхода к определению сознания [6, с. 123; 7, с. 31]. Все дальнейшие рассуждения касаются исключительно особого вида уголовно-правового знания, понимание которого базируется на потребностях науки уголовного права и поэтому крайне далеко от собственно психологического содержания со всеми его нюансами. Это подтверждают дискуссии о возможности различения термина «сознание», употреблявшегося в УК РСФСР, и современного уголовно-правового термина «осознание» [6, с. 126].

В настоящее время понимание осознания как составляющей умысла и (с определенными допущениями) неосторожности базируется на определениях советских ученых-правоведов середины прошлого века. Как отмечает С.В. Дубовиченко, еще в учебнике по Общей части уголовного права 1948 года было указано, что сознание общественной опасности подразумевает общее сознание (то есть не юридическую квалификацию, а некоторое абстрактное понимание) общественной опасности совершенного деяния для советского строя или правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью [8, с. 38]. Это положение стало общепризнанным в научной и учебной литературе: сознание общественно опасного характера совершаемого деяния подразумевает сознание хотя бы

общей характеристики объекта посягательства, а также фактического содержания и социальных свойств всех составных элементов действия или бездействия [9, с. 21]. Основные разногласия вызывает не сама дефиниция осознания (сознания), а сопутствующий ей в определении видов умысла термин «общественная опасность», который предлагается заменить на «противоправность», «общественную значимость», «сознательное нарушение правил и поведения» и т.д. [8, с. 39-40; 10, с. 261-264].

В целом можно утверждать, что осознание как часть вины подразумевает понимание лицом по меньшей мере двух элементов: 1) объективных фактов, составляющих преступное деяние и сопутствующих его совершению, и 2) социального значения совершаемого деяния. К сожалению, выводы о содержании данного признака, сделанные в отечественной теории вины, не привели к законодательной градации уровней осознания. В частности, анализ ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно» и ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности» приводит к однозначному выводу о том, что осознание при прямом и при косвенном умысле идентично, а при легкомыслии и небрежности — отсутствует. Последнее утверждение в принципе невозможно (способность к осознанию является частью вменяемости), в связи с чем в уголовно-правовой теории получило распространение мнение о том, что при легкомыслии также имеет место осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия) [1, с. 95; 3, с. 41] либо как минимум осознание опасности (высокой рискованности) деяния [11, с. 216]. В отношении небрежности этот вопрос не получил однозначного ответа. Несмотря на то, что некоторые авторы настаивают на необходимости градации осознания применительно к небрежности [3, с. 71; 12, с. 87], в основном виды умысла и неосторожности в конкретных составах предлагается различать при помощи таких когнитивных признаков, как предвидение и желание, то есть игнорируя сам факт возможности осознания [13, с. 81-82; 14, с. 140].

Однако использовать эту рекомендацию можно только очень ограниченно. Во-

первых, сложно не согласиться с В.В. Луневым в том, что «вина всегда должна устанавливаться по отношению и к действиям, и к последствиям... стремление “договориться” определять форму вины того или иного сложного деяния, как это сделано в действующем законодательстве, только по действиям или только по последствиям — оценочно и не психологично» [2, с. 8-9]. Во-вторых, нередко это невозможно. Дело в том, что предвидение и желание в законодательном определении соотносятся лишь с общественно опасными последствиями. Но большинство составов в современном УК РФ сформулировано без указания на конкретные последствия (так называемые формальные составы). А значит, в рамках современных законодательных формул определение вида вины в случае совершения таких преступлений становится невозможным.

Примером этого может быть истязание (ч. 1 ст. 117 УК РФ). Если лицо осознает общую характеристику объекта — физическое и психическое благополучие (здоровье) человека, а также причиняемые жертве мучения и иные социальные свойства всех составных элементов действия*, то следует констатировать, что оно действовало с осознанием. Но осознание общественной опасности своего деяния, как указывалось выше, считается компонентом по меньшей мере прямого и косвенного умысла. А отсутствие осознания характерно и для небрежности, и для невиновного причинения вреда. Предлагаемые учеными формулировки вины, такие как стремление «...виновного лица к причинению физических или психических страданий жертве» [15, с. 79], либо включающие специальную цель «...причинения физических или психических страданий» [16, с. 83], и тем более переносящие желание с последствий на совершение деяния («...и желает их совершения») [17, с. 222], не вносят ясности.

Возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за истязание, если виновный уверяет, что не желал причинять страдания, а хотел отомстить, добиться признания или вос-

* Здесь была применена формула, которую предложил в классической работе по теории вины А.И. Рапог [9, с. 21].

питать. Если следовать вышеприведенным формулам вины и при этом относиться к заявлениям обвиняемых о желаних со всей серьезностью, то частью уголовного процесса станут феноменологические и общефилософские дискуссии, что недопустимо. Если же презюмировать, что пояснения лиц, обвиняемых в совершении преступления, являются не более чем способом избежать наказания, и судить об их мотивах и целях исходя исключительно из объективного вменения по модели «совершил истязание — значит желал именно истязать», то нет смысла упоминать эти признаки в формуле вины. Введение дополнительных элементов должно иметь практический смысл, а именно повышать требования к доказыванию вины.

Если речь идет о простых случаях, то вполне можно довериться «бытовому восприятию» и без применения специальных знаний обосновать, что ожог глаз спиртом по причине неправильного понимания целей и методов воспитания является истязанием, а аналогичное действие по причине ошибочно принятых лекарств — неосторожным причинением страданий. Во-первых, градация преступного знания всего на два вида (осознание или неосознание) представляется недостаточной, особенно в свете того, что большинство составов современного УК РФ по конструкции объективной стороны являются формальными.

Следовательно, ключевой и единственной бесспорной составляющей вины в них является осознание. Во-вторых, существуют сложные случаи, которые не могут быть разрешены без обращения к теоретическим исследованиям. Например, вряд ли с применением современных законодательных формул вины и без объективного вменения может быть разрешена ситуация, когда лицо производит выстрелы из нелетального травматического оружия в сторону потерпевшей с близкого расстояния, не желая в нее попасть, а имея целью лишь причинить психические страдания, но фактически ранив ее и причинив сильную физическую боль. Исключение сложных ситуаций из правоприменительной практики и широкое использование объективного вменения создает ложное ощущение отсутствия проблем в

установлении вины. Однако фактически речь идет об увеличении искусственной латентности преступлений, не повлекших материальных последствий. Наиболее ярким примером подобного рода являются дела, связанные с сексуальным насилием. И самая показательная их часть — это обвинения потерпевших от такого насилия в заведомо ложном доносе.

Например, К. обратилась в полицию с заявлением о сексуальном насилии со стороны предпринимателя, принявшего ее на работу без оформления соответствующих документов и с условием оказания ему сексуальных услуг, после того как ей не была выплачена значительная часть заработной платы. Однако К. была обвинена в совершении заведомо ложного доноса (ч. 2 ст. 306 УК РФ). Впоследствии суд, оправдав К., совершенно справедливо отметил, что проверка по факту сексуального насилия над К. проводилась формально, выводы следствия не основывались на доказательствах*.

Представляется, что основной проблемой в ситуациях подобного рода является недостаточность объективных признаков, которые могут быть доказаны (в приведенном примере — это действия сексуального характера, соединенные с угрозой невыплаты заработной платы). Такая недостаточность может быть восполнена особой внимательностью к субъективной составляющей (в приведенном примере — это восприятие работодателем угроз о невыплате заработной платы как нормальной формы предложения половых отношений, восприятие жертвой сексуальных действий как принудительных и соответствующее принуждению сопротивление, которое игнорировалось обвиняемым). Подобные ситуации представляют для правоприменительной системы особую сложность, поэтому проверки по ним могут носить формальный характер. Следует отметить, что по заявлению К. уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», хотя единственно возможная

* Приговор Мглинского районного суда Брянской области от 29 янв. 2016 г. по делу N 1-48/2015 (1-2/2016) // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: сайт. URL: <https://sudrf.ru>

квалификация в данном случае с учетом угроз материального, а не физического характера — это сложная и редко используемая ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера».

Вышеизложенное позволяет утверждать, что стремление к упрощению квалификации и доказывания, как и консервативность, — естественная часть правоприменения. Но она должна дополняться наличием инструментов, обеспечивающих справедливость, с тем чтобы судебное обжалование приводило не только к снятию обвинения с потерпевшей, но и к расследованию ее обращения. В этом отношении заслуживающим изучения примером может быть следующая ситуация. Ж. был осужден по ч. 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера». В производстве по данному делу основное внимание было уделено субъективной составляющей. Были проведены психологические экспертизы потерпевшей и обвиняемого, позволившие доказать, что версия обвиняемого об активном добровольном согласии потерпевшей не могла иметь места в действительности*.

Приведенные примеры судебной практики характеризуются тем, что обвиняемые в силу неоправданного заблуждения и своих личных качеств не в полной мере осознавали фактические обстоятельства (отсутствие согласия потерпевших) и социальную сущность (насильственный характер) своих действий. Такой уровень знания, строго говоря, не соответствует законодательному определению умысла, а именно требованию осознавать общественную опасность деяния. Бытовое же восприятие вины в подобных случаях недопустимо, как и иные ориентиры, например предшествующее поведение и возраст жертвы, статус обвиняемого, вид сексуальных действий и т.д. Ничто из этого не может способствовать ни единообразию, ни бесспорности, ни развитию практики, в отличие от внимания к субъективной составляющей. Но специфическое зако-

нодательное определение видов вины с указанием на материальные последствия создало правовой вакуум, который должна в полной мере заполнить уголовно-правовая теория. Анализ отечественной и зарубежных концепций вины позволяет предложить градацию уровней осознания в зависимости от сложности когнитивных процессов. На наш взгляд, на основании этого критерия можно выделить:

1. Фактическое (декларативное) знание о деянии и его социальной сущности, которое однозначно характеризует деяние как умышленное. В сочетании с доказанными преступными целями оно образует прямой определенный умысел, то естьотягченный вид вины;

2. «Доступное» знание, когда от лица требуются незначительные усилия для подтверждения фактов, которые оно предпочитает игнорировать. «Доступное» знание характеризует деяние как совершенное с неопределенным прямым умыслом или косвенным умыслом, то есть соответствует базовому виду вины;

3. Знание о существенном риске, которое соответствует промежуточной форме вины (ее можно условно отнести к легкомыслию, но с рядом оговорок; в континентальных теориях вины она обычно обозначается как *dolus eventualis*);

4. Конструктивное знание, которое характеризует деяние как неосторожное, то есть совершенное с минимальной виной.

Фактическое (декларативное) знание

Фактическое знание соответствует высшей (отягченной) форме вины. Его можно определить как достоверное понимание таких объективных фактов и социальных свойств деяния, которые не требуют дополнительного анализа. Это уровень широко известных знаний, полученных пассивным наблюдением, доступных и понятных любому человеку. Например, фактическим является знание о том, что похищаемый — это живой человек. Эталоном декларативных знаний, то есть границей между фактическим знанием и иными видами знания должны считаться знания «непрофессионала» — обыденные знания, основанные на базовых социальных правилах, законах природы, человеческой физиологии и т.д.

Фактическое (декларативное) знание должно исключаться, если обвиняемый

* Приговор Тракторозаводского районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 29 авг. 2012 г. по делу N 1-311/2012 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: сайт. URL: <https://sudrf.ru>

ссылается на ошибку или есть иные основания полагать, что она существует. Декларативное знание — это строго непроверяемое знание. При этом логика закона является предельно четкой (ошибка в противоправности исключается), а мотивы и цели обвиняемого — установленными и преступными (ошибка в факте исключается). Такое знание характерно для заказных убийств, корыстных похищений человека, изнасилований с причинением вреда здоровью, профессиональных хищений, организации сбыта наркотических средств и т.д. Декларативное знание сочетается с преступными мотивами и целями, поэтому требует более строгого наказания, чем базовый умысел.

Например, А., который впоследствии был признан виновным в угрозах убийством (ст. 119 УК РФ), на допросе признался, что, угрожая ножом, не собирался убивать потерпевшую, но *хотел внушить ей, что может убить ее в любой момент и причинить ей психологическую и физическую боль**. Это свидетельствует о том, что А. понимал суть своих действий и руководствовался исключительно преступными целями (желал лишить потерпевшую физического и психического благополучия, вызвав у нее ощущение непрерывного страха за свою жизнь и незащищенности перед ним).

Доступное знание

Доступное знание имеет место, когда обвиняемый совершает (1) осознанное деяние, которое (2) практически неизбежно приводит к преступному результату. Однако (3) лицом движет не желание наступления преступных последствий, а иные мотивы. Например, лица, осуществляющие незаконный сбыт (пересылку) наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ), не желают создать реальную угрозу здоровью населения (непосредственный объект данного состава), а действуют из корыстных побуждений. Однако в подобных случаях от лица требуются лишь незначительные когнитивные усилия для осознания сущности и противоправности своего деяния. Если лицо сознательно игнорирует необходи-

мость элементарной проверки законности происходящего, то следует констатировать умышленность его действий. При этом его специфика заключается в том, что, в отличие от умысла, при декларативном знании лицо (1) действует под влиянием момента, то есть не имея выраженных преступных или аморальных целей, либо (2) имеет место обоснованная, но не извинительная ошибка в факте или ошибка в противоправности.

Например, Г. был признан виновным в угрозах убийством (ст. 119 УК РФ). Г. в ходе ссор с потерпевшей, находясь в состоянии алкогольного опьянения, направлял в ее сторону ружье, выстрелил в стену**. Указанное свидетельствует о том, что Г. не воспринимал угрозу убийством как преступное действие, нарушающее психическое благополучие потерпевшей (непосредственный объект состава), а видел его средством разрешения бытовых конфликтов. При этом он сознательно допускал как психические страдания потерпевшей, так и связанную с этим преступность подобного поведения, что характеризует его деяние как умышленное.

Знание о существенном риске

Знание о риске возможно в отношении как всего деяния, так и отдельных объективных составляющих состава, например беспомощного состояния потерпевшего с расстройством психики при сексуальном насилии. Знание о существенном риске имеет место в случаях, если: 1) лицо осознает высокий риск того, что его деяние является или станет преступным, но надеется, что этого не произойдет вопреки его опасному поведению; 2) существует лишь некоторая возможность реализации преступления, но лицо ясно осознает и прямо соглашается с низким риском.

В первом случае имеет место объективно опасное поведение, обуславливающее существенность риска, но при этом лицо ссылается на свою веру в то, что деяние, запрещенное уголовной нормой, не случится на самом деле. Вера должна быть необоснованной (то есть не иметь связи с реальными возможностями или навыка-

* Приговор Симферопольского районного суда от 10 окт. 2019 г. по делу N 1-184/2019 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: сайт. URL: <https://sudrf.ru>

** Приговор Агинского районного суда Забайкальского края от 11 сент. 2019 г. по делу N 1-119/2019 // Там же.

ми). Что касается самого деяния, то речь должна идти об опасном поведении в том смысле, что оно с высокой вероятностью приводит к преступному результату. Например, М. во время конфликта с потерпевшим нанес ему сильный удар кулаком в область головы (высокорискованное криминальное поведение), от чего потерпевший упал, ударился затылочной частью головы о бетонный пол и погиб*.

Во втором случае речь идет о наличии у лица некоторых специальных знаний или навыков, позволяющих знать о нетипичном или низком риске. Однако лицо это знание не просто игнорирует, а внутренне с риском и его вероятным преступным результатом примиряется. Сюда же относятся случаи, когда лицо предвидит, что конкретный вредный результат маловероятен, но при повторении рискованного поведения практически неизбежен, и внутренне с этим примиряется, что выражается в новых эпизодах рискованного поведения. Например, участник уличных гонок или водитель, склонный к чрезвычайно опасному вождению, попадает в дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом.

В обоих случаях риск не должен иметь общественно полезной цели. Социально оправданными и безусловно допустимыми являются риски в спорте, при медицинских манипуляциях и т.д. Кроме того, поскольку речь идет о промежуточной форме вины, то особое значение при установлении вины должен иметь учет индивидуальных особенностей лица: профессиональные навыки, жизненный опыт, возраст, умственные способности, психические заболевания.

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении М., обвинявшегося по ст. 119 УК РФ. М. в ходе конфликта с потерпевшей угрожал ей убийством, «после чего выставил за дверь»**. Можно предположить, что суд, оправды-

вая обвиняемого по эпизоду угрозы убийством, учел тот факт, что отношение М. к своему деянию не может быть описано в терминах умысла, требуемого законодательством применительно к ст. 119 УК РФ, а соответствует промежуточной форме вины — лицо осознает, что угроза убийством в совокупности с насилием может восприниматься и потерпевшей, и окружающими как вполне реальная, но надеется, что этого не произойдет, так как считает себя человеком доброжелательным, а потерпевшую — конфликтной личностью.

Конструктивное знание

Небрежные деяния, в основе которых и лежит конструктивное знание, связаны с выполнением стандартов безопасности и запрещаются исходя из требования необходимости поддержания «общественного блага». В связи с этим необходимо оговориться, что конструктивное знание не может составлять уголовно-правовую вину в полном смысле этого слова. Небрежность подразумевает следующее: 1) объективно имеет место материальный вред; 2) данный вред не был необходим и оправдан; 3) достаточно компетентный человек смог бы провести надлежащий анализ фактов и избежал бы подобного риска. Последний элемент является единственной субъективной составляющей небрежности. Это и есть конструктивное знание — оно может быть получено путем дополнительных запросов и анализа имеющейся информации. Например, совершеннолетний, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, уснул на диване с непотушенной сигаретой в руке. В квартире начался пожар, в результате которого потерпевший отравился окисью углерода и умер***.

Нетрудно заметить, что небрежность граничит с объективным вменением. Это определяется самой сущностью конструктивного знания (лицо наказывается не за то, что оно понимало, а за то, что не проявило требуемого законом понимания). По этой причине важно следовать субъективным стандартам при анализе данного когнитивного признака в противовес объективному стандарту «разумно-

* Приговор Ступинского городского суда Московской области от 24 авг. 2018 г. по делу N 1-150/18 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: сайт. URL: <https://sudrf.ru>

** Апелляционное постановление Индустриального районного суда г. Ижевска от 18 окт. 2018 г. по делу N 10-26/2018 // Там же.

*** Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 11 апр. 2018 г. по делу N 1-175/2018 // Там же.

го человека». Это отчасти обеспечивается положительным критерием небрежности «мог предвидеть общественно опасные последствия» (ч. 3 ст. 26 УК РФ). Однако в настоящее время он связывается лишь с добровольностью нарушения правил безопасности, то есть с отсутствием психофизических перегрузок, и поэтому не в полной мере выполняет отведенную ему роль.

На наш взгляд, усиление субъективного вменения при такой противоречивой форме вины, как небрежность, возможно при следовании двум правилам. Во-первых, для конкретного человека, с учетом его возраста, опыта или психического состояния, требование о надлежащей компетентности при анализе фактов может быть понижено. Во-вторых, поведение лица должно быть действительно заслуживающим социального упрека. В частности, как казус могут рассматриваться ситуации, если воспитанник получил серьезную травму в тот момент, когда воспитатель детского сада завязывал другому ребенку шнурки, или если лицу был причинен вред здоровью вследствие удара противооткатным средством, которое неопытный водитель не убрал из-под колес. В обоих случаях предпочтительным представляется гражданский иск о возмещении вреда, подразумевающий более мягкие требования к доказыванию вины.

Например, один из родителей во время ссоры со своим ребенком несколько раз эмоционально восклицает о готовности причинить тяжкий вред его здоровью (допустим, с использованием жаргонизма «оборву руки»)*.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Современные законодательные определения уровней вины (ст.ст. 25 и 26 УК РФ) различают виды умысла и неосторожности через такие когнитивные признаки, как предвидение и желание, то есть применимы лишь в тех случаях, когда совершенное деяние повлекло наступле-

ние конкретных последствий. Если же такие последствия не наступили (например, имеет место угроза убийством, изнасилование, вымогательство и т.д.), то различение формы и вида вины в рамках законодательных формул становится невозможным: анализ ст.ст. 25 и 26 УК РФ приводит к однозначному выводу о том, что осознание при прямом и при косвенном умысле идентично, а при легкомыслии и небрежности как бы отсутствует.

2. Именно осознание объективных признаков преступления и, как следствие, криминального характера совершаемого деяния является центральным элементом вины. Резко отрицательное, нейтральное или положительное отношение к преступным последствиям возможно лишь после того, как человек понял, что он делает и как именно это изменит объективную действительность. В зависимости от восприятия самого деяния меняется и восприятие последствий — чем опаснее и продуманнее деяние, тем отчетливее предвидение и тем более определенным становится положительное отношение к последствиям.

В связи с этим представляется целесообразным градировать виды знания, а также их соотношение с конкретными видами вины в зависимости от сложности когнитивных (мыслительных) процессов: высший уровень вины (прямой определенный умысел) соответствует декларативному (обыденному) знанию; базовый, когда от лица требуются незначительные усилия для подтверждения фактов; промежуточный, если речь идет о сознательном риске; и низший (небрежность), присущий конструктивному знанию, когда требуется серьезное осмысление и анализ ситуации.

3. Реализация данного предложения не требует обязательной корректировки статей УК РФ — лаконичные законодательные формулы наполняются содержанием посредством их толкования и применения. Достаточным представляется последовательное и системное отношение к вине высшего суда, реализуемое в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, его определениях и обзорах судебной практики. На наш взгляд, казуальный подход позволит исключить прикладную рассогласованность

* Пример из судебной практики по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» не может быть приведен: небрежная угроза убийством не является уголовно наказуемой, так как не создает и не может создать достаточной угрозы психическому благополучию потерпевшего.

субъективного вменения и влияния вины на индивидуализацию наказания, а следовательно, даже в большей степени будет способствовать реализации справедливости, чем лаконичные абстрактные законодательные правила.

Список источников

1. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. 223 с.
2. Лунеев В.В. Субъективное вменение. Москва: Спарк, 2000. 71 с.
3. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 326 с.
4. Казанцева Е.В., Холина О.А., Москаленко А.Е. Оценка степени осознанности студентов с наличием склонности к аддиктивному поведению // Психолог. 2019. N 5. С. 1-10.
5. Голубев А.М., Дорошева Е.А. Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности // Сибирский психологический журнал. 2018. N 69. С. 46-68.
6. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Интеллектуальные моменты умысла // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. N 3. С. 122-133.
7. Векленко С.В. Роль и место сознания в преступном поведении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. N 1. С. 30-35.
8. Дубовиченко С.В. Сознание общественной опасности как интеллектуальный момент умысла // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. N 4. С. 37-50.
9. Рарог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления: учеб. пособие. Москва: МЮИ, 1991. 90 с.
10. Иванов А.Г. Общественная опасность как элемент умысла в уголовном праве: трудности реализации при установлении вины // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2020. N 2. С. 259-268.
11. Гринберг М.С. Преступное легкомыслие // Вестник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. 2010. N 3. С. 215-218.
12. Гармышев Я.В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности // Сибирский юридический вестник. 2016. N 3. С. 85-90.
13. Динека В.И., Дайшутов М.М. Правовое значение вины и причинной связи в умышленных и неосторожных преступлениях // Евразийская адвокатура. 2018. N 3. С. 79-83.
14. Тыняная М.А. Проблемы уголовно-правовой оценки субъективных признаков в составе халатности // Вестник Томского государственного университета. 2011. N 349. С. 138-141.
15. Москалева Е.Н. Ответственность за психическое истязание в семье // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. N 2. С. 76-80.
16. Логунова О.С. Уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений против здоровья человека, совершенные путем истязания // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. N 1. С. 81-85.
17. Квалификация преступлений против личности: учебник / под ред. А.М. Багмета. Москва: Юнити-Дана, 2017. 488 с.

References

1. Nersesyan V.A. Responsibility for crimes committed through negligence. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2002. 223 p. (In Russ.).
2. Luneev V.V. The principle of subjective imputation. Moscow, Spark Publ., 2000. 71 p. (In Russ.).
3. Sklyarov P.V. Guilt and motives of the crime. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 326 p. (In Russ.).
4. Kazantseva E.V., Holina O.A., Moskalenko A.E. Assessment of mindfulness level among the students prone to addictive behavior. Psychologist, 2019, no. 5, pp. 1-10. (In Russ.).
5. Golubev A.M., Dorosheva E.A. Peculiarities of using the Russian version of the five-factor mindfulness questionnaire. Siberian journal of psychology, 2018, no. 69, pp. 46-68. (In Russ.).
6. Dubovichenko P.V., Karlov V.P. Intellectual moments of intent. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, 2018, no. 3, pp. 122-133. (In Russ.).
7. Veklenko S.V. The role and place of consciousness in criminal behavior. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, no. 1, pp. 30-35. (In Russ.).
8. Dubovichenko P.V. Public awareness risk as intellectual moments intent. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, 2013, no. 4, pp. 37-50. (In Russ.).
9. Rarog A.I. Problems of the subjective elements of the crime. Moscow, 1991. 90 p. (In Russ.).
10. Ivanov A.G. Public danger as an element of intent in criminal law: difficulties in establishing guilt. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2020, no. 2, pp. 259-268. (In Russ.).

11. Grinberg M.P. Criminal flippancy. Bulletin of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2010, no. 3, pp. 215-218. (In Russ.).
12. Garmyshev Ya.V. The subjective elements of the crimes connected with infringement of special safety rules. Siberian Legal Bulletin, 2016, no. 3, pp. 85-90. (In Russ.).
13. Dineka V.I., Dayshutov M.M. The legal significance of guilt and causation in willful and reckless crimes. Eurasian advocacy, 2018, no. 3, pp. 79-83. (In Russ.).
14. Tynyanaya M.A. Problems of criminal law assessment of subjective signs as part of negligence. Bulletin of Tomsk State University, 2011, no. 349, pp. 138-141. (In Russ.).
15. Moskaleva E.N. Responsibility for mental torture in the family. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University, 2020, no. 2, pp. 76-80. (In Russ.).
16. Logunova O.S. Legal problems concerning qualification of crimes against human being's health committed while tormenting. Bulletin of Tambov State University, 2007, no. 1, pp. 81-85. (In Russ.).
17. Qualification of crimes against the person. Edited by A.M. Bagmet. Moscow, Yuniti-Dana Publ, 2017. 488 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Разграничение преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации

Екатерина Алексеевна Ильяшенко,

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, Краснодар, Россия, katyail99@mail.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты сопоставительного анализа преступлений, выражающихся в распространении заведомо ложной социально значимой информации. На основе исследования признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 207-207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявлены их общие характеристики, а также определены критерии разграничения данных общественно опасных деяний. Разработаны и сформулированы правила квалификации преступлений, связанных с распространением заведомо ложной социально значимой информации, при конкуренции соответствующих норм уголовного закона между собой. Установлено, что уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (статья 207.1), является общей по отношению к предписаниям, закрепленным статьями 207 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, разграничение преступлений, состав преступления, заведомо ложная информация, безопасность, квалификация преступлений

Для цитирования: Ильяшенко Е.А. Разграничение преступлений, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 42-48.

Delineation of crimes related to the dissemination of deliberately false socially significant information

Ekaterina A. Ilyashenko,

The Fourth Cassation Court of General Jurisdiction, Krasnodar, Russia, katyail99@mail.ru

Abstract. The results of the comparative analysis of the crimes, related to the dissemination of deliberately false socially significant information, are provided in the article. Basing on the study of the essential elements of crimes under Articles 207-207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, their general characteristics are identified, the criteria for distinguishing between these socially dangerous acts are determined. The rules for qualifying the crimes, related to the dissemination of deliberately false socially significant information, in case of competition of the relevant norms of the criminal law, are developed and formulated. It is established that the criminal law provision, providing the liability for the public dissemination of deliberately false information on circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens (Article 207.1), is a general rule in relation to the prescriptions enshrined in Articles 207 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, delineation of crimes, elements of a crime, deliberately false information, safety, qualification of crimes

For citation: Ilyashenko E.A. Delineation of crimes related to the dissemination of deliberately false socially significant information // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 42-48.

С началом пандемии новой коронавирусной инфекции в обществе получила большое распространение информация об этом необычном явлении, которая часто включала в себя недостоверные сведения.

Смешение действительной и вымышленной информации создавало иллюзию ее правдивости в целом. В свою очередь, это нередко приводило к муслированию соответствующих резонансных сведений, в

которых было сложно отличить правду от лжи, и выступало предпосылкой для панических настроений среди населения.

В ответ на данные процессы российский уголовный закон был дополнен новыми предписаниями об ответственности за распространение заведомо ложной социально значимой информации [1, с. 41]. Очевидно, что такое дополнение носило стремительный характер и повлекло следующие научные дискуссии об обоснованности этих законодательных новелл и их согласованности как между собой, так и с иными уголовно-правовыми запретами.

Как оказалось, дополнение УК РФ указанными запретами породило дальнейшее расширение их круга. В связи с началом специальной военной операции было криминализовано распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации*. При этом следует отметить, что до изложенных нововведений в российском уголовном законе уже присутствовала норма об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации, а именно был установлен уголовно-правовой запрет заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

В условиях наличия группы норм, предусматривающих ответственность за распространение заведомо ложной социально значимой информации, правоприменитель сталкивается с проблемой их разграничения между собой, определения соответствующих разграничительных критериев.

В юридической литературе также обращается внимание на наличие при разграничении преступлений данной группы между собой трудностей, обусловленных смежностью, а нередко и пересекающимся содержанием отдельных признаков их составов. Как пишет А.И. Терских, информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граж-

дан, охватывается более широким понятием общественно значимой информации. По этой причине предмет преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является более широким в сравнении с предметом преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 207.1 УК РФ. Помимо этого, состав публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется дополнительными непосредственными объектами в виде жизни, здоровья, собственности, деятельности органов государственной власти и т.д. [2, с. 34].

Сопоставительный анализ объектов преступлений, предусмотренных ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, позволяет в целом согласиться с предложенными утверждениями. Бесспорно, информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни или безопасности, является социально значимой. Вторая формулировка по своему смысловому содержанию более широкая. Однако, с другой стороны, то содержание, которое вкладывается в примечании к ст. 207.1 УК РФ в понятие обстоятельств, представляющих угрозу для жизни и безопасности, позволяет практически идентифицировать их. По крайней мере, весьма сложно даже теоретически смоделировать такие общественно значимые сведения, которые бы не касались аспектов, перечисленных в обозначенном примечании. Более того, общественно значимая информация в составе преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, должна содержать такие сведения, распространение которых способно повлечь причинение вреда здоровью человека.

Например, А.П. Кузнецов утверждает, что информация об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, и о соответствующих принимаемых мерах обеспечения безопасности может быть отнесена к категории общественно значимой информации, упоминаемой в ст. 207.2 УК РФ [3, с. 30].

Следовательно, хотя теоретически предмет состава преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, в виде общественно значимой информации подразумевает более широкое содержание в сравнении с таковым в ст. 207.1 УК РФ, разграничить их практически невозможно. По нашему

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2022 г. N 32-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

мнению, допустимо утверждение о равнозначности обозначенных предметов преступления.

Дополнительные непосредственные объекты общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, действительно выступают в качестве разграничительных признаков, поскольку при наличии соответствующих последствий охватывают фактически причиненный вред жизни, здоровью человека и иным охраняемым уголовным законом отношениям.

Другие преступления, связанные с распространением заведомо ложной социально значимой информации, имеют больше различий в признаках предмета преступления. В частности, общественно опасное деяние, запрещенное ст. 207.3 УК РФ, отличается тем, что оно совершается в отношении информации, связанной с дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации. Как видно, такая информация не отвечает требованиям, содержащимся в примечании к ст. 207.1 УК РФ. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза соответствующим ценностям.

На наш взгляд, иначе представлен и объект состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, который предопределен не столько общественной безопасностью, сколько авторитетом деятельности органов государственной власти Российской Федерации. В результате совершения этого преступления состояние защищенности жизненно важных интересов общества нарушается лишь опосредованно.

При сравнении предмета преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, с предметами иных общественно опасных деяний исследуемой группы очевиден вывод о том, что информация здесь конкретизирована. Она касается «рукотворных» событий, тогда как в примечании к ст. 207.1 УК РФ указывается преимущественно на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера. Слово «преимущественно» использовано нами лишь по той причине, что в обозначенном примечании также имеется ссылка на иные бедствия, которыми, вероятно, могут быть признаны и события антропогенного характера.

Следовательно, можно утверждать, что предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен

в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ. В первом случае это не любая общественно значимая информация, а исключительно сведения, имеющие отношение к терроризму. Аналогичным образом соотносится и предмет ложного сообщения о терроризме с предметом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 207.2 УК РФ.

Таким образом, предмет состава ложного сообщения о терроризме представлен в более детализированном виде в сравнении с предметами преступлений, предусмотренных ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

В свою очередь, предмет состава ложного сообщения о терроризме отличается от предмета преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, содержанием соответствующей информации, которая не имеет схожих черт. По мнению А.И. Терских, важно учитывать различие в законодательной конструкции объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ. Первая является формальной, а вторая – материальной и включает в число обязательных признаков общественно опасные последствия [2, с. 33].

Далее, распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст.ст. 207 и 207.3 УК РФ) по основному составу характеризуется формальной конструкцией объективной стороны. Квалифицированные виды этих преступлений предусматривают общественно опасные последствия.

Вместе с тем анализируемые преступления отличаются не только конструкцией объективной стороны состава преступления, но и отдельными признаками деяний. В частности, идентично описаны деяния в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной социально значимой информации. И только в общественно опасном деянии, указанном в ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной информации.

Примечательный признак с позиции объективной стороны состава преступления имеется в квалифицированном виде рас-

пространения заведомо ложной общественно значимой информации, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ: совершение такого деяния с искусственным созданием доказательств обвинения. В данном случае усиленная ответственность предусмотрена ввиду наличия усложненных действий по приданию достоверного вида распространяемой информации.

Неодинаковым образом реализован законодательный подход к исследуемым составам преступлений в части установления признаков субъекта. Новые преступления, связанные с распространением заведомо ложной социально значимой информации, характеризуются общим субъектом и наступлением уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста. Однако заведомо ложное сообщение об акте терроризма влечет уголовную ответственность уже по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

По нашему мнению, такая разница является объяснимой и обоснованной, поскольку изучаемые преступления отличаются довольно сложной социально-юридической сущностью. При этом в данном ряду выделяется заведомо ложное сообщение об акте терроризма – такое общественно опасное деяние является весьма распространенным и вполне понятным для его надлежащего уяснения по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

Во многом благодаря относительно длительной истории существования уголовно-правового запрета заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а также в связи с тем, что это деяние часто совершается несовершеннолетними, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, был снижен. В свою очередь, вследствие новизны иных предписаний об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации снижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за их нарушение, было бы нецелесообразным.

Сопоставление анализируемых преступлений демонстрирует их определенные различия в части субъективной стороны состава преступления. Как подчеркивает А.И. Терских, при разграничении рассматриваемых преступлений необходимо исходить из того, что ст. 207.1 УК РФ пред-

полагает прямой умысел, а ст. 207.2 УК РФ – неосторожность [2, с. 34]. Что касается прямого умысла в составе преступления, квалифицируемого по ст. 207.1 УК РФ, то такое утверждение не может быть оспорено. В то же время с мнением о том, что деяние, запрещенное ст. 207.2 УК РФ, совершается по неосторожности, согласиться сложно. Нет сомнений в том, что законодательно закреплено неосторожное отношение к последствиям этого преступления в виде причинения по неосторожности вреда здоровью человека. Однако это не означает неосторожную форму вины по отношению к деянию.

Существующая конструкция уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, исключает возможность установления какой-либо иной формы вины, помимо прямого умысла. Об этом свидетельствует указание в тексте диспозиции ч. 1 рассматриваемой статьи на заведомость, а также на распространение информации под видом достоверной, что подчеркивает целенаправленные действия субъекта по искажению информации, искусственному созданию способа ее преподнесения. Такие признаки характеризуют наличие не только осознания общественной опасности совершаемого лицом деяния, но и желания действовать подобным образом.

Кроме того, точно такие же обороты использованы и при формулировании предписаний ст.ст. 207.1 и 207.3 УК РФ, которые безоговорочно признаются запретами соответствующих деяний, совершенных исключительно с прямым умыслом. Подобным образом характеризуется вина и в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма – она может быть выражена только в прямом умысле. Таким образом, все преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной социально значимой информации, совершаются с прямым умыслом. При этом в составе преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, установлено неосторожное отношение к общественно опасным последствиям в виде причинения по неосторожности вреда здоровью человека.

Сопоставление факультативных признаков субъективной стороны изучаемых преступлений демонстрирует определен-

ные различия. В составах общественно опасных деяний, запрещенных ст.ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ, такие признаки в числе обязательных отсутствуют. При этом экстремистские мотивы фигурируют как квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ (п. «д» ч. 2).

В то же время для состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма мотив и цель выступают в качестве конструктивных признаков. Так, обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, является мотив хулиганских побуждений, а преступления, квалифицируемого по ч. 3 ст. 207 УК РФ, — цель дестабилизации деятельности органов власти.

Вместе с тем применение соответствующих норм уголовного закона нередко сопряжено с весьма сложными ситуациями, характеризующимися переплетением признаков разных преступлений. Анализируя вопросы соотношения преступлений, предусмотренных ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, С.А. Гордейчик задается вопросом о том, как правильно квалифицировать заведомо ложное распространение информации об обстоятельствах, угрожающих жизни и безопасности граждан, повлекшее причинение смерти человека, но в условиях безразличного отношения субъекта к допущенным последствиям своего противоправного поведения. По мнению данного автора, применить к изложенной ситуации ст. 207.1 УК РФ невозможно, поскольку наступили общественно опасные последствия, что присуще ст. 207.2 УК РФ. Однако квалифицировать содеянное по ст. 207.2 УК РФ также нельзя ввиду наличия косвенного умысла у виновного. С.А. Гордейчик добавляет, что описанное деяние не образует даже признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.15 КоАП РФ, так как не использовались средства массовой информации. Автор заключает, что смоделированная им ситуация, несмотря на очевидное наличие общественной опасности, не подпадает под признаки криминального деяния, что образует пробел в праве [4, с. 72].

Однако, на наш взгляд, с предложенным квалификационным решением согласиться трудно, поскольку в нем име-

ются дискуссионные аспекты. Во-первых, отсутствуют препятствия для применения в описанном случае ст. 207.1 УК РФ, так как наступление общественно опасных последствий не может исключать применение данной нормы уголовного закона. Во-вторых, если содеянное в виде причинения людям смерти с косвенным умыслом и не подпадает под признаки какого-либо из преступлений, состоящих в распространении заведомо ложной социально значимой информации, это еще не означает его уголовно-правовую оценку в качестве некриминального деяния. Вполне очевидно, что такое деяние может быть квалифицировано по признакам преступлений против личности или террористического акта.

Обобщая изложенное, представляется возможным утверждать, что существующие уголовно-правовые предписания об ответственности за преступления, состоящие в распространении заведомо ложной социально значимой информации, в определенных ситуациях могут находиться в отношениях конкуренции общей и специальной норм. Самой широкой по своему содержанию является норма, предусмотренная ст. 207.1 УК РФ, специальными по отношению к которой могут выступать нормы ст.ст. 207 и 207.3 УК РФ.

Например, заведомо ложное сообщение об акте терроризма может выглядеть как публичное распространение такой информации под видом достоверной. Очевидно, что такая информация может быть идентифицирована в качестве информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В связи с этим в содеянном могут одновременно усматриваться признаки составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 207 и 207.1 УК РФ. Однако применение данных норм по совокупности недопустимо, поскольку это будет нарушением принципа справедливости, исключающего возможность двойной уголовно-правовой оценки одного деяния.

Выбор в этом случае надлежит сделать в пользу нормы об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, так как в ней детализирован предмет преступления — это общественно значимая информация о предстоящем взрыве, поджоге и т.п. Кроме того, состав

заведомо ложного сообщения об акте терроризма охватывает своим содержанием хулиганские побуждения либо цель дестабилизации деятельности органов власти, а в преступлении, предусмотренном ст. 207.1 УК РФ, такие признаки отсутствуют.

Подобным образом соотносится состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма с преступлением, предусмотренным ст. 207.2 УК РФ. В последнем преступлении в число обязательных признаков включены общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. По существу, аналогичные признаки предусмотрены и в составе заведомо ложного сообщения об акте терроризма. В связи с этим они разграничиваются с учетом особенностей распространяемой информации и соответствующего целеполагания (мотивации).

Норма, закрепленная ст. 207.3 УК РФ, является специальной по отношению к ст. 207.1 УК РФ, поскольку в ней детализированы признаки предмета преступления. При этом, как представляется, она не находится в отношениях конкуренции со ст. 207 УК РФ. Объясняется это тем, что признаки соответствующей распространяемой информации в данном случае не пересекаются.

Нормы о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, находятся в отношениях конкуренции нормы части и нормы-целого. Законодательное описание данных деяний имеет совпадающие характеристики, и в ситуациях, когда содеянное лицом будет одновременно подпадать под признаки обоих этих составов преступлений, применению подлежит только ст. 207.2 УК РФ. Данная норма уголовного закона является нормой-целым, поскольку, в отличие от ст. 207.1 УК РФ, ею охватывается и причинение по неосторожности вреда здоровью человека вследствие распространения заведомо ложной социально значимой информации.

Следует отметить, что результаты проведенного исследования вопросов соотношения преступлений, связанных с распространением заведомо ложной социально значимой информации, помимо прямого практического значения, подчеркивают имеющиеся юридические погреш-

ности при построении данных уголовно-правовых предписаний. Вполне очевидно, что цель успешного противодействия таким преступлениям может быть достигнута при условии системного характера соответствующих предписаний, их согласованности и взаимосвязи, исключающих возможность противоречивого толкования и применения норм о преступлениях в сфере распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

На основании изложенного необходимо сделать следующие основные выводы по вопросу о разграничении между собой преступлений, выражающихся в распространении заведомо ложной социально значимой информации:

1) непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст.ст. 207-207.3 УК РФ, не содержит в себе характеристик, которые позволяли бы выделить строгие критерии разграничения данных общественно опасных деяний;

2) узловым критерием разграничения рассматриваемых преступлений являются признаки их предметов. Если деяния, предусмотренные ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, подразумевают распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, которые представляют опасность для жизни, здоровья и иных интересов, то предметом преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 207.3 УК РФ, являются сведения, не представляющие опасности для жизни и здоровья человека. По крайней мере, отсутствует прямая и непосредственная угроза данным ценностям.

Предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма представлен в уточненном виде в сравнении с предметом преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ. Это не информация о любых угрожающих обстоятельствах, а сообщения исключительно о готовящихся взрыве, поджоге или иных соответствующих действиях. Подобным образом соотносятся признаки предмета состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма и состава преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ. Предмет состава заведомо ложного сообщения об акте терроризма различается с предметом преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, содержанием

соответствующей информации, которая не имеет схожих черт.

Существующее нормативное описание предметов преступлений, предусмотренных ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, хотя и имеет определенное различие, но не позволяет выделить значимые критерии разграничения данных преступлений;

3) деяния в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ, описаны идентично: это публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной социально значимой информации. И только в случае общественно опасного деяния, ответственность за совершение которого установлена ст. 207 УК РФ, не требуется наличия признаков публичности распространения соответствующей заведомо ложной ин-

формации. При этом состав преступления, квалифицируемого по ст. 207.2 УК РФ, характеризуется обязательным наличием установленных законом общественно опасных последствий, которые не предусматриваются составами других преступлений, выражающихся в распространении заведомо ложной социально значимой информации;

4) все преступления, выражающиеся в распространении заведомо ложной социально значимой информации, совершаются общим субъектом и с прямым умыслом. Для состава ложного сообщения о терроризме мотив и цель выступают как конструктивные признаки, а иные преступления рассматриваемой группы не предусматривают такие признаки в качестве обязательных.

Список источников

1. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. N 5. С. 41-44.
2. Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые – наказание реальное // Законность. 2022. N 8. С. 32-37.
3. Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. 2020. N 11. С. 28-31.
4. Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. N 6. С. 72.

References

1. Kibal'nik A.G. Criminal-legal reaction to the coronavirus pandemic. Legality, 2020, no. 5, pp. 41-44. (In Russ.).
2. Terskikh A.I. Criminal law in the realities of the information society: fake news – real punishment. Legality, 2022, no. 8, pp. 32-37. (In Russ.).
3. Kuznetsov A.P. Criminal law protection of public safety: a scientific review of Article 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Russian investigator, 2020, no. 11, pp. 28-31. (In Russ.).
4. Gordeychik S.A. Criminal liability for public dissemination of deliberately false information. Russian justice, 2020, no. 6, p. 72. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

Доказывание вины и виновности в уголовном судопроизводстве

Ольга Владимировна Левченко,

доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, levchenko195@mail.ru

Аннотация. Вина и виновность лица в совершении преступления доказываются по уголовному делу лицами, производящими расследование, и судом в рамках уголовного судопроизводства. В статье рассмотрены вопросы понятия вины и виновности, их соотношения (вина включается в виновность лица; вина обособлена от виновности и ее нужно доказывать отдельно). Анализируются мнения исследователей и следственная практика по этому вопросу, обосновывается собственная точка зрения. С учетом судебной практики по уголовным делам виновность лица (а значит, и вина) должна быть доказана. Автор выступает против предложения об исключении признательных показаний из системы доказательств по уголовному делу. Рассмотрены вопросы доказывания на некоторых стадиях уголовного процесса. В статье затрагиваются вопросы влияния вины и виновности на объем доказывания, его цели, обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию. Предлагается внести изменения в пункт 2 части 1 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Утверждается, что для доказывания вины и виновности используются одинаковые доказательства. Относительно понимания цели формулируется тезис о том, что доказывание вины и виновности должно опираться на стадийность уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: вина, виновность, уголовное дело, доказывание, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, подлежащие доказыванию обстоятельства

Для цитирования: Левченко О.В. Доказывание вины и виновности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 49-56.

Proving fault and guilt in criminal proceedings

Olga V. Levchenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, levchenko195@mail.ru

Abstract. It is stated that proving fault and guilt of a person in committing a crime is exercised by the persons conducting criminal investigation and by the court in criminal proceedings. The issues of the concepts of fault and guilt, their correlation (fault is included in the guilt of a person; fault is isolated from the guilt and must be proved separately) are considered in the article. Some researchers' opinions and investigative practice on the issue under study are analyzed, the author's point of view is substantiated. It is mentioned that basing on the judicial practice in criminal cases, the guilt of a person (and hence fault) must be proven. The author opposes the proposal on excluding the confessions from the system of evidence in a criminal case. The issues of proving at some stages of the criminal process are considered. The article addresses some issues related to the influence of fault and guilt on the amount of proof, purposes of proving and circumstances to be proved. It is proposed to amend paragraph 2 of part 1 of Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is argued that the same evidence is used to prove fault and guilt. The following thesis regarding the understanding of the purpose of proving is formulated: proving fault and guilt must be based on the staging of criminal proceedings.

Keywords: fault, guilt, criminal case, proving, criminal proceedings, criminal process, circumstances to be proved

For citation: Levchenko O.V. Proving fault and guilt in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 49-56.

© Левченко О.В., 2023

Вина и виновность служат своеобразными ориентирами для лиц, производящих расследование по уголовному делу. От того, насколько правильно они будут установлены, зависит разрешение уголовного дела в суде. Представляет интерес вопрос о том, имеются ли различия между данными понятиями, а в случае наличия таковых — в чем они заключаются с научной точки зрения. Ученые — специалисты в области уголовного и уголовно-процессуального права ведут полемику о понимании вины и виновности в современной правовой науке, об их влиянии на отдельные институты и дальнейшее развитие законодательства с учетом мнений большинства исследователей.

В уголовно-процессуальной науке взгляды на вину и виновность оказывают свое влияние на теорию и практику применения доказательно-правовых положений, таких как объем доказывания, его цели, обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию, и др.

Согласно ст. 73 УПК РФ (п. 2 ч. 1) к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относится виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы совершенного либо готовящегося преступления. Исходя из этого можно отметить, что законодательно допускается двоякая ситуация, когда: 1) вина включается в виновность лица; 2) вина обособлена от виновности и ее нужно доказывать отдельно.

К сожалению, не все исследователи могут ответить на поставленный вопрос о вине и виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Некоторые из них отмечают затруднительность ответа на вопрос о том, что подразумевается в законодательстве под понятием «виновность» в уголовном судопроизводстве [1, с. 252]. Представители науки уголовного права высказывают разные точки зрения относительно вины и виновности лица в совершении преступления. Одни из них не различают данные дефиниции и выражают мнение, что «понятие “виновность” является однокоренным с термином “вина”» [2, с. 132]. Другие полагают, что вина и виновность — разные по своему значению обстоятельства, которые необходимо доказать по уголовному делу. Например,

А.Н. Попов считает вину областью уголовного права, а виновность — уголовного процесса, поэтому «вина не может быть виновностью» [3, с. 10]. На первый взгляд, это правильное рассуждение, с ним можно было бы согласиться, если бы в законодательстве именно таким образом использовались данные понятия.

Например, в ст. 77 УПК РФ указывается, что если обвиняемый признал свою вину в совершении преступления, то его виновность должна быть подтверждена совокупностью имеющихся по делу доказательств. По сути дела, в этом положении «вина» используется в уголовно-процессуальном значении, как и «виновность», то есть в законодательстве данные понятия не разделяются на уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты.

Положения доказательственного права ориентированы в первую очередь на идеи виновности лица в совершении преступления, а не на его вину. Доказывание виновности конкретного лица осуществляется с использованием как общих положений уголовного процесса, так и объема доказательственного материала, собранного по уголовному делу [4, с. 88]. Такое доказывание указывает на соблюдение его пределов, концептуально обосновывающихся ч. 1 ст. 88 УПК РФ, согласно которой пределы доказывания — это совокупность доказательств, достаточная для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Ряд ученых отождествляет предмет и пределы доказывания, указывая, что если по уголовному делу установлен предмет доказывания, то его пределы достигнуты. Наиболее распространенным стало мнение о том, что предмет доказывания — это средства достижения цели доказывания. А.С. Александров и С.А. Фролов утверждают: «если предмет доказывания отвечает на вопрос о направленности доказывания, то пределы доказывания говорят о средствах обеспечения достоверности познания фактов и обстоятельств, составляющих предмет доказывания» [5, с. 111].

В методологическом аспекте средство — это инструмент достижения определенной цели. Если под предметом доказывания понимать целеполагание доказывания, то пределы служат скорее его

границами. Предмет и пределы доказывания взаимосвязаны, но показывают разные «величины» доказывания, которые характеризуют его процесс.

Импонирует точка зрения П.А. Лупинской: «совокупность доказательств, необходимых в конечном итоге для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и образует пределы исследования, или пределы доказывания» [6, с. 94]. К такой совокупности доказательств относятся не только те из них, которые подлежат обязательному доказыванию, но и иные доказательства, указанные в УПК РФ в качестве обязательных по отдельным категориям уголовных дел (например, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних). Без установления этих обстоятельств путем доказывания невозможно рассуждать о вине и виновности лица в совершении преступления. Пределы доказывания необходимы как помощь лицу, осуществляющему процесс доказывания по конкретному уголовному делу.

Если взять за основу то, что вина включается в виновность лица, то необходимо изменить формулировку ч. 1 п. 2 ст. 73 УПК РФ: «виновность лица в совершении преступления и мотивы»;». При этом мотив в совершении преступного деяния как внутреннее побуждение лица достичь результата, цели преступления доказывается отдельно. Теоретические исследования в области уголовного права свидетельствуют о том, что понимание мотива преступления является спорным. Особенно это относится к формированию мотива преступления.

В специальной научной литературе обсуждается вопрос о возможности использования в теории права собственного понимания мотива преступления. Например, с точки зрения Б.В. Харазишвили, необходимости в разработке юридической наукой данной дефиниции не существует и следует пользоваться тем определением мотива, которое разработано психологией [7, с. 4-5]. Такая позиция находит своих последователей и в современной теории уголовного права.

Не отрицая роли психологической науки в области разработки мотива, необходимо отметить, что она направлена в

первую очередь на мотивацию поведения лица, а не на мотив преступления. Мотив преступления направлен на удовлетворение потребности, которая охраняется уголовным законом. Лицо, совершающее уголовно наказуемое деяние, обладает волей и осознает преступность своих действий.

Полемика, развернувшаяся вокруг понимания мотива преступления, оказывает негативное влияние на правоприменительную практику. Необходимо отметить, что учение о мотиве преступного деяния является одним из развивающихся направлений науки уголовного права.

В уголовно-процессуальном доказывании мотивов преступления большое значение имеют доказательственные презумпции. Они характеризуют практические подходы к выводам о мотиве преступного поведения лица. Например, предполагается, что все виды хищений совершены с корыстным мотивом, насильственные — мотивируются личной неприязнью, а те, которые не могут быть объяснены логически, считаются совершенными из хулиганских побуждений. Очевидно, что использование таких презумпций не позволяет объективно устанавливать мотив совершенного деяния. Такое положение не всегда приводит к правильной квалификации и, как следствие, влечет за собой следственно-судебные ошибки.

В уголовно-правовых нормах закреплена необходимость установления вины в форме умысла или неосторожности в отношении любых общественно опасных действий и наступивших последствий (ст.ст. 5 и 24 УК РФ). Как указывает А.О. Рыбакова, «вина является элементом состава преступления, которая представлена в качестве субъективной стороны, а виновность — это качество субъекта преступления, в содержание которого входит в том числе вина как признак состава преступления» [8, с. 110].

Автором настоящей статьи проведен опрос 163 следователей Следственного управления СК России по Краснодарскому краю, Республике Крым и городу Севастополю. Согласно результатам опроса 81,8 % респондентов в обвинительном заключении используют слово «виновность», а не «вина», которая доказана материалами уголовного дела. Такая позиция поддерживается не всеми исследователями.

Их рассуждения обоснованы положением, что «только подозреваемый, обвиняемый может рассказать о своем психическом отношении к совершенному деянию, то есть о вине» [9, с. 429].

В связи с этим целесообразно рассмотреть второе содержащееся в законодательстве допущение по выводу о том, что вина обособлена от виновности и ее требуется доказывать отдельно. Недостатком законодательства признается отсутствие в УК РФ понятия «вина». Как правильно указывает Т.Б. Недопекина, сложность с определением понятия «вина» обусловлена «плюрализмом теоретических концепций вины» [10, с. 40].

Необходимо отметить, что субъективность понимания вины затрудняет ответ на вопрос о ее содержании. В то же время это правовое понятие должно быть познано, а его место в законодательстве — определено. Как внутреннее побуждение лица вина может объективироваться только на основании определенных обстоятельств совершенного преступного деяния. К данным обстоятельствам относятся сведения (доказательства) по уголовному делу.

При таких условиях вина доказывается теми же доказательствами, что и виновность. Никаких других доказательств не требуется. Можно сделать вывод о том, что если доказана виновность лица, то будет доказана и его вина. Значит, вина не обособлена от виновности и не нуждается в отдельном доказывании.

Таким образом, по уголовному делу виновность лица (а значит, и вина) должна быть доказана. А субъективная сторона преступного деяния доказывается на основе доказывания фактических обстоятельств дела. Судебная практика идет по этому пути. Согласно апелляционному постановлению Краснодарского краевого суда «вина осужденного в совершении преступления подтверждается совокупностью доказательств, непосредственно исследованных судом»*. Анализ судебной практики других субъектов Российской

* Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 27 авг. 2020 г. N 22-4606/2020 по делу N 1-68/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

Федерации, например Волгоградской области**, Ростовской области***, также свидетельствует об изложенном выше.

Данное мнение не является общепринятым, и это дает возможность ученым-процессуалистам выражать различные суждения по поводу доказывания вины в уголовном судопроизводстве. Например, выдвигается предложение об исключении признательных показаний вины из системы доказательств, что считается прогрессивным, но требует дальнейшей проработки. Как указывается, «признание вины нередко ведет к некачественному расследованию уголовных дел, к необоснованному рассмотрению дела в порядке особого судопроизводства и практически снимает с субъектов предварительного расследования и суда бремя доказывания» [11, с. 3].

Выступая против таких высказываний, следует подчеркнуть, что они негативно влияют не только на доказательственное право, но и на многие другие уголовно-процессуальные институты, основанные на учете показаний обвиняемого. Например, это относится к защите от обвинения, применению мер пресечения, особым производств в суде и т.д. В связи с этим, в сущности, речь должна идти не о признании вины, а о признании виновности лица в совершении действий, квалифицирующихся как состав преступления, предусмотренный уголовным законом. Признательным показанием считается не сам факт признания вины, а те сведения, которые в нем содержатся.

Кроме того, признание лица должно быть подтверждено другими доказательствами по уголовному делу, которые свидетельствуют об отсутствии сомнений в том, что данное лицо совершило преступление. Иначе речь может идти о самоговоре. Таким образом, показания обвиняемого в системе доказательств имеют значение по уголовному делу, однако не признаются законодательством достаточ-

** Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 24 дек. 2020 г. N 22-4984/2020 по делу N 1-43/2020 // Там же.

*** Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 27 авг. 2020 г. N 22-4141/2020 по делу N 1-170/2020 // Там же.

ными, если они не подтверждены другими собранными доказательствами.

Как указывает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, «в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений пунктов 3, 4 части 1 статьи 305, пункта 2 статьи 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого»*. Это требование согласуется с пониманием цели доказывания.

В теории уголовного процесса открытым остается вопрос о целеполагании доказывания. Основой этой проблематики служит вопрос об истине. Здесь преобладают концепции объективной, формальной и конвенциональной истины. Все они имеют свои недостатки, которые подтверждаются практикой доказывания. Например, существование конвенциональной истины в уголовном процессе привело к введению таких институтов, как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением либо при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Необходимо отметить, что споры о том, какую истину предложить как универсальную для всего процесса доказывания по уголовному делу, привели к обоснованию замены объективной истины на «достоверность». Доказанная достоверность знаний о преступлении — это и есть истина, поскольку достоверные доказательства именно устанавливают фактические обстоятельства уголовного дела в своей совокупности [12, с. 48]. Однако это не может обосновать всесторонность и полноту расследования и рассмотрения материалов уголовного дела, поскольку ориентировано только на один элемент процесса доказывания — их оценку.

По мнению ряда ученых-процессуалистов, доказывание имеет направленность на установление истины, которая является гарантией обеспечения правильности расследования и разрешения уголовного дела: «сама идея объективной истины как цели

доказывания при производстве по уголовному делу не должна вызывать сомнений» [13, с. 36]. Под объективной истиной понимается прежде всего всесторонность, полнота и объективность установления обстоятельств уголовного дела. В современном УПК РФ такие параметры отсутствуют, как и объективизация истины.

Не вдаваясь в полемику о правильности законодательства, отметим, что понимание цели доказывания должно опираться на стадийность уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальная деятельность меняется в зависимости от перехода уголовного дела из одной стадии в другую. УПК РФ установлена строго определенная последовательность стадий. Она нерушима и обусловлена взаимосвязанной системой уголовного судопроизводства, в которой на каждой последующей стадии учитываются результаты предыдущей, выраженные в процессуальных документах.

И.Я. Фойницкий указывает, что любое уголовное дело начинается с момента возникновения и заканчивается прекращением. Между ними имеются состояния предварительного производства и окончательного производства в суде. Первое заключается в предварительном исследовании и собирании доказательств виновности лица [14, с. 417].

Первоначальной стадией уголовного судопроизводства является стадия возбуждения уголовного дела. На этой стадии должны быть установлены цели доказывания, реализующиеся в основном на последующих стадиях, на которых ставится вопрос о виновности (невиновности) лица в совершении преступления.

Анализ уголовно-процессуальной литературы позволяет прийти к выводу о том, что одни научные работники доказывание на стадии возбуждения уголовного дела и обсуждение ее цели рассматривают через призму исследования средств доказывания [15]. Другие исследователи свои рассуждения сводят к задачам доказывания на данной стадии уголовного судопроизводства [16, с. 173].

Но цель — это то, на что направлено в данном случае само доказывание. Целесообразность доказывания должна оправдывать существование такой стадии, как возбуждение уголовного дела. В ином

* О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. N 55 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2017. N 1.

случае можно ставить вопрос о необходимости данной стадии уголовному судопроизводству.

На стадии возбуждения уголовного дела целью доказывания будет наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Здесь речь о виновности не идет. Да, уголовное дело можно возбудить против конкретного лица, но только в рамках подозрения его в совершении преступления. Подтвердится ли данное подозрение, зависит от доказывания на последующих стадиях уголовного процесса. Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела могут быть созданы определенные условия, которые послужат доказыванию виновности лица на последующих стадиях уголовного судопроизводства.

Изъятие и фиксация материальных и идеальных следов совершения преступного деяния – это определенные подходы к достижению истины по уголовному делу. Не случайно законодательство включает ее на стадии досудебного производства, показав при этом значение обеих стадий (возбуждения уголовного дела и предварительного расследования) для разрешения дела в суде.

Основное доказывание виновности происходит на последующих стадиях уголовного процесса. На стадии предварительного расследования виновность доказывается, как уже отмечалось, на уровне обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Именно эти обстоятельства служат целью доказывания, но лица, производящие расследование, не имеют права делать по ним окончательные выводы (ст. 49 Конституции Российской Федерации).

Закономерным является вопрос о возможности установления истины на данной стадии. Наверное, такая возможность есть, если это найдет подтверждение в суде. При этом органы предварительного расследования не устанавливают ее всесторонность, поскольку у них нет задачи доказывания оправдывающих обвиняемого обстоятельств. Только на судебных стадиях виновность лица устанавливается на законных основаниях. В то же время судебные решения должны обладать свойствами полноты, всесторонности и объективности, то есть быть истинными.

Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда в своем решении указала: «судебное следствие проведено полно и всесторонне, в соответствии с требованиями ст. 273-291 УПК РФ, в основу приговора положены доказательства, полученные с соблюдением требований закона, которым суд дал надлежащую оценку»*.

Одной из важнейших гарантий установления объективной истины и виновности конкретного лица в совершении преступления является принцип состязательности сторон. Для реализации этого принципа функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ст. 15 УПК РФ). Согласно В.М. Савицкому, «в основе состязательности лежит общеизвестный гносеологический принцип: верное решение складывается на основе анализа противоречивых мнений» [17, с. 117].

Необходимо указать, что ученые-процессуалисты обращают внимание на развитие состязательности сторон в суде. Отмечается, что суд должен стать более независимым от позиции обвинения, иначе он утрачивает объективность в оценке виновности подсудимого. В этом случае суд устанавливает истину обвинительного приговора и не стремится к объективизации действий подсудимого. Предлагаются различные выходы из данной ситуации, включая как совершенствование принципа состязательности, так и его замену на полноценное участие суда в доказывании по уголовному делу.

Таким образом, доказывание виновности лица зависит от того, на какой стадии уголовного судопроизводства находится уголовное дело. На досудебной стадии делаются предварительные выводы, обеспеченные обвинительным заключением (обвинительным актом), а на судебных – приговором суда. Именно суд обладает прерогативой установления ис-

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 29 марта 2022 г., дело N 22-1723/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции: сайт. URL: <https://sudrf.cntd.ru>

тины по уголовному делу в классическом ее понимании.

Обращает на себя внимание тот факт, что дефиниции виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов должны быть определены в первую очередь в теории уголовного права и уголовном законодательстве. Изменения либо дополнения в УПК РФ вносятся на основе полученных результатов.

Выводы:

1. Взгляды на вину и виновность оказывают свое влияние на теорию и практику применения доказательно-правовых положений: объем доказывания, его цели, обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию, и другое.

2. Доказывание виновности конкретного лица осуществляется с использованием как общих положений уголовного процесса, так и объема доказательственного материала, собранного по уголовному делу.

3. Вина включается в виновность лица, в связи с чем требуется изменить п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, сформулировав его следующим образом: «виновность лица в совершении преступления и мотивы».

4. Вина доказывается теми же доказательствами, что и виновность.

5. Признательным показанием считается не сам факт признания вины, а те сведения, которые оно содержит.

6. Понимание цели доказывания должно опираться на стадийность уголовного судопроизводства.

7. На стадии возбуждения уголовного дела целью доказывания является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

8. Стадия возбуждения уголовного дела служит для создания условий доказывания виновности на последующих стадиях уголовного судопроизводства.

9. Изъятие и фиксация материальных и идеальных следов совершения преступного деяния – это определенные подходы к достижению истины по уголовному делу.

10. На стадии предварительного расследования виновность доказывается на уровне обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

11. На судебных стадиях виновность лица устанавливается на законных основаниях.

Список источников

1. Токарева А.А., Максименко Г.С. Виновность в уголовном процессе // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф., Казань, 20-23 мая 2016 г. Казань, 2016. С. 251-254.
2. Тарханов И.А. Проблемы вины, виновности и деятельного раскаяния в основных уголовно-правовых системах современности (доктринальный и законотворческий аспекты) // Современные тенденции уголовного права и процесса. Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, кн. 1. С. 121-140.
3. Попов А.Н. Вина в преступлениях против жизни (ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ): конспект лекций. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 124 с.
4. Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. N 2. С. 87-90.
5. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. Нижний Новгород: Нижегородская правовая акад., 2011. 176 с.
6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. Москва: Юрист, 2006. 174 с.
7. Харaziшвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси: Цодна, 1963. 288 с.
8. Рыбакова А.О. «Вина» и «виновность» в уголовном праве России // Вестник науки. 2022. N 11. Т. 3. С. 109-116.
9. Корчагин М.А. Признание своей вины в системе уголовно-процессуальных доказательств // Вопросы российской юстиции. 2021. N 11. С. 426-438.
10. Недопекина Т.Б. Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, проблемы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2011. 176 с.
11. Гончарова М. Признание вины – не все так просто // ЭЖ-Юрист. 2012. N 5. С. 1-7.
12. Шелегов Ю.В. Использование косвенных доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. 208 с.

13. Шадрин В.С. Истина в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского государственного университета. 2014. N 11/1. С. 36-42.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.В. Смирнова. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 607 с.
15. Костенко Р.В. Возможность осуществления доказывания на стадии возбуждения // Консультант-Плюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования для студентов юридических, финансовых и экономических специальностей. URL: <http://www.consultant.ru>
16. Вануйто Е.Д. Особенности доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса // Молодой ученый. 2021. N 49. С. 173-174.
17. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). Москва: Наука, 1987. 286 с.

References

1. Tokareva A.A., Maksimenko G.S. Guilt in Criminal Procedure. Legal Sciences: Problems and Perspectives. Kazan, 2016. Pp. 251-254. (In Russ.).
2. Tarkhanov I.A. Problems of guilt, guiltiness and active remorse in the main criminal legal systems of today (doctrinal and legislative aspects). Modern trends in criminal law and process. Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities, 2019, vol. 161, book 1, pp. 121-140. (In Russ.).
3. Popov A.N. Guilt in crimes against life (Articles 105, 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation): lecture notes. St. Petersburg, St. Petersburg legal institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. 124 p. (In Russ.).
4. Levchenko O.V. Internal persuasion as a method of evaluating evidence in criminal proceedings. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, 2013, no. 2, pp. 87-90. (In Russ.).
5. Aleksandrov A.S., Frolov S.A. Relativity of criminal procedural evidence. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Law Academy, 2011. 176 p. (In Russ.).
6. Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Law and Practice. Moscow, Lawyer Publ., 2006. 174 p. (In Russ.).
7. Kharazishvili B.V. Issues of Criminal Motive in Soviet law. Tbilisi, Tsodna Publ., 1963. 288 p. (In Russ.).
8. Rybakova A.O. "Guilt" and "guiltiness" in Russian criminal law. Science Journal, 2022, no. 11, vol. 3, pp. 109-116. (In Russ.).
9. Korchagin M.A. Recognition of one's guilt in the system of criminal procedural evidence. Issues of Russian justice, 2021, no. 11, pp. 426-438. (In Russ.).
10. Nedopekina T.B. Criminal frivolity: questions of legislative regulation, problems of theory and practice. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 176 p. (In Russ.).
11. Goncharova M. Pleading guilty – it is not that simple. Ezh-Lawyer, 2012, no. 5, pp. 1-7. (In Russ.).
12. Shelegov Yu.V. The use of circumstantial evidence in criminal proceedings. Cand. Diss. Irkutsk, 2016. 208 p. (In Russ.).
13. Shadrin V.S. Truth in the Russian Criminal Procedure. Bulletin of the Samara State University, 2014, no. 11/1, pp. 36-42. (In Russ.).
14. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. In 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, Alpha Publ., 1996. 607 p. (In Russ.).
15. Kostenko R.V. The possibility of proving at the stage of initiation. ConsultantPlus: Higher School [Electronic resource]: a program of information support for Russian science and education for students of legal, financial and economic specialties. Available at: <http://www.consultant.ru> (In Russ.).
16. Vanuyto E.D. Features of proof at the pre-trial stages of the criminal process. Young scientist, 2021, no. 49, pp. 173-174. (In Russ.).
17. Savitsky V.M. The language of procedural law (terminology issues). Moscow, Nauka Publ., 1987. 286 p. (In Russ.).

Раздел 4. Компаративистика и зарубежный опыт

Научная специальность: 5.1.4

Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как объект криминалистического исследования: понятие, признаки, классификация

Максим Павлович Шруб,

кандидат юридических наук, доцент, Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, shrub_max@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

Аннотация. Автор статьи, основываясь на анализе и обобщении литературных источников, нормативных правовых актов, эмпирических материалов, с позиции криминалистической науки рассматривает феномен сексуальной эксплуатации. В статье акцентируется внимание на содержании данного понятия посредством изучения этимологии составляющих его слов. Проводится криминалистический анализ признаков и форм сексуальной эксплуатации. Определяются проблемные аспекты в исследовании отдельных видов и групп преступлений, разработке частных методик расследования в белорусской криминалистике. Формулируется авторское определение понятия сексуальной эксплуатации. На основе выявления наиболее значимых критериев предлагается криминалистическая классификация преступлений в данной сфере. Указываются перспективные направления исследования обозначенной проблемы.

Ключевые слова: сексуальная эксплуатация, признаки сексуальной эксплуатации, формы сексуальной эксплуатации, расследование преступлений, криминалистическая методика, криминалистическая классификация

Для цитирования: Шруб М.П. Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как объект криминалистического исследования: понятие, признаки, классификация // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 57-67.

Sexual exploitation crimes as an object of forensic investigation: concept, signs, classification

Maxim P. Shrub,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus; Belarusian State University, Minsk, Belarus, shrub_max@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

Abstract. Basing on the analysis and the generalization of literary sources, regulatory legal acts, empirical materials, the phenomenon of sexual exploitation is considered from the perspective of forensic science. The attention is focused on the content of this concept by studying the etymology of its compound words. The forensic analysis of the signs and forms of sexual exploitation is carried out. Some problematic aspects in both studying the specific types and groups of crimes and developing the private investigative techniques in the Belarusian forensic science are identified. The author's definition of the concept of sexual exploitation is formulated. Basing on the identification of the most significant criteria, the forensic classification of the crimes under study is proposed. Some perspective directions of studying the indicated problem are noted.

Keywords: sexual exploitation, signs of sexual exploitation, forms of sexual exploitation, crime investigation, forensic techniques, forensic classification

For citation: Shrub M.P. Sexual exploitation crimes as an object of forensic investigation: concept, signs, classification // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 57-67.

Введение

Понятие «сексуальная эксплуатация» применяется в ряде нормативных правовых актов, действующих на территории Республики Беларусь, активно используется как учеными, так и юристами-практиками в области досудебного уголовного производства. Это связано с тем, что видовая общность таких преступлений обуславливает соответствующие закономерности механизма их совершения, возникновения следовой информации о них и их участниках, а также соответствующие закономерности работы с доказательствами по делам этой категории. Вместе с тем в законодательстве Республики Беларусь определение данного понятия отсутствует.

Применительно к расследованию преступлений очевидно, что материальное право является фундаментом для процессуальной деятельности, прикладное обеспечение которой, в свою очередь, осуществляет криминалистическая наука. В связи с этим, обращаясь к изучению преступлений в сфере сексуальной эксплуатации как объекта криминалистического исследования в целях формирования информационно-методической основы расследования, целесообразно проанализировать существующие уголовно-правовые средства борьбы с данными общественно опасными деяниями.

Основная часть

В уголовное законодательство Республики Беларусь понятие «сексуальная эксплуатация» впервые было включено с принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК РБ) и использовалось в виде целей торговли людьми (ст. 181) и похищения человека (ст. 182), выступая в качестве квалифицирующего признака этих составов преступлений, а также в виде цели вербовки людей (ст. 187). Наряду с этой статьей 171 УК РБ предусматривалась ответственность за организацию или содержание притона для занятия проституцией либо сводничество с корыстной целью или сутенерство.

В 2005 году в связи с совершенствованием законодательства по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения в УК РБ впервые было введено определение этого понятия, оформленное

в виде примечания к ст. 181 «Торговля людьми»: «под сексуальной эксплуатацией в настоящей статье, статьях 182 и 187 настоящего Кодекса понимается извлечение выгоды из действий сексуального характера, осуществляемых другим лицом, в том числе использование занятия проституцией»*.

Определение рассматриваемого понятия входило в уголовное законодательство в течение 10 лет – до принятия новой редакции ст. 181 и примечания к ней. С принятием Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. N 241-З** была исключена и дефиниция, и соответствующий квалифицирующий признак торговли людьми и похищения человека. Кроме того, понятие сексуальной эксплуатации как результата незаконных действий, направленных на трудоустройство граждан за границей, было исключено из диспозиции ст. 187 УК РБ.

Таким образом, на сегодняшний день в уголовном законодательстве Республики Беларусь используется не понятие «сексуальная эксплуатация», а более общее понятие «эксплуатация», дефиниция которого содержится в приложении к ст. 181 «Торговля людьми». Согласно данной норме эксплуатация определяется как «незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (ус-

* О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения: закон Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. N 15-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

** О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: закон Республики Беларусь от 5 янв. 2015 г. N 241-З // Там же.

луг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством»*.

Вместе с тем понятие «сексуальная эксплуатация» в настоящее время активно используется в других отраслях права. Оно применяется в международных нормативных правовых актах, действующих на территории Республики Беларусь:

1) Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии**;

2) Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности***;

3) Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми****;

4) законах Республики Беларусь: от 19 ноября 1993 г. N 2570-XII «О правах ребенка», от 31 мая 2003 г. N 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 27 июня 2007 г. N 244-З «О борьбе с организованной преступностью»*****;

5) Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. N 91-З*****;

* Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. N 275-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

** О присоединении Республики Беларусь к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: закон Республики Беларусь от 3 дек. 2001 г. N 65-З // Там же.

*** О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: закон Республики Беларусь от 3 мая 2003 г. N 197-З // Там же.

**** О присоединении Республики Беларусь к Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми: закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. N 40-З // Там же.

***** Там же.

***** Там же.

б) Кодексе Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. N 278-З*****.

Возникает парадоксальная ситуация: сексуальная эксплуатация как криминализованное общественно опасное деяние, проявляющееся в различных формах, используется в качестве общепринятого термина в ряде отраслей права, в том числе международного, однако не имеет ни определения, ни прямого применения в уголовном законодательстве государства. В условиях отсутствия законодательного определения понятия сексуальной эксплуатации целесообразно обратиться к имеющимся научным взглядам на данную проблему. При этом можно констатировать, что подходы ученых к определению данного понятия неоднозначны.

Например, Е.Н. Курилова считает, что «под сексуальной эксплуатацией следует понимать использование лица в занятии проституцией, для изготовления порнографических материалов или иные формы сексуальной эксплуатации в целях получения материальной выгоды. К иным формам сексуальной эксплуатации относятся: принудительная беременность; принудительная стерилизация, использование ребенка в целях эксплуатации в порнографии и порнографических материалах; вовлечение ребенка в любую незаконную сексуальную деятельность; сексуальное злоупотребление со стороны родителей, опекунов и законных представителей» [1, с. 17].

В свою очередь, И.С. Алихаджиева предлагает под сексуальной эксплуатацией признавать «использование против или помимо воли человека его сексуальности или сексуальных способностей для удовлетворения собственных или иного лица потребностей сексуального характера в целях получения дохода или выгоды неимущественного характера» [2, с. 10]. А.А. Овсянникова понимает эксплуатацию в сфере сексуальных отношений как «...получение финансовой или иной выгоды, извлечение выгод имущественного характера за использование сексуальных свойств и качеств человека... сексуальная эксплуатация в общем виде должна пониматься как использование виновным потерпевших для оказания сексуальных

***** Там же.

услуг третьим лицам и получения незаконного дохода» [3, с. 83].

И.В. Пантюхина отмечает, что «понятие “сексуальная эксплуатация” следует рассматривать в двух смыслах: узком и широком. Именно узкий смысл способен отразить ее суть. Поэтому в этом смысле предлагаем ее понимать как систематическое или периодическое использование сексуальных свойств и качеств одного и того же лица другим лицом в целях удовлетворения своих сексуальных потребностей против воли первого. Извлечение материальной или иной выгоды от принудительного использования лиц в проституции, в порнографических мероприятиях, в целях создания порнографических материалов или предметов представляет собой совокупность целого ряда преступлений, особенностью которых является использование сексуальных свойств человека, и отражает экономический характер этого социального явления, образующих сексуальную эксплуатацию человека в широком смысле» [4, с. 12].

Г.Т. Пачулия называет сексуальную эксплуатацию формой использования зависимости человека. Посредством материалистического подхода к пониманию эксплуатации как социального и экономического явления автор выделяет признаки эксплуатации: 1) подневольное состояние (зависимость); 2) использование эксплуататорами зависимости людей в качестве инструмента для получения дохода; 3) регулярность извлечения дохода (промысел) от использования зависимости других лиц. «Формами сексуальной эксплуатации могут быть: лишение потерпевшего личной свободы, сексуальной свободы, принуждение к занятию проституцией, к заключению ранних или временных браков и другие... Мотивация деятельности, в основе которой лежит привлечение третьих лиц, вложение материальных средств, изготовление и реализация продукции, всегда является экономической» [5, с. 7-11].

Обобщая приведенные подходы ученых к определению исследуемого понятия, необходимо обратиться к этимологии терминов, его составляющих. Слово «эксплуатация» (от франц. *exploitation* – использование, извлечение выгоды) – «присвоение результатов чужого труда собственниками

средств производства в классово-антагонистических общественно-экономических формациях» [6, с. 1532]; «извлечение прибыли классом собственников средств производства путем присвоения труда непосредственных производителей, трудящихся... Использование для каких-нибудь целей» [7, с. 726]; «извлечение из чего промышленных выгод, доходов» [8, с. 885].

Слово «сексуальный» трактуется односторонне и используется в значении «относящийся к половой жизни» [7, с. 570]. Из приведенных определений следует, что в их основе лежит экономическая составляющая. Если исходить из того, что «средствами производства» в рассматриваемом контексте являются люди, оказывающие услуги в сфере сексуальной деятельности, а собственность предполагает владение, пользование и распоряжение таковыми средствами, то, экстраполируя данные признаки эксплуатации на сексуальную сферу, полагаем, следует говорить о применении определенных средств воздействия со стороны эксплуататоров в отношении эксплуатируемых, позволяющих если не владеть ими, то по крайней мере реализовывать организационно-распорядительные функции, обеспечивающие контроль и при необходимости принуждение с целью извлечения прибыли от сексуальной деятельности человека.

При этом следует отметить, что крайние формы преступлений в сфере сексуальной эксплуатации, как показывает анализ эмпирических данных, могут обеспечивать не только пользование и распоряжение, но и владение людьми, обращая их в сексуальное рабство, – в частности, торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации. Некоторые менее жесткие формы данных преступлений, например использование занятия проституцией, могут не включать элемент принуждения, однако, как правило, все равно предполагают определенные рамки, правила поведения лиц, из сексуальной деятельности которых извлекается прибыль, устанавливаемые «собственниками средств производства» (сутенерами), образуя пользование и распоряжение.

Таким образом, сексуальная эксплуатация предполагает использование человека в сексуальной (половой) сфере

с целью присвоения результатов его деятельности в форме извлечения прибыли третьим лицом посредством применения определенных средств воздействия.

На основе проведенного этимологического анализа понятия сексуальной эксплуатации остановимся подробнее на ее формах. В частности, нельзя согласиться с тем, что принудительная беременность, принудительная стерилизация могут относиться к таковым, поскольку данные явления связаны с репродуктивной, детородной функцией, а не с сексуальной (половой).

Вовлечение ребенка в *любую* незаконную сексуальную деятельность также вряд ли правильно рассматривать как форму сексуальной эксплуатации, поскольку, с одной стороны, вовлечение ребенка в сексуальную деятельность априори законным быть не может, а с другой — например, изнасилование несовершеннолетнего или добровольное половое сношение с несовершеннолетним взрослого сами по себе не образуют сексуальную эксплуатацию, так как не нацелены на извлечение прибыли, а направлены на удовлетворение собственной половой потребности. То же самое можно сказать и относительно сексуального злоупотребления в отношении несовершеннолетних со стороны родителей, опекунов и законных представителей.

Полагаем, что лишение потерпевшего личной свободы, сексуальной свободы, принуждение к занятию проституцией также нельзя отнести к формам сексуальной эксплуатации в полном смысле слова, так как они, характеризуя в определенной степени содержание рассматриваемых преступлений, с точки зрения механизма преступления все же являются не формами их выражения, а средствами достижения цели — эксплуатации (при этом с точки зрения закона принуждение к проституции следует отнести к форме сексуальной эксплуатации, поскольку за такие действия наступает уголовная ответственность по ст. 171.1 УК РФ).

Вряд ли можно считать формой сексуальной эксплуатации и заключение ранних или временных браков ввиду того, что таковые сами по себе не предполагают извлечение прибыли из сексуальной деятельности человека, а в отдельных случаях могут также выступать в качестве средства достижения указанной цели.

Для лучшего понимания сущности и содержания форм сексуальной эксплуатации целесообразно обратиться к более общему понятию «сексуальная деятельность», то есть деятельности для удовлетворения потребностей сексуального характера [2, с. 19]. Виды такой деятельности, согласно справедливому мнению И.С. Алихаджиевой, следует классифицировать на две группы:

«1) использующие сексуальные способности человека (проституция, порнография как участие в создании порнографической продукции в качестве актера или исполнителя в зрелищных постановках и сценах порнографического характера);

2) использующие сексуальность человека (эротические танцы, секс по телефону, эротический массаж, киберсекс, вебкаминг)» [2, с. 19].

Нельзя не согласиться с мнением И.С. Алихаджиевой и о том, что «...наиболее общественно опасной формой нарушения права на половую неприкосновенность и половую свободу личности является сексуальная эксплуатация. Преступления, связанные с проституцией и незаконным оборотом порнографической продукции (ст.ст. 240-242.2 УК РФ), должны признаваться преступлениями с атрибутами сексуальной эксплуатации другого человека...» [2, с. 18].

Таким образом, сексуальной эксплуатацией с позиции криминалистики могут признаваться только общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, связанные с использованием сексуальных способностей человека, — именно они составляют первую из обозначенных выше групп. Это преступления, направленные на извлечение прибыли из сексуальной деятельности человека в проституции и порнографии, связанные с половым актом и другими сексуальными действиями. Виды деятельности для удовлетворения потребностей сексуального характера, связанные с использованием сексуальности человека (эротические танцы, эротический массаж и др.), не могут считаться сексуальной эксплуатацией, поскольку не несут в себе общественной опасности, — они не посягают на половую неприкосновенность или свободу, личную свободу, честь и достоинство, хотя и направлены на извлече-

ние прибыли из деятельности человека в сексуальной сфере.

Рассматривая признаки сексуальной эксплуатации, следует согласиться с выделением таких, как *систематическое или периодическое* использование сексуальных свойств и качеств, поскольку преступления в сфере сексуальной эксплуатации направлены на постоянное, длительное извлечение прибыли. Вместе с тем полагаем спорным считать сексуальной эксплуатацией использование одного и того же лица другим лицом в целях удовлетворения *своих сексуальных потребностей* против воли первого, поскольку данные преступления как таковые не направлены на извлечение прибыли или получение иных выгод и должны рассматриваться скорее как сексуальные злоупотребления либо изнасилования или насильственные действия сексуального характера – даже в том случае, когда они носят систематический характер (здесь необходимо вести речь о повторности одних и тех же преступлений).

Неоднозначным видится определение сексуальной эксплуатации и через признак использования *«против или помимо воли человека»* его сексуальности или сексуальных способностей. Дело в том, что признак *«вопреки воле»* в уголовном законодательстве Республики Беларусь используется в качестве ключевого при определении понятия изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Вопреки воле означает *«с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или ее близким (против ее воли) либо с использованием ее беспомощного состояния (помимо воли потерпевшей)»**. Полагаем, что если прибыль извлекается из использования сексуальности или сексуальных способностей человека *«против или помимо воли человека»* третьим лицом, то можно вести речь о форме сексуальной экс-

плуатации, сопряженной с насилием, или о сексуальной эксплуатации как одной из форм сексуального насилия. Однако отсутствие насилия не исключает отсутствие эксплуатации. Таким образом, признаки *«против или помимо воли»* нельзя считать неотъемлемыми при определении понятия сексуальной эксплуатации, хотя элементы принуждения и контроля являются характерными для нее, – преступники избирают определенные средства физического, психологического, экономического и организационно-юридического воздействия [9, с. 41-43].

Применительно к рассматриваемому аспекту исследуемой проблемы уместно привести справедливое высказывание Г.Т. Пачулии, подтверждающее наш тезис: *«Во многих международных правовых актах и в уголовном праве отдельных государств любые насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних лиц считаются формой сексуальной эксплуатации в связи с незрелостью и большей беззащитностью несовершеннолетних (малолетних) лиц, по сравнению с взрослыми. Перенесение родового понятия “эксплуатация” на почву половых преступлений в отношении несовершеннолетних не оправдано ни терминологически, ни с точки зрения выделенных нами признаков сексуальной эксплуатации»* [5, с. 12].

Такие признаки эксплуатации, как подневольное состояние (зависимость), использование зависимости в качестве инструмента для получения дохода и регулярность его извлечения (промысел), являются характерными чертами преступлений в рассматриваемой сфере. Их анализ позволяет констатировать, что фактически первые два представляют собой один признак, поскольку зависимость не несет функциональную нагрузку, она приобретает ее, только когда используется с целью извлечения прибыли от эксплуатации человека в сексуальной сфере. При этом следует заметить, что зависимость не является признаком постоянным и обязательным и, более того, не равнозначна понятию подневольного состояния, являющегося наиболее жесткой формой зависимости. С неотъемлемостью такого признака, как регулярность извлечения

* О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166-170 Уголовного кодекса Республики Беларусь): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сент. 2012 г. N 7 // Верховный Суд Республики Беларусь: интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: <https://court.gov.by>

дохода, следует согласиться, поскольку, как уже отмечалось, преступления в сфере сексуальной эксплуатации направлены именно на извлечение прибыли от действий сексуального характера, которое имеет преимущественно длящийся во времени, постоянный характер (проституция или порнография). Регулярность, по сути, предполагает периодичность либо систематичность.

Из приведенных позиций различных авторов следует, что проблема сексуальной эксплуатации наиболее активно разрабатывается в российской юридической науке, в первую очередь, уголовно-правовой и криминологической. В юридической науке Республики Беларусь исследуемой проблеме в последние десятилетия не уделялось должного внимания. Анализ научных публикаций свидетельствует, что в отечественной криминалистике на монографическом уровне прорабатывались лишь отдельные аспекты обозначенного направления — преступлений в сфере сексуальной эксплуатации. В частности, изучены вопросы расследования транснациональной сексуальной эксплуатации [9-11; 12, с. 180-226] и возбуждения уголовных дел о детской порнографии [13]. Остальные аспекты обозначенной многогранной проблемы остаются без внимания ученых. Вместе с тем уже исследованные области по прошествии времени нуждаются в актуализации.

Таким образом, сексуальная эксплуатация с позиции системного подхода до сих пор не являлась полноценным объектом криминалистического исследования. Полагаем, это обусловлено объективными причинами. Проводя исследования по разработке методик расследования отдельных видов и групп преступлений (которые, как правило, осуществляются в рамках подготовки диссертаций на соискание ученых степеней), авторы, как правило, стараются исходить из уголовно-правовой классификации преступлений, составляющей основу Особенной части УК РБ. Основная причина этого — использование наиболее классического подхода, исходя из главенствующей роли уголовного права, в целях минимизации рисков возникновения дискуссионных вопросов при прохождении этапов рецензирования работы.

В связи с этим разработка частных криминалистических методик, не основанных на отдельных либо объединенных конкретным структурным элементом кодекса нормах УК РБ, является редкостью. Полагаем, что такой подход нельзя назвать единственно верным. Более того, в определенных случаях он не может должным образом способствовать достижению целей борьбы с преступностью. Это связано с тем, что уголовно-правовая квалификация фактически является лишь применением конкретных норм материального права следователем для привлечения виновного к ответственности, то есть своего рода «примеркой» определенных статей на конкретные обстоятельства в условиях складывающихся следственных ситуаций. Очевидно, особенно для юристов-правоприменителей, что квалификация в процессе производства по делу — с момента возбуждения до передачи дела прокурору для направления в суд может меняться, причем неоднократно. Более того, нередко меняется она и в суде. При этом практика расследования и результаты ее анализа и обобщения показывают, что такая переквалификация может быть связана с выбором статей совершенно разных структурных частей (глав и разделов) УК РБ.

Это обстоятельство, однако, не меняет в ретроспективе использованную следователем методику расследования конкретного преступления, примененные тактики проведенных в процессе расследования следственных действий, поскольку таковые не могут и не должны основываться только на квалификации, которая, по сути, является формальной стороной расследования. Содержательное же наполнение расследования преступлений определенного вида либо группы, имеющих общие объединяющие начала с точки зрения механизма их совершения, состоящее в общих основах планирования с учетом складывающихся следственных ситуаций, выдвижении и проверке версий, применении конкретных тактических приемов при проведении следственных действий и т.д., определяет криминалистика (в частности, такой ее раздел, как криминалистическая методика). В связи с этим именно с позиций криминалистики, основной зада-

чей которой является содействие своими специфическими силами, средствами и методами наиболее быстрому и полному расследованию и предупреждению преступлений, необходимо вести речь о таком виде криминальных деяний и, соответственно, объекте криминалистического исследования, как преступления в сфере сексуальной эксплуатации.

Уголовно-правовая квалификация преступлений в сфере сексуальной эксплуатации в зависимости от способа их совершения может быть различной. Вместе с тем, если рассматривать данные уголовно наказуемые деяния через призму предмета криминалистики (как известно, возникшей и получившей свое становление как «наука о реалиях уголовного права» [14]), то видовая общность таковых связана с закономерностями механизма их совершения и возникновения следовой информации о них и их участниках, а также с определенными закономерностями работы с доказательствами по делам соответствующей категории.

На основе этимологического и системно-структурного анализа понятия сексуальной эксплуатации проведем криминалистическую классификацию данных преступлений, исходя из наиболее значимых с точки зрения понимания ее сущности оснований. Учитывая степень относимости к объекту эксплуатации, можно выделить преступления, непосредственно составляющие сексуальную эксплуатацию и связанные с ней.

К первой группе следует отнести преступления, предусмотренные статьями УК РБ:

1) 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией»;

2) 171.1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией».

Ко второй группе относятся преступления, предусмотренные статьями УК РБ:

1) 181 «Торговля людьми»;

2) 181.1 «Использование рабского труда»;

3) 182 «Похищение человека»;

4) 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей»;

5) 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера»;

6) 343.1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

В зависимости от содержания объекта эксплуатации следует дифференцировать рассматриваемые преступления на следующие группы: направленные на эксплуатацию проституции (ст.ст. 171, 171.1), направленные на эксплуатацию порнографии (ст.ст. 343, 343.1), направленные на альтернативно-вариативные формы сексуальной эксплуатации (ст.ст. 181, 181.1, 182, 187) УК РБ.

В зависимости от возрастных особенностей эксплуатируемого лица можно выделить две группы преступлений: направленные на сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних и направленные на сексуальную эксплуатацию взрослых. Первая группа представлена ст. 343.1 и квалифицированными составами всех остальных указанных ранее статей, за исключением ст. 343, вторая — всеми, за исключением ст. 343.1 УК РБ.

Исходя из территориальности, следует говорить о сексуальной эксплуатации внутри страны и транснациональной сексуальной эксплуатации. Последняя разновидность рассматриваемых преступлений (в русскоязычных документах — торговля людьми) предполагает перемещение подлежащего эксплуатации лица за пределы страны, и в международных документах и нормативных правовых актах англоязычных государств обозначается как *human trafficking* или *trafficking in persons**. Согласно законодательству Республики Беларусь ответственность за такие транснациональные деяния в зависимости от способа совершения может наступать в соответствии со ст.ст. 171, 181, 187 УК РБ.

Активная цифровизация общества в современных условиях предполагает целесообразность и такого критерия классификации, как использование информационно-телекоммуникационных технологий

* *Human trafficking* (англ.) или *trafficking in persons* (амер.) — торговля людьми.

в процессе совершения рассматриваемых преступлений. Таким образом, можно выделить преступления в сфере сексуальной эксплуатации, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и не связанные с их использованием. При этом, в отличие от приведенных выше критериев классификации, использование информационно-телекоммуникационных технологий не позволяет дифференцировать рассматриваемые преступления в их связи с уголовно-правовой квалификацией, поскольку, с одной стороны, данный признак в соответствующих нормах не указан, а с другой — на практике любое из приведенных выше преступлений рассматриваемого вида может совершаться как с использованием, так и без использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Подводя итог анализа понятия и содержания сексуальной эксплуатации, следует отметить, что рассмотренные выше ее формы, признаки и классификация составляющих ее преступлений имеют не столько уголовно-правовое, сколько криминалистическое значение. Понимание их сущности в большей степени необходимо для объективной оценки механизма преступления как системы взаимосвязанных элементов в целях определения эффективной методики расследования. Эти знания в последующем будут востребованы и для уголовно-правовой квалификации рассматриваемых деяний.

Заключение

1. Видовая общность преступлений в сфере сексуальной эксплуатации как объекта криминалистического исследования обусловлена характерными закономерностями механизма данных преступлений, возникновения информации о них и их участниках, а также закономерностями работы с доказательствами по делам соответствующей категории, определяющими специфическое содержание методики их расследования, включая особенности выдвижения и проверки версий, планирования расследования, тактики проведения отдельных следственных действий, использования специальных знаний и т.д.

2. Исследование понятия «сексуальная эксплуатация» с позиций криминалистики позволяет констатировать, что оно

является устоявшимся в юридической науке и правоприменительной деятельности. В условиях активного использования данного понятия в различных отраслях действующего законодательства и практической деятельности по борьбе с преступностью в качестве собирательного термина, объединяющего уголовно наказуемые деяния определенного вида, представляется алогичным и необоснованным отсутствие его определения в уголовном законе и неприменение данного термина в УК РБ. В связи с этим в целях гармонизации уголовного законодательства с другими отраслями права и обеспечения соответствия его правоприменительной практике видится целесообразным внесение изменений и дополнений в УК РБ в форме введения законодательного определения понятия сексуальной эксплуатации и использования данного термина в качестве квалифицирующего признака преступлений, касающихся сексуальной деятельности человека.

3. С позиции криминалистики под сексуальной эксплуатацией следует понимать использование сексуальных способностей человека в проституции и (или) порнографии с целью присвоения результатов его деятельности в форме извлечения прибыли третьим лицом посредством применения определенных средств воздействия, осуществляемого на регулярной основе. Таким образом, ее формами могут выступать проституция и порнография, а средствами, являющимися ее характерными признаками, — меры физического, психологического, экономического и организационно-юридического воздействия. Неотъемлемыми признаками сексуальной эксплуатации являются: деятельность используемого лица в сексуальной сфере, связанная с половым актом и другими сексуальными действиями; присвоение результатов сексуальной деятельности в форме извлечения прибыли третьим лицом; регулярный (периодический либо систематический) характер противоправной деятельности.

4. Криминалистическая классификация преступлений в сфере сексуальной эксплуатации предполагает их дифференциацию по следующим основаниям: по степени относимости к объекту эксплуа-

тации — непосредственно составляющие сексуальную эксплуатацию и связанные с ней; в зависимости от содержания объекта эксплуатации — направленные на эксплуатацию проституции, порнографии, альтернативно-вариативные формы сексуальной эксплуатации; в зависимости от возрастных особенностей эксплуатируемого лица — направленные на эксплуатацию несовершеннолетних и направленные на эксплуатацию взрослых; по территориальности — осуществляемые внутри государства и носящие транснациональный характер; в зависимости от использования информационно-телекоммуникационных технологий в процессе совершения — связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и не связанные с их использованием.

5. Сложившаяся в отечественной криминалистике практика ухода от ис-

следования преступлений определенных видов либо групп, не основанных на их уголовно-правовой классификации, представляется необоснованной. В современных условиях динамичного развития общества и рефлексивного совершенствования преступности в сфере сексуальной эксплуатации монографические исследования рассматриваемой проблемы в белорусской юридической науке в целом и в криминалистике в частности не проводились. Общественная опасность преступлений данного вида и объективная потребность правоприменительной практики в актуальных функционально-адресных рекомендациях по их расследованию диктуют необходимость комплексного системного исследования преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений в сфере сексуальной эксплуатации.

Список источников

1. Курилова Е.Н. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, занимающихся проституцией: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2017. 27 с.
2. Алихаджиева И.С. Проституция как социальное явление: уголовно-правовые и криминологические последствия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2021. 42 с.
3. Овсянникова А.А. Сексуальная эксплуатация как форма насилия над несовершеннолетним // Вестник Владимирского юридического института. 2017. N 3. С. 82-86.
4. Пантюхина И.В. О понятии «сексуальная эксплуатация» // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. N 2. С. 9-12.
5. Пачулия Г.Т. Уголовно-правовые средства противодействия сексуальной эксплуатации человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2020. 26 с.
6. Советский энциклопедический словарь: [ок. 80 000 слов] / гл. ред. А.М. Прохоров. Москва: Сов. энцикл., 1983. 1600 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов, фразеолог. выражений. 27-е изд., испр. Москва: АСТ: Мир и Образование, 2017. 736 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: иллюстрир. изд. Москва: Э, 2017. 896 с.
9. Шруб М.П., Истомова Л.Н. Противодействие торговле людьми: современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций / под общ. ред. М.П. Шруба. Брест, 2013. 176 с.
10. Шруб М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Минск: Друк-С, 2007. 130 с.
11. Шруб М.П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Минск: Тесей, 2009. 176 с.
12. Криминалистическая методика: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 2 / М.П. Шруб [и др.]; под общ. ред. М.П. Шруба; Акад. МВД Республики Беларусь. Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2018. 343 с.
13. Боровик П.Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Минск, 2013. 212 с.
14. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. Москва: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

References

1. Kurilova E.N. Sexual exploitation of minors engaged in prostitution: criminal legal and criminological aspects. Autoabstract Cand. Diss. St. Petersburg, 2017. 27 p. (In Russ.).

2. Alihadzhieva I.S. Prostitution as a social phenomenon: criminal law and criminological consequences. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2021. 42 p. (In Russ.).
3. Ovsyannikova A.A. Sexual exploitation as a form of violence against a minor. Bulletin of the Vladimir Legal Institute, 2017, no. 3, pp. 82-86. (In Russ.).
4. Pantyuhina I.V. On the concept of "sexual exploitation". Current issues in the fight against crime, 2017, no. 2, pp. 9-12. (In Russ.).
5. Pachuliya G.T. Criminal legal means of combating sexual exploitation of a person. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2020. 26 p. (In Russ.).
6. Soviet encyclopedic dictionary [approx. 80,000 words]. Chief editor A.M. Prokhorov. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1983. 1600 p. (In Russ.).
7. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms, phraseological expressions. Moscow, AST: Mir i Obrazovanie Publ., 2017. 736 p. (In Russ.).
8. Dal'V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, E Publ., 2017. 896 p. (In Russ.).
9. Shrub M.P., Istomova L.N. Combating human trafficking: the current state and possibilities of interaction between preliminary investigation bodies and non-governmental organizations. Brest, 2013. 176 p. (In Russ.).
10. Shrub M.P. Forensic characteristics of crimes in the field of human trafficking for the purpose of sexual exploitation. Minsk, Druk-S Publ., 2007. 130 p. (In Russ.).
11. Shrub M.P. Methodology for investigating human trafficking for the purpose of sexual exploitation. Minsk, Tesey Publ., 2009. 176 p. (In Russ.).
12. Shrub M.P. [i dr.]. Forensic methodology. In 2 parts. Part 2. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2018. 343 p. (In Russ.).
13. Borovik P.L. Forensic support for the initiation of criminal cases on the trafficking of pornography depicting a minor. Cand. Diss. Minsk, 2013. 212 p. (In Russ.).
14. Gross G. A guide for forensic investigators as a forensic system. Moscow, LexEst Publ., 2002. 1088 p. (In Russ.).

Раздел 5. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.4

Понятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Сергей Викторович Бельский,

Санкт-Петербургская юридическая академия, Санкт-Петербург, Россия, belskiy.93@bk.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-0789-8439>

Аннотация. Автором анализируются используемые в диспозиции статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации понятия «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», имеющие неясный, оценочный характер, не позволяющие однозначно определить субъекта преступления. Рассматривается необходимость законодательного или иного нормативного закрепления определений указанных понятий, изучаются материалы судебной практики, а также мнения исследователей, отражающие, с одной стороны, целесообразность законодательного закрепления таких понятий, а с другой — их оставление на судебское усмотрение. Формулируется необходимое для квалификации действий по статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации сущностное определение понятия преступной иерархии как системы отношений между лицами, придерживающимися принятых в преступном мире правил и традиций, основанной на принципе соподчиненности, действующей на определенной территории. Исходя из сложившейся судебной практики по уголовным делам анализируемой категории выделяются конструктивные признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова: преступная иерархия, высшее положение в преступной иерархии, организованная преступность, субъект преступления, квалификация преступлений

Для цитирования: Бельский С.В. Понятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 68-73.

Concept of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Sergey V. Belsky,

St. Petersburg Law Academy, St. Petersburg, Russia, belskiy.93@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0789-8439>

Abstract. The concepts of criminal hierarchy and the highest position in the criminal hierarchy, used in the disposition of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, being ambiguous, evaluative and not allowing to determine the subject of the crime unequivocally, are analyzed in the article. The necessity of legislative or other normative consolidation of the definitions of these concepts is considered. The materials of the judicial practice, as well as the researchers' opinions, reflecting both the expediency of legislative consolidation of these concepts and leaving them to the judicial discretion, are analyzed. The definition of the concept of criminal hierarchy, being necessary for qualifying the actions under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as a system of relations between the persons adhering to the rules and traditions accepted in the criminal world, basing on the principle of subordination operating in a certain territory, is formulated. The constructive features of a person, occupying the highest position in the criminal hierarchy, are distinguished basing on the current judicial practice in the criminal cases of the analyzed category.

Keywords: criminal hierarchy, highest position in the criminal hierarchy, organized crime, subject of crime, qualification of crimes

For citation: Belsky S.V. Concept of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 68-73.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) 1 апреля 2019 г. был дополнен статьей 210.1*, устанавливающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, что признается значительным прогрессом в противодействии организованной преступности в целом и ее лидерам в частности. Противодействие лидерам организованной преступности является одной из обсуждаемых тем в уголовно-правовой науке как реакция на изменения УК РФ. Данные изменения воспринимаются не всегда однозначно с точки зрения практической полезности в связи с несовершенной регламентацией.

В частности, диспозиция ст. 210.1 УК РФ содержит оценочные формулировки, а также отличается существенными недоработками, что стало предметом обсуждения во многих научных работах. Например, С.А. Бажутов и А.А. Кунашев отмечают, что ст. 210.1 УК РФ далека от совершенства. Трудности применения нормы связаны с ее неопределенностью. Используемые в ней термины «преступная иерархия» и «занятие высшего положения» имеют исключительно оценочный характер [1, с. 26]. В.В. Агильдин, С.Е. Ловцевич и А.А. Лохова считают, что данная норма не свободна от недостатков, некоторые ее конструктивные недоработки приведут к проблемам толкования и реализации положений ст.ст. 210 и 210.1 УК РФ на практике [2, с. 166]. Т.В. Якушева указывает, что неоднозначность истолкования текста закона приводит к произвольности его применения и принятию неодинаковых процессуальных решений, что, с одной стороны, ослабляет конституционные гарантии защиты прав, свобод и законных интересов граждан, с другой — позволяет виновным уйти от ответственности [3, с. 85].

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: федер. закон от 1 апр. 2019 г. N 46-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Отмеченные научные позиции не лишены логической обоснованности и нашли свое подтверждение в судебной практике. В частности, Тверским областным судом уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 321, ст. 210.1 УК РФ, возвращено прокурору, в том числе в связи с тем, что понятия «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии» не раскрыты в фактуре и формулировке обвинения. Позиция суда первой инстанции была поддержана Первым апелляционным судом общей юрисдикции**. Однако определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции указанные судебные акты отменены, поскольку судами не учтено, что в законодательстве Российской Федерации не содержится законодательной нормы, определяющей понятие высшего положения в преступной иерархии, а также отсутствует толкование порядка, процедуры либо специальных правил криминального сообщества по занятию лицом высшего положения в преступной иерархии, наделению его высшим криминальным статусом, в связи с чем в судебном решении выставлены требования, которые для органа следствия невыполнимы***.

Данные судебные решения фактически олицетворяют существование в юридической науке двух противоположных подходов относительно вопроса о необходимости и целесообразности законодательного или иного нормативного закрепления терминов «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии» либо оставлении данного вопроса на «судейское усмотрение».

** Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 сент. 2020 г. по делу N 55-1421/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 апр. 2021 г. по делу N 77- 866/2021 // Там же.

После введения в 2009 году в ст. 210 УК РФ специального субъекта – «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»* А.Н. Мондохонов указывал, что отсутствие легального определения и признаков введенных в уголовный закон специальных субъектов преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, и оценочная природа этих понятий существенно затрудняют правоприменительную практику [4, с. 53].

Некоторые авторы, в частности Н.С. Беркумбаев и А.Р. Егоров, предлагают оставить понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, без законодательного раскрытия его сущности, учитывая разнообразие правоприменительной деятельности, однако закрепить примерные признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ [5, с. 421]. Однако имеется и иная точка зрения. Например, Т.В. Стукалова и А.В. Федотова считают отсутствие единого понимания указанного словосочетания опасным, поскольку суды не являются гарантами верного применения норм права, в связи с чем ошибки в их деятельности не исключены. Кроме того, в целях обеспечения единства правоприменительной практики в сфере борьбы с организованной преступностью полагают необходимым выработать общий законодательный подход к рассматриваемому понятию и включить его нормативное определение в виде примечания к ст. 210.1 УК РФ (или в качестве раскрытия «Основного понятия, используемого в настоящем законе» в одной из норм требующего своего принятия Федерального закона «О противодействии организованной преступности») [6, с. 95; 7, с. 101].

По нашему мнению, нормативное закрепление определений рассматриваемых понятий, хотя и может привести к единству правоприменительной практики, поскольку четко сформулированное определение не оставит возможности

субъектам правоприменения для двойственного толкования указанной нормы, не является целесообразным. Квалификация преступления в широком смысле представляет собой процесс установления в деянии признаков состава преступления и зафиксированный в процессуальных документах результат этого процесса [8, с. 12].

Полагаем бесспорным, что нормативное закрепление анализируемых категорий будет иметь принципиальное значение для квалификации преступления, а также доказывания. Поскольку закрепление дефиниций в статье уголовного закона повлечет обязательность доказывания всех перечисленных в ней обязательных существенных признаков, то это не в полной мере положительно отразится на правоприменении.

В частности, Т.В. Стукалова предлагает следующее определение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: «...лицо, обладающее авторитетом в преступной среде, имеющее высокий преступный статус, признаваемый другими членами преступной среды; которое в любой форме осуществляет управление преступной группой и (или) преступным сообществом (преступной организацией) и (или) организует ее (его) деятельность, в том числе с использованием законов преступного мира и методов деятельности преступной среды» [6, с. 95].

При квалификации деяния по ст. 210.1 УК РФ с учетом указанной дефиниции, как представляется, доказыванию будет подлежать также наличие у лица высокого статуса. Однако и это предполагает своего рода субъективное усмотрение правоприменителя для определения статуса лица в преступной среде как высокого, что не поможет решить и ныне существующую проблему относительно субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Таким образом, возникают вопросы о том, кто будет подлежать ответственности по данной статье и какой преступный статус признается высшим в преступной иерархии. Например, в сложившейся судебной практике имеют место вступившие в законную силу приговоры, признающие не самый высокий статус в преступной

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 3 нояб. 2009 г. N 245-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 45. Ст. 5263.

иерархии подпадающим под действие ст. 210.1 УК РФ*.

Представляется обоснованной позиция Д.А. Григорьева и В.И. Морозова о недопустимости ограничения занятия высшего положения в преступной иерархии только криминальными титулами воровского сообщества [9, с. 54], что указывает на многогранность таких явлений, как преступная иерархия и высшее положение в ней.

Кроме того, доказыванию в соответствии с приведенным определением будет подлежать также наличие преступной группы и (или) преступного сообщества (организации), которыми управляет лицо, обладающее высоким статусом. Как известно, в уголовном праве аналогия закона и аналогия права не допускаются, следовательно, используемые в предложенной дефиниции термины «преступная группа», «преступное сообщество (организация)» наполняются смыслом, которым они наделены в ст.ст. 209 и 210 УК РФ соответственно. Таким образом, доказывание указанных обстоятельств должно повлечь уголовное преследование в отношении членов таких преступных групп и (или) преступных сообществ (организаций) по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 209 и 210 УК РФ.

Однако анализ судебно-следственной практики показал, что при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, уголовные дела о преступлениях, ответственность за совершение которых установлена ст.ст. 209 и 210 УК РФ, не возбуждаются, что может свидетельствовать об отсутствии как таковых преступных групп и преступных сообществ (организаций) в понимании ст.ст. 209 и 210 УК РФ, управление

которыми осуществляет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Более того, практический смысл термина «преступная иерархия» в контексте ст. 210.1 УК РФ не отождествляется с термином «преступное сообщество», поскольку в настоящее время судебная практика однозначно показывает, что доказывать наличие преступного сообщества (организации), в котором лицо занимает высшее положение, не требуется, достаточно лишь доказать наличие у лица высокого статуса, а также присущих такому статусу полномочий и их реализацию в отношении подчиненных субъектов преступной среды.

Например, Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции при рассмотрении уголовного дела в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, в апелляционном порядке поддержал изложенные в обвинительном приговоре выводы суда первой инстанции о том, что в преступной среде есть иерархия. Наличие же в отношениях осужденного Н. с иными членами преступной среды иерархии, то есть вертикального подчинения, доказано**.

Аналогичным образом Московский городской суд постановил в отношении Д., обвиняемого, в частности, в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, обвинительный приговор, установив в ходе рассмотрения дела, что Д. с 12 апреля 2019 г. занимал высшее положение в преступной иерархии. При этом вопрос о существовании преступного сообщества (организации) рассмотрен не был. Указанный приговор в последующем оставлен без изменения Первым апелляционным судом общей юрисдикции и Верховным Судом Российской Федерации***.

* См.: Приговор Воронежского областного суда от 30 нояб. 2021 г. по делу N 2-16/2021 в отношении Б. // Воронежский областной суд: сайт. URL: <https://oblsud-vrn.sudrf.ru>; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 30 мая 2022 г. по делу N 55-570/2022 в отношении Б. // Первый апелляционный суд общей юрисдикции: сайт. URL: <https://1ap.sudrf.ru>; Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 февр. 2023 г. по делу N 14-УД23-3-А1 в отношении Б. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru>

** Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 авг. 2021 г. по делу N 55-630/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Приговор Московского городского суда от 18 нояб. 2021 г. по делу N 2-19/21 в отношении Д. // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 10 окт. 2022 г. по делу N 55-1260/2021 в отношении Д. // Первый апелляционный суд общей юрисдикции: сайт. URL: <https://1ap.sudrf.ru>

Как верно указывают А.С. Морозов и Е.В. Бабкина, подобно нормам права, нормы криминальной субкультуры закрепляются в соответствующих формах, являющихся одновременно и их источниками. Несмотря на кажущуюся статичность, «оседлость» и изолированность образа жизни осужденных и лиц, заключенных под стражу, они находятся в постоянной коммуникации друг с другом, и обмен информацией между ними осуществляется со скоростью, сопоставимой со скоростью распространения почтовой корреспонденции. Таким образом, «промульгация» писанных источников криминально-субкультурных норм поведения обеспечивает ознакомление с ними всех субъектов криминально-субкультурных отношений в кратчайшие сроки [10, с. 15].

Исходя из этого полагаем, что закрепление в уголовном законе определения понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, позволит членам преступной среды приспособиться к такой формулировке и обходить ее обязательные признаки. Закрепление в законе определений понятий «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии» приведет к ограничению возможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности в связи с несовершенством законодательной техники, к адаптации преступного мира к законодательным новеллам и их нивелированию.

Оставление же данных понятий без законодательного определения позволяет наделять их смысловым содержанием, полученным при рассмотрении уголовных дел анализируемой категории, сформированным с учетом специфики отечественной преступной среды, сложившейся на конкретном этапе развития общества. Такой подход обеспечит своевременную адаптацию правоохранительных органов к изменениям преступной среды и оперативное реагирование на них, не давая возможности лидерам преступного мира избежать уголовной ответственности по формальным основаниям в связи с недостатками юридической техники либо необходимостью запуска длительного процесса по изменению законодательства.

При таких обстоятельствах правомерен вывод о необходимости закрепления лишь сущностного определения преступной иерархии, а также конструктивных признаков

высшего положения в ней в актах официального толкования норм права (например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изданном по результатам обобщения имеющейся судебной практики при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, ответственность за совершение которых установлена ст. 210.1 УК РФ).

В связи с этим для квалификации действий лица по ст. 210.1 УК РФ на данном этапе представляется возможным определить сущностное содержание преступной иерархии как систему отношений между лицами, придерживающимися принятых в преступном мире правил и традиций, основанную на принципе соподчиненности, действующую на определенной территории.

Исходя из этого предлагаем выделить следующие конструктивные признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, установление которых позволит квалифицировать действия лица по ст. 210.1 УК РФ:

- наличие соответствующего статуса;
- признание статуса другими членами преступной среды и подчинение ему;
- реализация присущих такому статусу полномочий (например: участие в собрании лиц, входящих в криминальную иерархию, с целью разрешения конфликтов; организация сбора и распределения продуктов питания, сигарет, предметов первой необходимости по исправительным учреждениям; назначение подчиненных; контроль противоправной деятельности лиц из криминальной среды; обеспечение через подчиненных учета доходов, полученных от совершенных лицами из криминальной среды преступлений; определение порядка использования этих доходов и их распределение);
- территория действия присущих такому статусу полномочий (например: субъект Российской Федерации, район, город, место лишения свободы (исправительное учреждение) и т.д.).

Сформулированное предложение разработано с учетом смыслового содержания анализируемых оценочных категорий, наполненных практической деятельностью судов. Например, судебной коллегией по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции при рассмотрении в апелляционном порядке уголовного дела в отношении Б., в том числе по ст. 210.1 УК РФ, сделан следующий вывод:

«Установив факт наделения Б. статусом лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии ИК-9 УФСИН России, факт принятия им и иными лицами уголовно-криминальной направленности этого статуса, а также факт сохранения им такого статуса после введения за указанное деяние уголовной ответственности, суд первой инстанции правильно квалифицировал последовавшие после указанной даты действия осужденного по ст. 210.1 УК РФ»*.

* Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 30 мая 2022 г. по делу N 55-570/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приведенный вывод фактически отражает установление всех признаков понятий «преступная иерархия» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Учитывая вышеизложенное, такое решение позволит правоприменителям выработать единый подход к пониманию рассматриваемых терминов, конкретизировать характеристики субъекта преступления, ограничить расширительное толкование, а также не допускать злоупотреблений.

Список источников

1. Бажутов С.А., Кунашев А.А. Особенности уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК) // Законность. 2022. N 11. С. 25-33.
2. Агильдин В.В., Ловцевич С.Е., Лохова А.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. N 24. С. 165-169.
3. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. N 3. С. 85-90.
4. Мондохонов А.Н. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. N 5. С. 53-57.
5. Беркумбаев Н.С., Егоров А.Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. N 5. С. 413-422.
6. Стукалова Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. N 1. С. 93-97.
7. Федотова А.В. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: признаки лидерства и пребывания в статусе // Научный портал МВД России. 2022. N 2. С. 97-102.
8. Квалификация преступлений: учеб. пособие для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под ред. О.С. Капинус. 2-е изд. Москва: Юрайт, 2019. 204 с.
9. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 4. С. 50-58.
10. Морозов А.С., Бабкина Е.В. Формы (источники) криминально-субкультурных норм поведения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. N 3. С. 14-17.

References

1. Bazhutov S.A., Kunashev A.A. Features of criminal liability of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code). Legality, 2022, no. 11, pp. 25-33. (In Russ.).
2. Agil'din V.V., Lovtsevich S.E., Lohova A.A. The highest position in the criminal hierarchy: problems of interpretation and implementation. Young Scientist, 2019, no. 24, pp. 165-169. (In Russ.).
3. Yakusheva T.V. Criminal responsibility of criminal authorities: novelties of legislation. Criminal law, 2019, no. 3, pp. 85-90. (In Russ.).
4. Mondokhonov A.N. A special subject of the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her). Criminal law, 2010, no. 5, pp. 53-57. (In Russ.).
5. Berkumbaev N.S., Egorov A.R. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: the problem of qualification and law enforcement. Issues of Russian justice, 2020, no. 5, pp. 413-422. (In Russ.).
6. Stukalova T.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: problems of qualification and proof. International Research Journal, 2021, no. 1, pp. 93-97. (In Russ.).
7. Fedotova A.V. A person occupying the highest position in the criminal hierarchy: signs of leadership and being in status. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 2, pp. 97-102. (In Russ.).
8. Kapinus O.S. [i dr.]. Qualification of crimes: textbook for universities. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 204 p. (In Russ.).
9. Grigoryev D.A., Morozov V.I. How to identify the person holding the highest position in the criminal hierarchy? Legal Science and Law Enforcement Practice, 2014, no. 4, pp. 50-58. (In Russ.).
10. Morozov A.S., Babkina E.V. Forms (sources) of criminal and subcultural norms of behavior. Penal enforcement system: law, economics, management, 2022, no. 3, pp. 14-17. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Понятие «электронные носители информации» применительно к расследованию преступлений

Муса Михаилевич Льянов,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, musa-lyanov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, обобщения литературы рассматривается понятие «электронные носители информации», а также критерии, которым должны соответствовать электронные носители для целей расследования преступления. С учетом проведенного анализа определены проблемные аспекты в исследовании понятия «электронные носители информации» и сформулировано его авторское определение. Кроме того, установлены основания разграничения электронных носителей информации с другими электронными устройствами, а также предложен новый термин «аппаратно-программные технические средства». Выявлены особенности аппаратно-программных технических средств и их отличительные черты по сравнению с электронными носителями информации, которые позволили сформулировать определение понятия «аппаратно-программные технические средства».

Ключевые слова: электронный носитель информации, вещественное доказательство, аппаратно-программное техническое средство, электронно-цифровой след, электронное устройство

Для цитирования: Льянов М.М. Понятие «электронные носители информации» применительно к расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 74-81.

Concept of "electronic data carriers" in relation to crime investigation

Musa M. Lyanov,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, musa-lyanov@mail.ru

Abstract. Basing on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, other regulatory legal acts and the generalization of literary sources, the concept of "electronic data carriers," as well as the criteria to be met by electronic data carriers for the purpose of crime investigating, are considered. Basing on the conducted analysis, some problematic aspects in studying the concept of "electronic data carriers" are identified, the author's definition of this concept is formulated. In addition, the grounds for distinguishing electronic data carriers from other electronic devices are proposed, as well as a new term "hardware and software technical means" is introduced. The peculiarities of the hardware and software technical means and their distinctive features in comparison with the electronic data carriers are revealed, which allowed to formulate the definition of the concept of "hardware and software technical means".

Keywords: electronic data carrier, material evidence, hardware and software technical means, electronic digital trace, electronic device

For citation: Lyanov M.M. Concept of "electronic data carriers" in relation to crime investigation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 74-81.

Одним из вопросов, решение которых имеет криминалистическое и уголовно-процессуальное значение, является определение понятия «электронные носи-

тели информации», его отграничение от электронных устройств.

Данное понятие не является для действующего уголовно-процессуального

законодательства новым. Его появление связано с дополнением в 2018 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) статьей 164.1, регламентирующей особенности изъятия электронных носителей информации и копирования информации при производстве следственных действий*. Однако отсутствие сформированной правоприменительной практики и теории в сфере обнаружения, фиксации, изъятия и исследования электронно-цифровых следов обусловлено тем, что УПК РФ не содержит необходимого определения термина «электронные носители информации». Как отмечает А.Н. Иванов, с введением в действующее уголовно-процессуальное законодательство норм, регламентирующих порядок изъятия электронных носителей информации, не было определено, чем являются данные носители для целей уголовного судопроизводства. Данная ситуация, в свою очередь, породила противоречия в деятельности правоохранительных органов и научных исследованиях [1, с. 11].

Тем не менее определение данного термина содержится в п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013**, согласно которому «электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники». Предложенное в ГОСТ 2.051-2013 определение позволяет выделить ряд особенностей электронных носителей информации:

- 1) электронный носитель является объектом материального мира, на котором могут образовываться электронно-цифровые следы;
- 2) электронный носитель обладает функциями записи, хранения и воспроизведения информации;

* О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 дек. 2018 г. N 533-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 53 (ч. I). Ст. 8459.

** ГОСТ 2.051-2013. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения: межгосударственный стандарт. М.: Стандартинформ, 2014. 12 с.

3) информация на электронном носителе обрабатывается средствами вычислительной техники, то есть указывается аппаратная составляющая электронных устройств, к которым подключен электронный носитель.

Если обратиться к исследованиям об особенностях электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве, то можно привести в качестве примера мнение В.Н. Григорьева и О.А. Максимова, которыми были выделены особенности электронных носителей информации:

- 1) электронные носители информации должны быть материальны;
- 2) электронные носители информации могут содержать в себе электронную информацию, имеющую значение для уголовного дела;
- 3) информация на электронных носителях представляет собой зашифрованный код;
- 4) изменения в информации, содержащейся на электронных носителях, могут быть внесены без отображений в виде материальных следов [2, с. 40].

Представляется, что авторами предложено большее количество особенностей электронных носителей, по сравнению с ГОСТ 2.051-2013, которые адаптированы к уголовно-процессуальному законодательству. Также, по мнению В.Н. Григорьева и О.А. Максимова, имеется отличие электронной информации в электронном носителе от материальных следов преступления.

А.Ю. Федюкина среди электронных носителей информации выделяет сим-карты, флеш-карты, оптические диски, жесткие диски, встроенные в компьютер, и магнитные ленты. Помимо прочего, к электронным носителям информации исследователь относит мобильные устройства, компьютеры, ноутбуки, банковские платежные карты и т.п. [3, с. 45]. На наш взгляд, автор уравнивает электронные устройства, предназначенные для хранения информации, и электронные устройства, предназначенные для ее изменения и передачи, что значительно расширяет определение понятия «электронные носители информации».

Е.В. Быкадорова рассматривает электронные носители информации с точки

зрения приобретения ими статуса вещественного доказательства. В связи с этим выделяются следующие особенности электронных носителей информации:

1) электронные носители информации являются внешними носителями;

2) данные на электронных носителях информации могут служить средством для обнаружения преступления, а также иных обстоятельств, относящихся к рассматриваемому уголовному делу;

3) придание электронным носителям информации статуса вещественных доказательств представляет собой материальный способ фиксации доказательств [4, с. 233].

Представляется, что предложенные особенности, хотя и раскрывают сущность переносных электронных носителей информации, но все же не предусматривают возможность фиксации информации на встроенных в электронные устройства электронных носителях, что не позволяет в полной мере раскрыть сущность понятия «электронные носители информации».

О.В. Добровлянина предлагает определение, которое во многом повторяет дефиницию, содержащуюся в ГОСТ 2.051-2013 [5, с. 645]. При этом автор дополнительно включает в свое определение указание на взаимосвязь электронного носителя информации и технических (электронных) устройств, которые осуществляют функцию по обработке информации, содержащейся на носителе.

Частично вопрос определения сущности электронных носителей информации затронут Д.В. Бахтеевым и Е.В. Смахтиным, которые рассматривают их в качестве вещественных доказательств и выделяют такие формы носителей информации, как «оптические носители (компакт-диски, цифровые видеодиски и др.), полупроводниковые носители (флеш-накопители, твердотельные накопители) и магнитные носители» [6, с. 67]. Д.В. Бахтеевым и Е.В. Смахтиным выделены все разновидности электронных носителей информации, существующие в настоящее время, однако отдельно следует обозначить такой полупроводниковый носитель информации, как оперативное запоминающее устройство, которое имеет свои особенности хранения информации.

Ю.В. Гаврилин предлагает определение, согласно которому «электронный носитель информации – это устройство, конструктивно предназначенное для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Исходя из этого можно сделать вывод, что ученый дает более общее определение рассматриваемого понятия. Кроме того, Ю.В. Гаврилин указывает, что информация, хранящаяся на подобных устройствах, должна быть доступна к использованию в электронных вычислительных машинах, сетях и системах, что, на наш взгляд, обоснованно подчеркивает взаимосвязь электронных носителей и других устройств [7, с. 48].

Е.В. Горкина, В.В. Тихонов и Н.В. Золотухина также предлагают широкое толкование термина «электронные носители информации» для целей уголовного судопроизводства. При этом, определяя сущность данного понятия, они исходят из свойств сведений, которые содержатся на таком носителе, а не из технических критериев. Авторы указывают, что с технической точки зрения к электронным носителям информации можно отнести большой перечень устройств, которые встроены в другие устройства или являются переносными. Попытка определения таких устройств в зависимости от технических характеристик может создать сложности в деятельности правоохранительных органов, в том числе при обосновании целесообразности применения действующих норм УПК РФ и проведения процессуальных действий [8, с. 82].

Проведенный анализ имеющихся подходов к определению термина «электронные носители информации» позволяет сделать вывод об отсутствии общепринятой дефиниции, которая была бы применима для целей уголовно-процессуального законодательства. Дискуссионным также остается вопрос о том, что необходимо включать в число электронных носителей информации и каким признакам они должны соответствовать. Данное противоречие позволило некоторым ученым-криминалистам относить к электронным

носителям ноутбуки, мобильные телефоны и иные электронные устройства.

Позиция исследователей, отграничивающих электронные носители информации от иных электронных устройств, представляется обоснованной. Технические особенности электронных носителей информации, а также научные исследования указывают на их специальное предназначение в структуре электронных устройств – запись, хранение и воспроизведение информации. Данные функции, на наш взгляд, являются специфическими для электронных носителей и обеспечивают работу других электронных устройств, имеющих свои особые функции.

Полагаем, что отнесение электронных устройств к электронным носителям информации обусловлено тем, что носители информации, как правило, входят в структуру электронных устройств. Это, в свою очередь, порождает проблемы в правоприменительной практике, связанные с определением процессуального значения таких устройств, а также порядка их фиксации, изъятия и исследования.

Исходя из вышеизложенного считаем, что электронные носители информации должны соответствовать следующим критериям:

1) материальность электронных носителей информации. Данный критерий обозначен в ГОСТ 2.051-2013 и является основным. Несмотря на множество разновидностей электронных носителей информации, а также развитие сети «Интернет», сущность таких носителей материальна, то есть они должны быть вещественными, физически существующими объектами материального мира;

2) выполнение электронными носителями функции записи, хранения и воспроизведения информации. Данный критерий дает исчерпывающий перечень функциональных возможностей, которыми должны обладать электронные носители. Запись, хранение и воспроизведение информации осуществляется путем реализации заложенных в электронные носители информации физических явлений. В свою очередь, другие операции с электронной информацией, такие как обработка и передача, осуществляются электронными устройствами (компьютером, ноутбуком,

планшетом и т.п.), к которым подключены указанные носители;

3) обработка средствами вычислительной техники информации на электронных носителях, то есть техническими устройствами (аппаратным обеспечением) с помощью заложенных в них программ (программного обеспечения). Таким образом, электронный носитель информации может быть как частью аппаратно-программных технических средств, так и их внешним носителем информации, предназначенным для воспроизведения данных на различных электронных устройствах.

Исследование критериев электронных носителей информации позволяет выделить несколько разновидностей последних:

– магнитные носители информации, к которым относятся устройства с жесткими дисками. В.Е. Козлов указывает на постоянность фиксации информации в результате ее записи на магнитный носитель информации. Сравнивая его с полупроводниковым носителем информации, исследователь называет магнитный носитель информации постоянным запоминающим устройством, одновременно указывая на существование временных запоминающих устройств, построенных на принципах работы полупроводниковых носителей [9, с. 66]. Данный носитель информации достаточно устойчив к воздействию окружающей среды и способен продолжительное время сохранять записанную информацию, в том числе без доступа к постоянному источнику электрической энергии. Тем не менее И.Р. Бегишев и И.И. Бикеев указывают на пагубное влияние электромагнитного воздействия на сохранность информации на магнитных носителях, что сужает сферу их применения в уголовном процессе, а также накладывает определенные ограничения на процесс обнаружения, фиксации, изъятия и исследования данного носителя информации [10, с. 52];

– оптические носители информации, к которым можно отнести компакт-диски, цифровые видеодиски и т.п. В качестве отдельной категории электронных носителей информации данный носитель выделяют А.Л. Осипенко и А.И. Гайдин [11, с. 159]. Оптические носители информации имеют большое значение для расследования преступления, так как обладают свойствами,

позволяющими использовать их для фиксации следов преступления без возможности последующего редактирования и замены информации;

— полупроводниковые носители информации, которыми являются первичные устройства памяти, устройства флеш-памяти, твердотельные накопители. Важность данного носителя информации для расследования преступлений заключается в том, что в настоящее время он используется в большинстве мобильных устройств, а также в персональных компьютерах. Как правильно указывает Е.Р. Россинская, данная разновидность электронного носителя информации является перезаписываемой [12, с. 113]. В связи с этим считаем, что полупроводниковые носители могут содержать большое количество информации, имеющей криминалистическое значение, однако для целей фиксации и изъятия копий электронно-цифровых следов они не подходят;

— оперативные запоминающие устройства, или оперативная память — это быстрая, энергозависимая память, в которой во время работы электронного устройства хранится выполняемый машинный код, в том числе сведения о программном обеспечении, которое могло применяться при совершении расследуемого преступления.

Более подробно следует раскрыть понятие «средства вычислительной техники». Для решения вопроса о том, что является средствами вычислительной техники, необходимо обратиться к разделу первому ГОСТ Р 50739-95*, в котором раскрывается содержание этого понятия как совокупности программных и технических элементов систем обработки данных, способных функционировать самостоятельно или в составе других систем. Из данного определения следует, что для средств вычислительной техники характерно наличие аппаратной и программной составляющих, а также взаимодействие данных двух элементов.

Л.Б. Краснова использует термин «компьютерные объекты», которые харак-

теризует как «определенную категорию объектов, являющихся компонентами автоматизированных информационных систем и информационных технологий, взаимодействующих для решения задач обработки информации, имеющей значение для выявления, расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовным делам» [13, с. 20]. На наш взгляд, представленное определение выделяет важные признаки рассматриваемых объектов, такие как направленность функций компьютерных объектов на решение задач обработки информации, а также на выявление, расследование и судебное рассмотрение дела.

Тем не менее полагаем, что отсутствие отдельного указания на программное обеспечение компьютерных объектов не позволяет в полной мере передать их сущность. Также считаем важным указание на возможность не только применения таких объектов стороной обвинения в уголовном процессе, но и их использования при совершении преступлений.

Отчасти данный вопрос освещает А.М. Хлус, рассматривая компьютерную технику с позиции ее применения в ходе совершения преступления. Автором используются такие понятия, как «компьютерная техника» и «программное обеспечение», в которые включены «компьютеры, ноутбуки, вредоносные программы и др.» [14, с. 30]. По нашему мнению, данная позиция также раскрывает сущность исследуемых объектов лишь частично. Следует отметить, что автором затрагиваются две важные составляющие компьютерной техники, а именно программная и аппаратная, однако отсутствует указание на их взаимосвязь.

Н.Н. Кулешова и Е.И. Христофорова понятие «средства вычислительной техники» используют в контексте вмешательства в функционирование технических средств. При этом средства вычислительной техники указаны наряду с серверами, а также электронными сетями [15, с. 44]. Таким образом, можно сделать вывод об отграничении авторами серверов и сетей от средств вычислительной техники, что, на наш взгляд, неверно, поскольку сервер также является своего рода компьютером, который выполняет определенные вычисления на основе заложенного в него про-

* ГОСТ Р 50739-95. Средства вычислительной техники. Защита от несанкционированного доступа к информации. Общие технические требования: гос. стандарт Российской Федерации. М.: Изд-во стандартов, 1995. 13 с.

граммного обеспечения. Следует отметить, что Н.Н. Кулешовой и Е.И. Христофоровой верно указано на необходимость снабжения средств вычислительной техники соответствующим программным обеспечением, то есть на аппаратную и программную составляющие таких средств.

К.С. Галиев и Е.К. Печурина под вычислительной машиной понимают техническое устройство, управляемое встроенным алгоритмом (программой). При этом в перечень вычислительных машин авторами включаются программируемые калькуляторы, компьютеры (или электронные вычислительные машины), мобильные телефоны, контроллеры, встроенные в различные сложные технические устройства, и т.п. [16, с. 23]. Таким образом, средства вычислительной техники приравниваются к значению «компьютер» (от англ. *computer* – вычислитель). Данная позиция поддерживается в исследовании Н.В. Летелкина, в котором отмечается, что средства вычислительной техники (компьютеры) могут быть и портативными [17, с. 219]. Таким образом, под средствами вычислительной техники можно понимать достаточно обширный перечень средств, классификация которых в науке имеет множество подходов.

Для воспроизведения информации, хранящейся на электронных носителях, необходимо использование специальных аппаратно-программных технических средств. Технические средства должны состоять из двух основных элементов:

1) аппаратное обеспечение, которое представляет собой материальную составляющую технического средства и позволяет воспроизвести информацию с электронных носителей при их подключении;

2) программное обеспечение, которое представляет собой совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования аппаратного обеспечения и получения определенного результата, заложенного в функциональные возможности программы. Кроме того, программное обеспечение является средством, предназначенным для создания и воспроизведения данных с электронных носителей.

Несколько иначе рассматривает аппаратную и программную составляющую технических средств Ж.В. Сухова. Значительными признаками аппаратных средств,

по мнению автора, необходимо считать наличие у них функций по вводу, обработке, трансляции и фиксации информации. В свою очередь, функцией программных средств является обеспечение корректной работы с информацией посредством алгоритмов и правил [18, с. 74]. Можно сделать вывод о том, что предложенная специфика аппаратных и программных средств позволяет в большей степени раскрыть их функциональные возможности, которые должны быть основаны на работе с электронными носителями информации.

Ранее вопрос аппаратных и программных средств в уголовном процессе исследовала Н.А. Зигура, которая рассматривает аппаратные и программные средства с точки зрения возможности их использования для целей создания, фиксации, обработки и передачи информации, представленной в цифровом виде на материальных носителях [19, с. 124]. На наш взгляд, предложенные направления использования аппаратных и программных средств также могут быть применены для анализа их сущности.

Таким образом, считаем необходимым выделение в рамках уголовного процесса и криминалистики, помимо понятия «электронные носители информации», термина «аппаратно-программные технические средства», под которыми следует понимать «совокупность электронных устройств, предназначенных для выполнения вычислительных команд и получения определенного программным обеспечением результата, направленного на подготовку, совершение и сокрытие преступления либо его раскрытие и расследование».

Подводя итог рассмотрению в настоящей статье вопросов, следует предложить использование для целей расследования преступлений терминов «электронный носитель информации» и «аппаратно-программное техническое средство». По нашему мнению, необходимо законодательное закрепление определения понятия «электронные носители информации» в следующей редакции: «электронный носитель информации – это материальный носитель, входящий в структуру аппаратно-программного технического средства либо подключаемый к нему, который позволяет записывать, хранить и воспроизводить ин-

формацию в виде двоичного кода (логических нулей и единиц) посредством заложенных в него физических явлений».

Кроме того, электронные носители информации следует отграничить от аппаратно-программных технических средств, которые являются совокупностью электронных устройств, предназначенных для выполнения вычислительных команд и получения определенного программным обеспечением результата, направленно-

го на подготовку, совершение и сокрытие преступления либо его раскрытие и расследование.

Использование данных терминов будет способствовать единому толкованию норм действующего УПК РФ, затрагивающих процесс работы с электронными носителями информации при расследовании преступлений.

Список источников

1. Иванов А.Н. Порядок изъятия, хранения и возврата законному владельцу электронных носителей информации // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. N 1. С. 9-13.
2. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. N 2. С. 33-44.
3. Федюкина А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2016. N 12. С. 44-46.
4. Быкадорова Е.В. Электронные носители информации в системе вещественных доказательств // Федерализм. 2018. N 4. С. 229-236.
5. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. N 2. С. 641-649.
6. Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. N 6. С. 61-68.
7. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. N 4. С. 45-50.
8. Горкина Е.В., Тихонов В.В., Золотухина Н.В. Особенности правовой регламентации процессуального режима обращения с электронными носителями информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. N 3. С. 82-88.
9. Козлов В.Е. Криминалистическое исследование механизма образования следов компьютерных преступлений // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. N 1. С. 63-66.
10. Бегишев И.Р., Бикеев И.И. Преступления в сфере обращения цифровой информации Казань: Познание, 2020. 300 с.
11. Осипенко А.Л., Гайдин А.И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. N 1. С. 156-163.
12. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. N 3-2. С. 109-117.
13. Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2005. 24 с.
14. Хлус А.М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. N 1. С. 24-33.
15. Кулешова Н.Н., Христофорова Е.И. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы науки и образования. 2018. N 14. С. 41-46.
16. Галиев К.С., Печурина Е.К. Информатика: основные определения, двоичная система, представление информации: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2018. 135 с.
17. Летелкин Н.В. Об определении признаков и понятия «информационно-телекоммуникационная сеть» // Вопросы российского и международного права. 2018. T. 8. N 3A. С. 216-221.
18. Сухова Ж.В. Понятие информационных технологий: сущность и классификация // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. 2016. N 6. С. 72-75.
19. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2010. 234 с.

References

1. Ivanov A.N. The procedure for seizure, storage and return to the rightful owner of electronic media. Problems of criminal procedure, criminalistics and forensic examination, 2018, no. 1, pp. 9-13. (In Russ.).

2. Grigor'ev V.N., Maksimov O.A. The concept of electronic media in criminal proceedings. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2, pp. 33-44. (In Russ.).
3. Fedyukina A.Yu. Electronic information carrier as evidence in criminal cases. Domestic jurisprudence, 2016, no. 12, pp. 44-46. (In Russ.).
4. Bykadorova E.V. Electronic media in the system of material evidence. Federalism, 2018, no. 4, pp. 229-236. (In Russ.).
5. Dobrovlyanina O.V. Some aspects of the procedural seizure (copying) of electronic media. Perm Legal Almanac, 2019, no. 2, pp. 641-649. (In Russ.).
6. Bakhteev D.V., Smakhtin E.V. Criminalistic features of the production of procedural actions with digital traces. Russian Law Journal, 2019, no. 6, pp. 61-68. (In Russ.).
7. Gavrilin Yu.V. Electronic media in criminal proceedings. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4, pp. 45-50. (In Russ.).
8. Gorkina E.V., Tikhonov V.V., Zolotukhina N.V. Features of legal regulation of the procedural regime of handling electronic media in criminal proceedings. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 3, pp. 82-88. (In Russ.).
9. Kozlov V.E. Criminalistic investigation of the mechanism of formation of traces of computer crimes. Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2017, no. 1, pp. 63-66. (In Russ.).
10. Begishev I.R., Bikeev I.I. Crimes in the sphere of digital information circulation. Kazan, Poznanie Publ., 2020. 300 p. (In Russ.).
11. Osipenko A.L., Gaydin A.I. Legal regulation and tactical features of the seizure of electronic media. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, no. 1, pp. 156-163. (In Russ.).
12. Rossinskaya E.R. On the question of the private theory of information and computer support of criminalistic activity. Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences, 2016, no. 3-2, pp. 109-117. (In Russ.).
13. Krasnova L.B. Computer objects in the criminal process and criminalistics. Autoabstract Cand. Diss. Voronezh, 2005. 24 p. (In Russ.).
14. Khlus A.M. Means of committing crimes as an element of their criminalistic structure. Russian law: education, practice, science, 2018, no. 1, pp. 24-33. (In Russ.).
15. Kuleshova N.N., Khristoforova E.I. Features of fraud qualification in the field of computer information. Issues of science and education, 2018, no. 14, pp. 41-46. (In Russ.).
16. Galiev K.S., Pechurina E.K. Computer science: basic definitions, binary system, information representation. Krasnodar, 2018. 135 p. (In Russ.).
17. Letelkin N.V. On the definition of signs and the concept of "information and telecommunication network". Issues of Russian and international law, 2018, vol. 8, no. 3A, pp. 216-221. (In Russ.).
18. Sukhova Zh.V. The concept of information technology: the essence and classification. Innovative scientific research: theory, methodology, practice, 2016, no. 6, pp. 72-75. (In Russ.).
19. Zigura N.A. Computer information as a type of evidence in criminal proceedings. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2010. 234 p. (In Russ.).

Раздел 6. Юбилей в науке

Научная специальность: 5.1.4

Развитие научных идей о внесении следователем представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского)

Ольга Александровна Мельникова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olstarczewa@yandex.ru

Аннотация. Автором статьи подчеркивается значимость вклада, внесенного в развитие института предупреждения преступлений доктором юридических наук, профессором Генрихом Михайловичем Миньковским, 100-летие со дня рождения которого отмечается в 2023 году. Акцентируется внимание на том, что сформулированные ученым еще в 60-е годы XX века рекомендации относительно содержания представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, не утратили своей актуальности и в настоящее время, поскольку одной из проблем правоприменительной практики является наличие в представлениях шаблонных выражений, информации, не имеющей отношения к причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления, и наоборот, отсутствие в них анализа значимых обстоятельств. На основе проведенного теоретического анализа исследований автором сделан вывод о том, что научные идеи профессора Г.М. Миньковского, связанные с внесением следователем представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, получили развитие в трудах современных ученых.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, внесение представления, профилактическая деятельность следователя, Г.М. Миньковский

Для цитирования: Мельникова О.А. Развитие научных идей о внесении следователем представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 82-87.

Developing the scientific ideas about the introduction of the investigator's representation on eliminating the causes and conditions contributed to the commission of the crime (to the 100th anniversary of the birth of G.M. Minkovsky)

Olga A. Melnikova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olstarczewa@yandex.ru

Abstract. The significance of the contribution of Doctor of Law, Professor Genrikh Mikhailovich Minkovsky (whose 100th birthday is celebrated by the scientific community in 2023) to developing the institute of crime prevention is emphasized by the author. Attention is focused on the fact that the professor's recommendations, formulated in the 1960s, regarding the content of the representation are relevant at present, since the current problems of law enforcement practice concern the availability (in the representations) of information being not related to the causes and conditions contributed to the commission of the crime, and vice versa, the lack of analysis of the circumstances contributed to the commission of the crime, as well as the use of stereotyped expressions. Basing on the conducted theoretical analysis of the scientific researches, it is concluded that the scientific ideas of Professor G.M. Minkovsky, regarding the introduction of the investigator's representation on eliminating the causes and conditions contributed to the commission of the crime, are developed in the works of the modern scientists.

Keywords: crime prevention, introduction of representation, investigator's preventive activity, G.M. Minkovsky

For citation: Melnikova O.A. Developing the scientific ideas about the introduction of investigator's representation on eliminating the causes and conditions contributed to the commission of the crime (to the 100th anniversary of the birth of G.M. Minkovsky) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 82-87.

В 2023 году научной общественностью отмечается 100-летие со дня рождения Г.М. Миньковского. Заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник МВД, почетный работник прокуратуры, доктор юридических наук, профессор, Г.М. Миньковский (1923-1998) прожил насыщенную событиями жизнь: участвовал в боевых действиях на разных фронтах Великой Отечественной войны (1942-1945 годы), в ходе которых был ранен и контужен; работал следователем прокуратуры г. Москвы (1946-1949 годы); заведовал сектором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (1960-1963 годы); возглавлял кафедру уголовной политики и уголовного права Академии МВД СССР (1979-1992 годы); был членом Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, членом экспертного Совета МВД России по нормотворческой деятельности, экспертом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Г.М. Миньковскому принадлежит более 300 работ по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, криминологии, среди которых можно выделить: «Косвенные доказательства при расследовании в уголовном процессе» (1953 год); «Пределы доказывания в советском уголовном процессе» (1956 год); «Окончание предварительного расследования и осуществление права обвиняемого на защиту» (1957 год); «Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних» (1959 год); «Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР» (1974 год); «Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах» (1975 год); «Криминологическая характеристика и организация профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними и моло-

дежью» (1978 год); «Комплексное планирование профилактики правонарушений» (1979 год); «Проблемы охраны правопорядка и борьба с правонарушениями» (1984 год); «Деятельность органов внутренних дел по применению уголовного законодательства» (1986 год); «Уголовно-правовые средства борьбы с пьянством и алкоголизмом» (1989 год); «Уголовно-правовые средства борьбы с наркотизмом в России» (1994 год).

Значительный вклад Г.М. Миньковским внесен в развитие института предупреждения преступлений. Одной из первых работ, которые были подготовлены под его руководством и посвящены анализу причин и условий, способствующих совершению преступлений; основным формам работы по предупреждению преступлений; особенностям предупреждения отдельных видов преступлений, стала изданная в 1962 году монография «Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений» [1]. Генрихом Михайловичем написаны главы и отдельные параграфы монографии, в том числе первая глава «Общие вопросы предупреждения преступлений», третий параграф третьей главы «Предупреждение преступлений по материалам уголовного дела», представляющие наибольший интерес для раскрытия темы настоящей статьи.

Основываясь на изучении правоприменительной практики, ученый указывает на ряд ошибок, допускаемых следователями при осуществлении «предупредительной работы»:

1. В представлении отражены одно-два обстоятельства, повлекшие совершение преступления, как правило те, которые «лежат на поверхности». Причины и условия, способствовавшие совершению преступления, в полном объеме не устанавливаются [1, с. 26].

2. Правоприменители ограничиваются указанием на типичные причины и условия (например, «недостатки учета», «недостатки в организации культурного

досуга» [1, с. 91]), не раскрывая, как именно «проявилось их действие» [1, с. 26].

3. Отсутствуют выводы о лицах, виновных в несвоевременном «вскрытии» обстоятельств, способствовавших совершению преступления [1, с. 27] (например, недостатки в работе правоохранительных, контрольно-ревизионных органов).

4. Направление представления ненадлежащему субъекту (например, представление адресуется вышестоящей организации, «через голову лиц, непосредственно отвечающих за устранение выявленных недостатков») [1, с. 89].

Выделенные ученым в 60-е годы прошлого века ошибки в работе следователя по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и в настоящее время имеют место в правоприменительной деятельности, что обусловлено ненадлежащим образом сложившейся правоприменительной практикой, а также несовершенством действующего законодательства. В частности, анализ практики внесения представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ позволяет указать на следующие недостатки в организации работы по профилактике преступлений:

– внесение представлений, носящих неконкретный характер;

– направление представлений лицам, не имеющим отношения к возникновению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и, как следствие, не обладающим возможностью их последующего устранения (например, в адрес начальников территориальных органов МВД России). Результатом этого стали бессодержательные ответы.

Также наблюдается устойчивое снижение количества обобщенных представлений*.

* Обобщенные представления вносятся на основании изучения следственной практики по расследованию отдельных видов преступлений либо совершенных на одном объекте (предприятие, участок местности и т.п.). При внесении обобщенного представления анализу подвергаются уголовные дела, производство по которым завершается с принятием решения о направлении в суд, приостановлено по различным основаниям, а также уголовные дела, находящиеся на любом этапе стадии предварительного расследования.

Кроме того, следователями и дознавателями по ряду уголовных дел причины и условия, способствовавшие совершению преступления, вообще не выявлялись.

В работах современных исследователей выделяются аналогичные недостатки, допускаемые следователем при внесении представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления. Например, Л.В. Черепанова и А.А. Торков, проанализировавшие 50 представлений, внесенных органами предварительного расследования Алтайского края, при обосновании вывода о том, что качество представлений, вносимых в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, «не в полной мере отвечает предъявляемым требованиям», указывают на следующие выявленные недостатки:

1) в 3 % представлений указаны общие обстоятельства, способствовавшие совершению преступления;

2) в 3 % представлений не содержится анализ выявленных обстоятельств;

3) в 34 % представлений в качестве адресата указан субъект, не имеющий возможности устранить обстоятельства, «послужившие благоприятной почвой для нарушения закона»;

4) 50 % представлений перегружены информацией, не относящейся к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления [2, с. 19].

Е.Г. Сахарова отмечает использование «шаблонных фраз» [3, с. 224], а С.С. Чернова – «трафаретных выводов» [4, с. 119].

Идентичность недостатков в работе следователя, направленной на выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, выделяемых современными исследователями, и ошибок, указанных Г.М. Миньковским в 60-е годы XX века, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что рекомендации профессора, направленные на совершенствование профилактической деятельности правоприменителей, не утратили своей актуальности в настоящее время и могут использоваться на практике. С целью подтверждения данной гипотезы проанализируем научные идеи Генриха Михайловича, получившие свое развитие в трудах современных ученых, исследующих внесение

представления следователем в качестве одной из мер, направленных на выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления (предупреждение преступлений).

В частности, Г.М. Миньковским акцентировано внимание на субъекте, наделенном правом подписи представления. Ученый, указывая на то, что направляемое в адрес лиц и организаций представление подписывает следователь, делает вывод о целесообразности иного процессуального порядка в случаях, когда представление вносится в «вышестоящие организации, вышестоящие органы власти или партийные органы» [1, с. 90]. По его мнению, только прокурор может осуществить эффективный контакт с вышестоящим учреждением.

Аналогичные суждения высказаны А.В. Угольниковым в статье, опубликованной в 2010 году. Автор, основываясь на результатах опроса сотрудников следственных подразделений*, предлагает скорректировать ст. 39 УПК РФ, дополнив полномочия руководителя следственного органа правом внесения представления по уголовным делам, находящимся в производстве следователей возглавляемого им следственного органа. По мнению А.В. Угольникова, это позволит повысить эффективность деятельности органов предварительного следствия, а также организаций и должностных лиц [5, с. 159].

Также являются значимыми рекомендации Г.М. Миньковского относительно содержания представления. Ученый указывает, что, помимо сжатого изложения события преступления, констатации причин и условий, «породивших» совершение преступления, в представлении «излагаются рекомендации о проведении предупредительных мероприятий», «основные направления, по которым должна развернуться работа, конкретные предупредительные меры» [1, с. 91-92]. В качестве примера он приводит заключительную часть представления по делу о хищении с фабрики кондитерских изде-

лий: «...принять меры к наведению надлежащего учета сырья... решить вопрос об ответственности должностных лиц мастерской, по вине которых были созданы условия для систематического расхищения имущества» [1, с. 93]. Относительно уголовных дел, в которых установлена взаимосвязь совершенного преступления с отсутствием текущего контроля со стороны бухгалтерии, ученый указывает, что в заключительной части представления «должен ставиться вопрос о дисциплинарной ответственности главного бухгалтера» [1, с. 91].

М.И. Федоров, проведя в 2012 году исследование аналогичных вопросов, приходит к выводу, что действующий УПК РФ не разрешает следователю «указывать в представлении на конкретный характер профилактических мер», однако, по его мнению, целесообразно исходить из специфики и характера таковых:

1) если причины преступления вызваны нарушением закона – в представлении включать конкретные предложения, направленные на их устранение;

2) если причины преступления многообразны – в представлении указывать «лишь основные направления предупредительных мер» [6, с. 21-22].

Кроме того, в работах современных исследователей дискуссионными являются вопросы, касающиеся: субъектов, контролирующих исполнение представления [7, с. 156]; неисполнения представления или недоведения до следственных и судебных органов результатов проделанной работы [2, с. 19]. В частности, А.В. Угольников в ходе исследования материалов Главного следственного управления ГУ МВД России по Алтайскому краю установил, что количество ответов на внесенные представления составляет 67,7 % [7, с. 156]. Л.В. Черепанова и А.А. Торков выявили, что 50 % представлений исполняются формально [2, с. 19].

Необходимо отметить, что в ряде следственных подразделений функционируют автоматизированные комплексы, направленные на решение указанных проблем и позволяющие вести подсчет количества представлений и ответов на них, своевременность получения ответов. Например, в УМВД России по Оренбургской

* А.В. Угольниковым было опрошено 142 сотрудника следственных подразделений Московской, Тверской, Новгородской областей и г. Москвы.

области в качестве эксперимента введен в эксплуатацию информационный ресурс «Запросы ИТТ»*, которым предусмотрено информирование сотрудников о получении ответа на представление в установленный срок.

Аналогичные предложения были сформулированы Г.М. Миньковским, указывающим на целесообразность ведения картотеки (хранения копий представлений) и фиксации сведений о количестве представлений, принятия по представлению мер [1, с. 95].

Таким образом, основываясь на проведенном теоретическом анализе исследований, можно сделать вывод о том, что научные идеи профессора Г.М. Миньковского, связанные с внесением следователем представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, получили свое развитие в трудах современных ученых и не утратили актуальности на современном этапе развития науки уголовного процесса.

* ИТТ – информационно-телекоммуникационные технологии.

В заключение следует отметить, что научный интерес Генриха Михайловича к вопросам выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления (предупреждению преступлений), просматривается на протяжении всего жизненного пути этого ученого** [8]. Разработка данной проблематики была продолжена учениками Г.М. Миньковского, научным руководителем (консультантом) которых он был, защитивших 68 кандидатских и 15 докторских диссертаций.

** Например, вопросам выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними, посвящены следующие работы: «Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР» (1974 год, диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук); «Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах» (1975 год); «Криминологическая характеристика и организация профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью» (1978 год).

Список источников

1. Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений / Г.М. Миньковский, Т.М. Арзуманян, В.К. Звирбуль [и др.]; под общ. ред. Н.В. Жогина. Москва: Госюриздат, 1962. 279 с.
2. Черепанова Л.В., Торков А.А. Деятельность следователя (дознателя) и участкового уполномоченного полиции по вынесенному представлению о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. N 1. С. 18-22.
3. Сахарова Е.Г. Совершенствование деятельности следователя (дознателя), направленной на профилактику преступлений // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 1-2 ноября 2013 г. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Тюменская гос. акад. мировой экономики, управления и права, 2013. С. 224-227.
4. Чернова С.С. К вопросу о совершенствовании деятельности правоприменителей, направленной на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сб. науч. тр. / под ред. О.А. Зелениной. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2015. С. 115-121.
5. Угольников А.В. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2010. N 3. С. 159-160.
6. Федоров М.И. Вынесение представления следователем – как одна из мер, направленная на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2012. N 6. С. 20-23.
7. Угольников А.В. Правовые последствия неисполнения предписаний следователя об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2018. N 3. С. 155-158.
8. Миньковская И.Н., Цепелев В.Ф. Список научных и методических трудов заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Миньковского Генриха Михайловича // Российский криминологический взгляд. 2008. N 4. С. 317-335.

References

1. Minkovsky G.M., Arzumanyan T.M., Zvirbul V.K. [i dr.]. The activities of the investigation bodies, the prosecutor and the court for the prevention of crimes. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 279 p. (In Russ.).
2. Cherepanova L.V., Torovkov A.A. Activity of the investigator (inquirer) and the district commissioner of the police on the submitted submission on taking measures to eliminate the circumstances that contributed to the commission of the crime. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 1, pp. 18-22. (In Russ.).
3. Sakharova E.G. Improving the activities of an investigator (inquirer) aimed at crime prevention. Improving the activities of law enforcement agencies to combat crime in modern conditions. Issue 10. At 2 parts. Part 2. Tyumen, Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, 2013. Pp. 224-227. (In Russ.).
4. Chernova S.S. On the issue of improving the activities of law enforcement officers aimed at eliminating the circumstances that contributed to the commission of a crime. Trends in the development of criminal procedural legislation of the Russian Federation. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Pp. 115-121. (In Russ.).
5. Ugolnikov A.V. Establishment and elimination of circumstances that contributed to the commission of a crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, no. 3, pp. 159-160. (In Russ.).
6. Fedorov M.I. Making a presentation by an investigator – as one of the measures aimed at preventing crimes. Russian investigator, 2012, no. 6, pp. 20-23. (In Russ.).
7. Ugolnikov A.V. Legal consequences of failure to comply with the investigator's instructions to eliminate the circumstances that contributed to the commission of the crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 3, pp. 155-158. (In Russ.).
8. Minkovskaya I.N., Tsepelev V.F. List of scientific and methodological works of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Legal Sciences, Professor Henrikh Mikhailovich Minkovsky. Russian Criminological view, 2008, no. 4, pp. 317-335. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Юбилей профессора В.Б. Вехова

Анна Евгеньевна Федулова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, fedulova.an@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5331-7430>

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся российскому ученому-криминалисту, доктору юридических наук, профессору В.Б. Вехову. В ней представлен краткий обзор опубликованных ученым в различные периоды его научной деятельности ключевых идей и подходов к институтам уголовного процесса и криминалистики, многие из которых были позитивно восприняты теоретиками и получили развитие в их исследованиях. Обосновывается, что среди научных интересов В.Б. Вехова особое место занимают цифровая криминалистика; методика расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; теория электронных доказательств и защита информации. Отмечается, что ряд предложений нашел отражение в деятельности системы МВД России. В частности, созданы и эффективно функционируют подразделения, специализирующиеся на выявлении, расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; в образовательных организациях министерства осуществляется подготовка курсантов и слушателей всех форм обучения по учебным дисциплинам данного профиля.

Ключевые слова: компьютерные преступления, электронные доказательства, цифровая криминалистика, защита информации, В.Б. Вехов

Для цитирования: Федулова А.Е. Юбилей профессора В.Б. Вехова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 88-92.

Anniversary of Professor V.B. Vekhov

Anna E. Fedulova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, fedulova.an@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5331-7430>

Abstract. The article is devoted to the outstanding Russian forensic scientist, Doctor of Law, Professor V.B. Vekhov. Brief overview of the key ideas and approaches to the institutions of criminal procedure and forensics, presented by the scientist in different periods of his scientific activity, many of which were positively received by theorists and developed in their researches, is provided. It is substantiated that among the scientific interests of V.B. Vekhov special place is occupied by digital forensics; methodology for investigating crimes committed with the use of information and telecommunication technologies; theory of electronic evidence and protection of information. It is noted that a number of professor's proposals are reflected in the activities of the system of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. In particular, the subdivisions, specializing in detecting and investigating crimes committed with the use of information and telecommunication technologies, have been created and are functioning effectively; the educational organizations of the Ministry provide teaching the academic disciplines of this profile to cadets and trainees of all forms of education.

Keywords: computer crimes, electronic evidence, digital forensics, information security, V.B. Vekhov

For citation: Fedulova A.E. Anniversary of Professor V.B. Vekhov // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 88-92.

В 2023 году отпраздновал свое 55-летие Виталий Борисович Вехов – российский ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания, профессор кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры безопасности в цифровом мире Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (НИУ)*.

Жизненную позицию В.Б. Вехова можно с уверенностью охарактеризовать как служение науке. Его научные интересы отличаются большим разнообразием, при этом наиболее значимые из них – цифровая криминалистика, методика расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, теория электронных доказательств, защита информации.

К первым исследованиям В.Б. Вехова относится характеристика преступлений в сфере компьютерной техники. Именно энтузиазм, рвение и профессионализм позволили В.Б. Вехову достичь высокого уровня в научной сфере. В 1995 году им была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники» [1]. В рамках диссертационного исследования рассмотрены и проанализированы факторы, оказывающие негативное влияние на расследование компьютерных преступлений, требующие скорейшего разрешения. В частности, Виталием Борисовичем были предложены: разработка методик расследования компьютерных преступлений и проведения комплексных технико-технологических экспертиз; создание подразделений, специализирующихся на

выявлении, расследовании и предупреждении преступлений данного вида; создание соответствующих криминалистических учетов; разработка и введение в образовательный процесс специального курса «Выявление, расследование и предупреждение преступлений, связанных с использованием средств компьютерной техники». Дальнейшее проведение исследований в данном направлении позволило В.Б. Вехову в 2009 году защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки» [2].

Многие положения, содержащиеся в исследовательских работах В.Б. Вехова, позитивно восприняты теоретиками и получили развитие в научных исследованиях. Предложения В.Б. Вехова нашли свое отражение и в деятельности системы МВД России: созданы и эффективно функционируют подразделения, специализирующиеся на выявлении, расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; в образовательных организациях осуществляется подготовка курсантов и слушателей всех форм обучения по учебным дисциплинам данного профиля, а также по специальным дисциплинам повышения квалификации, имеющим комплексный характер и практическую направленность.

Научный интерес В.Б. Вехова к данным вопросам, сохраняющийся более тридцати лет, был сформирован в 90-е годы прошлого столетия и связан с выраженными явлениями глобализации; переходом к постиндустриальному, информационному обществу; широким развитием и использованием в повседневной деятельности компьютерной техники; со спецификой технологий дистанционной обработки компьютерной информации, с анонимностью большей ее части, привлекающей внимание лиц, занимающихся преступной деятельностью, в том числе в составе террористических организаций, преступных сообществ и групп. В качестве доказательственной базы по уголовным делам все чаще стали выступать различные компьютерные устройства, а также электронная информация, хранящаяся на них.

* Персональные страницы МГТУ. Профессор Виталий Борисович Вехов // Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана: сайт. URL: <http://www.bmstu.ru>

Криминальная обстановка в стране и юридическая практика, свидетельствующие о ежегодном росте количества совершаемых компьютерных преступлений за последние десятилетия, дали В.Б. Вехову обширный эмпирический материал для дальнейшего проведения исследований. Виталием Борисовичем с 2002 года самостоятельно и в составе коллективов авторов подготовлен и опубликован ряд монографий, учебников и научно-практических пособий, в том числе: «Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации» (в соавторстве с В.В. Поповой и Д.А. Илюшиным); «Использование компьютерных технологий в деятельности следователя» (в соавторстве с А.Ф. Родиным); «Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки»; «Электронные носители информации в криминалистике» (в соавторстве с И.В. Александровым и Д.В. Бахтеевым); «Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве» (в соавторстве с В.П. Балакшиным, В.Н. Григорьевым и др.); «Основы теории электронных доказательств» (в соавторстве с А.Н. Балашовым, И.Н. Балашовой и др.); «Цифровая криминалистика» (в соавторстве с С.В. Зуевым, Д.В. Бахтеевым и др.); «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и электронных средств платежа» (в соавторстве с С.В. Зуевым) и др.

Это позволило сформировать авторский подход к теории исследования электронно-цифровой техники и программных средств как вещественных доказательств; определению криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как «системы криминалистически значимых сведений, полученных в результате специальных научных исследований, которая является основополагающим структурным элементом методики расследования этих преступлений и способствует их раскрытию, расследованию и предупреждению» [3, с. 10]; разработке методических рекомендаций по тактике производства следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие и исследова-

ние электронных носителей информации и содержащихся на них цифровых следов.

В своих научных трудах В.Б. Вехов отстаивает позицию о необходимости разработки теории электронных доказательств в рамках науки уголовного процесса, непосредственно связанной с электронной криминалистикой, в структуру которой предлагается включить следующие разделы: криминалистическое учение о компьютерной информации; криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей; криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты [4, с. 639].

Существенный вклад В.Б. Вехов внес в совершенствование деятельности следственных органов и оперативных подразделений путем разработки и внедрения автоматизированной методики расследования компьютерных преступлений. Данная методика основана на типовой компьютерной модели преступлений, отражающей закономерные связи между элементами события преступления, и может быть использована для выдвижения типовых версий, а также в качестве методологической основы формирования методики расследования преступлений [5, с. 10].

В.Б. Веховым как самостоятельно, так и в соавторстве разработаны и успешно внедрены в деятельность органов внутренних дел, а также в образовательный процесс следующие электронные ресурсы: имитационно-обучающая программа для ЭВМ «Расследование компьютерных преступлений», автоматизированные информационные системы «Автоматизированное рабочее место следователя», «Автоматизированное рабочее место руководителя следственного подразделения», электронный интерактивный мультимедийный курс «Повышение квалификации следователей, специализирующихся на расследовании дел о преступлениях в сфере компьютерной информации и высоких технологий», научно-методический интернет-сайт «Cybernetic Police: Компьютерная преступность и борьба с нею» [2, с. 17].

Следует отметить, что в 2007 году созданный В.Б. Веховым сайт «Cybernetic Police: Компьютерная преступность и борь-

ба с нею» по итогам конкурса веб-сайтов Волгоградской области занял II место в номинации «Государство для бизнеса и общества». Интернет-ресурс активно использовался сотрудниками правоохранительных органов и позволял им оперативно получать качественные научно-практические консультации по вопросам борьбы с киберпреступлениями.

Главный вклад профессора Вехова в развитие криминалистики, несомненно, отмечен его научными трудами. В процессе научно-педагогической деятельности В.Б. Веховым выполнен значительный объем исследований, подготовлено более 250 научных и 30 учебно-методических работ, в том числе 13 монографий и 9 учебников, более 15 примерных программ по учебным дисциплинам для вузов МВД России и других государственных образовательных организаций высшего образования.

В.Б. Вехов имеет более 40 электронных научных и учебно-методических работ, которые используются в учебном процессе ведущих отечественных и зарубежных образовательных организаций высшего профессионального образования, в том числе в Академии МВД Республики Беларусь, внедрены в деятельность органов предварительного расследования системы МВД России в 12 субъектах Российской Федерации.

В настоящее время практически в каждой научной публикации ученых-юристов, особенно молодых исследователей, посвященной криминалистической характеристике киберпреступлений, совершенствованию деятельности правоохранительных органов, цитируются работы профессора В.Б. Вехова. Об этом свидетельствует проведенный анализ публикационной активности ученого на elibrary.ru (индекс Хирша – 24)*.

Научные и учебно-методические труды профессора В.Б. Вехова получили широкое признание не только российских, но и зарубежных ученых. Например, в 2014 году Виталий Борисович стал лауреатом всероссийского конкурса на лучшую научную книгу (г. Сочи); в 2015 году – XXVI международной выставки-презентации учебно-методиче-

ских изданий «Золотой фонд отечественной науки» (г. Сочи) и XXVII международной выставки-презентации учебно-методических изданий «Золотой фонд отечественной науки» (г. Москва); в 2018 году – международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2018» (г. Киров); в 2019 году – VI Всероссийского инновационного общественного конкурса на лучший учебник, учебное пособие и монографию (г. Вятка); в 2020 году – Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2019 года (г. Москва).

Профессор В.Б. Вехов сформировал научную школу по исследованию проблем компьютерной преступности под названием «Цифровая криминалистика», цель которой – криминалистическое исследование компьютерной информации и средств ее обработки. Виталий Борисович активно использует свой богатейший жизненный опыт в подготовке молодых ученых. Под его научным руководством были успешно защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: «Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет» [6], «Основы компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» [7], «Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ» [8]. В 2018 году Российской академией естествознания В.Б. Вехову присвоено почетное звание «Основатель научной школы».

В.Б. Вехов является членом редакционно-издательских советов журналов «Судебная экспертиза», «Вестник Алтайской академии экономики и права», «Юридическая психология», включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Виталий Борисович является умелым организатором научного и образовательного процесса благодаря своему профессионализму и практическому опыту. В 2020-2021 учебном году он был признан

* URL: <https://elibrary.ru>

Лучшим преподавателем Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (НИУ) в номинации «Лучший преподаватель по внедрению современных информационных технологий в учебный процесс».

Профессор В.Б. Вехов за личные заслуги в области науки и образования награжден МВД России, СК России и Верховным Судом Российской Федерации, а также общественными некоммерческими организациями.

Список источников

1. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 1995. 27 с.
2. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2008. 45 с.
3. Вехов В.Б., Попова В.В., Илюшин Д.А. Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации: науч.-практ. пособие. Самара: Офорт, 2003. 188 с.
4. Вехов В.Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2019. N 2. С. 630-640.
5. Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. N 3-2. С. 8-11.
6. Илюшин Д.А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2008. 32 с.
7. Ковалев С.А. Основы компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2011. 22 с.
8. Решняк О.А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Волгоград, 2019. 25 с.

References

1. Vekhov V.B. Criminalistic characteristics and improvement of the practice of investigation and prevention of crimes committed with the use of computer technology. Autoabstract Cand. Diss. Volgograd, 1995. 27 p. (In Russ).
2. Vekhov V.B. Criminalistic teaching about computer information and means of its processing. Autoabstract Doct. Diss. Volgograd, 2008. 45 p. (In Russ).
3. Vekhov V.B., Popova V.V., Ilyushin D.A. Tactical features of the investigation of crimes in the field of computer information. Samara, Ofort Publ., 2003. 188 p. (In Russ).
4. Vekhov V.B. Crimes in the digital economy: improving the investigation based on the provisions of electronic criminology. Perm Legal Almanac, 2019, no. 2, pp. 630-640. (In Russ).
5. Vekhov V.B. Automated methods of crime investigation as a new direction in forensic technology. News of the Tula State University. Economic and legal sciences, 2016, no. 3-2, pp. 8-11. (In Russ).
6. Ilyushin D.A. Features of the investigation of crimes committed in the provision of Internet services. Autoabstract Cand. Diss. Volgograd, 2008. 32 p. (In Russ).
7. Kovalev S.A. Fundamentals of computer modeling in the investigation of crimes in the field of computer information. Autoabstract Cand. Diss. Voronezh, 2011. 22 p. (In Russ).
8. Reshnyak O.A. The use of computer technologies in the investigation of crimes in the field of illegal trafficking of dangerous psychoactive substances. Autoabstract Cand. Diss. Volgograd, 2019. 25 p. (In Russ).

Раздел 7. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.2, 5.1.4

К пятнадцатилетию выхода учебно-практического пособия И.С. Иванова «Институт вины в налоговом праве: теория и практика»

Дмитрий Александрович Кириллов,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Аннотация. В рецензии анализируется теоретическое и практическое значение изданного в 2009 году учебно-практического пособия И.С. Иванова, посвященного институту вины в налоговом праве. Отмечается актуальность издания, обусловленная изменениями российского законодательства, произошедшими за последние годы. Подчеркиваются системность освещения отраслевых вопросов вины, его методологическая производность от аналогичного уголовно-правового института и отдельных положений психологической теории вины в праве. Уточняются тезисы о неприемлемости для характеристики неосторожности в праве в целом психологической теории вины; об отсутствии в налоговом праве: умысла при безразличном отношении нарушителя к своему поведению, дифференциации умысла на прямой и косвенный, дифференциации неосторожности на легкомыслие и небрежность. По итогам рецензирования предлагается подход к коррекции налогово-правового описания неосторожной вины. Делается общий вывод о ценности учебно-практического пособия для дальнейших исследований отраслевых вопросов вины и совершенствования правоприменительной практики в налоговой сфере.

Ключевые слова: вина в налоговом праве, психологическая теория вины, умысел в налоговом праве, налогово-правовая неосторожность, легкомыслие в налоговом праве

Для цитирования: Кириллов Д.А. К пятнадцатилетию выхода учебно-практического пособия И.С. Иванова «Институт вины в налоговом праве: теория и практика» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 3 (65). С. 93-100.

To the fifteenth anniversary of publishing I.S. Ivanov's educational and practical manual "Institution of guilt in tax law: theory and practice"

Dmitry A. Kirillov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia, kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Abstract. Theoretical and practical significance of I.S. Ivanov's educational and practical manual, published in 2009 and dedicated to the institution of guilt in tax law, is analyzed in the review. The manual is found to be relevant due to the amendments to the Russian legislation in recent years. Both the systematic coverage of the related issues of guilt and its methodological derivativeness from a similar criminal law institution and certain provisions of the psychological theory of guilt in law are emphasized. The theses on the unacceptability of the psychological theory of guilt for characterizing negligence in law; as well as on the absence of intent in tax law related to the offender's indifferent attitude to his or her behavior, along with the absence of differentiation of intent into direct and indirect, and also differentiation of negligence into thoughtlessness and carelessness, are clarified. Basing on the results of the review, the author's approach to correcting the tax and legal description of negligent form of guilt is proposed. It is concluded that the educational and practical manual is valuable and useful for further researching the related issues of guilt and improving the law enforcement practice in the tax field.

Keywords: guilt in tax law, psychological theory of guilt, intent in tax law, tax and legal negligence, thoughtlessness in tax law

For citation: Kirillov D.A. To the fifteenth anniversary of publishing I.S. Ivanov's educational and practical manual "Institution of guilt in tax law: theory and practice" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 3 (65). P. 93-100.

© Кириллов Д.А., 2023

Введение

1 августа 2008 г. была подписана в печать рукопись учебно-практического пособия Ивана Сергеевича Иванова «Институт вины в налоговом праве: теория и практика» (далее – учебно-практическое пособие) [1, с. 2]. Учитывая системность отражения проблематики вины, предполагалось, что оно станет базовым источником знаний для дальнейшего развития института вины в налоговом праве. Однако с октября 2008 г.* принцип виновной ответственности перестал быть основой разрешения дел о налоговых правонарушениях. В качестве такового начал использоваться подход, основанный на абсолютизации значения судебных правовых доктрин, часть из которых ухудшала экономическое положение налогоплательщиков и при этом имела обратную силу для правоприменения по итогам мероприятий контроля за предшествующие налоговые периоды [2, с. 13]. Вследствие этого учебно-практическое пособие не стало по-настоящему востребованным.

Между тем в последнее время обращение к вопросам вины в налоговом праве вновь стало актуальным. Это связано прежде всего с дополнением п. 8 ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) абзацем 5** о том, что налоговому органу следует непосредственно в решении по итогам налоговой проверки указывать на наличие в выявленных налоговых правонарушениях признаков налоговых преступлений, которые согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ) характеризуются виной в форме умысла. Кроме того, ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)

дополнена пунктом 1.3***, согласно которому единственным поводом к возбуждению уголовного дела о налоговом преступлении могут быть только полученные из налогового органа материалы, включая решение по итогам налоговой проверки, в котором установлена именно умышленная вина в составе совершенного налогового правонарушения, предусмотренного ст. 122 или ст. 123 НК РФ.

Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что в 2023 году появилась информация о первых рассмотренных делах об административных нарушениях запрета на регистрацию притворных и мнимых объектов бухгалтерского учета****, чего на протяжении нескольких лет не было [3, с. 125]. Согласно п. 4 ст. 108 НК РФ подобные административные дела в сфере общехозяйственного оборота производны от налоговых нарушений организаций [4, с. 131]. По этой причине ожидается рост актуальности точного установления умысла в предусмотренных ст. 120 НК РФ налоговых правонарушениях, связанных с внесением в учетные регистры притворных и мнимых объектов бухгалтерского учета.

В связи с этим, несмотря на прошедшие с момента подготовки текста учебно-практического пособия 15 лет, актуальность обращения к нему как к теоретической базе для понимания и проведения дальнейших исследований вопросов вины в налоговом праве представляется в условиях меняющейся правовой действительности очевидной.

Достоинства учебно-практического пособия как признанного исследователями проблем вины в налоговом праве системного источника знаний о данном институте несомненны. Исходя из этого основное внимание в рецензии уделено анализу ряда его небесспорных положений, содержание которых было подвергнуто сравнению с текстами нормативных

* О внесении изменений в приказ ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок»: приказ ФНС России от 14 окт. 2008 г. N ММ-3-2/467@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 июля 2022 г. N 263-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

*** См.: О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2022 г. N 51-ФЗ // Там же.

**** Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2023 г. N 16-2257/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовых актов и научных работ по праву за период с начала XX века по настоящее время. Дополнительно с учетом содержания учебно-практического пособия показана неточность ряда законоположений о вине, обоснована целесообразность и предложен подход к коррекции положения закона о неосторожной вине в налоговом праве. Представляется, что настоящее рецензирование будет полезным для реализации потенциала учебно-практического пособия в плане дальнейшего изучения и уточнения отдельных аспектов института вины в налоговом праве.

Дефиниции понятия «вина» и спорные тезисы автора о вине в праве

Не вызывающими сомнений представляются тезисы И.С. Иванова о ведущей роли уголовно-правовой науки в изучении вины в праве и о целесообразности экстраполяции уголовно-правового подхода на положения о вине в налоговом праве [1, с. 6]. Учебно-практическое пособие согласуется и с мнениями о том, что с правом, включая гражданское [5, с. 39], из трех теорий вины традиционно наиболее сопрягаема психологическая [6, с. 61-62]. В подтверждение И.С. Иванов приводит дефиницию А.А. Пионтковского, опубликованную в 1925 году: «Вина — психическое отношение... лица к учиненному им... деянию в форме умысла или неосторожности» [7, с. 131]. В учебно-практическом пособии также отмечается, что в феврале 1955 г. в редакционной статье журнала «Советское государство и право» была обнародована признанная большей частью ученых-юристов дефиниция понятия вины [1, с. 39], согласно которой, в частности, «...вина — есть психическое отношение лица к совершаемому... им общественно опасному деянию в форме умысла или неосторожности...» [8, с. 6]. Иными словами, в обоих определениях вина раскрыта через психическое отношение в форме умысла или неосторожности, которые, в свою очередь, раскрываются в законодательстве через описание различных сочетаний интеллектуальных и волевых процессов в отношении негативного деяния и последствий данного деяния.

И.С. Иванов приводит также дефиницию из Энциклопедического юридического словаря под общей редакцией В.Е. Крутских, изданного в 1998 году: «Вина в праве

— психическое отношение лица к своему противоправному поведению... и его последствиям. Означает осознание (понимание) лицом недопустимости (противоправности) своего поведения и связанных с ним результатов...» [9, с. 40]. Здесь, как видно, психическое отношение раскрывается только через интеллектуальные процессы осознания (понимания) недопустимости поведения и его последствий, без указания на волевые процессы.

Сравнивая две последние дефиниции, И.С. Иванов указывает, что за почти полвека «принципиальных изменений в подходе к вине... не произошло» [1, с. 40, 136]. Ошибочность данного суждения представляется очевидной. В дефиниции, опубликованной в 1955 году в журнале «Советское государство и право», содержание «психического отношения» раскрывается через интеллектуальные и волевые процессы, а в дефиниции из Энциклопедического юридического словаря под общей редакцией В.Е. Крутских — не только через интеллектуальные процессы (что уже является отличием), но и через ограниченный перечень интеллектуальных процессов — лишь осознание и понимание, что указывает на сужение в последней дефиниции логического ряда понятий, раскрывающих психическое отношение. В этом и состоит «принципиальное изменение», которого «не произошло».

В предлагаемом И.С. Ивановым определении понятия вины, согласно которому, в частности, «вина в праве выражается в неприемлемом для общества... психическом отношении правонарушителя к предписанному законом поведению... и... фактически ограничена отношением лица к предусмотренным законом деяниям и их негативным последствиям» [1, с. 6], о психическом отношении говорится, но оно не раскрывается. Такой подход приводит автора рецензируемой работы к спорным *не только тезису*, что в праве в целом «...вероятно, неуместно вести речь о психическом отношении при описании... небрежности», поскольку, если последствия лицо не осознавало или «...не предвидело — значит, и психического отношения к противоправному деянию и его последствиям не было», *но и выводу о том*, что «психологическая теория вины неприемлема в рамках дей-

ствующего законодательства при рассмотрении неосторожности в качестве формы вины» [1, с. 64-65]. Заметим, что данный вывод и в настоящее время достаточно популярен у исследователей вопросов налогового права. Например, А.Е. Васильева применительно к содержащему положение о неосторожной вине пункту 3 ст. 110 НК РФ указывает: «...формулировка... противоречива... предусматривает ответственность при отсутствии вины, обязательным элементом которой является сознание» [10, с. 130].

Некорректность тезиса и вывода И.С. Иванова, как представляется, связана и с тем, что он, считая принципиально неизменным подход к вине в дефиниции, содержащейся в Энциклопедическом юридическом словаре под общей редакцией В.Е. Крутских, по сравнению с подходом, представленным в журнале «Советское государство и право», не придает научного значения ошибочности сведения в первой дефиниции многообразия интеллектуальных процессов лишь к процессам осознания (понимания). Между тем согласно дефиниции, опубликованной в журнале «Советское государство и право», круг описываемых в законе интеллектуальных процессов гораздо шире, чем осознание и понимание. Кроме того, психическое отношение раскрывается посредством не только интеллектуальных, но и волевых процессов, что характерно как для умысла, так и для неосторожности, включая небрежность. Например, в одной из публикаций последних лет подчеркивается наличие в небрежности не только конкретных интеллектуальных психических процессов, но и волевых [11, с. 88]. Поскольку И.С. Ивановым подход, содержащийся в дефиниции, опубликованной в журнале «Советское государство и право», ни полностью, ни частично не отвергается, то его суждения об отсутствии психического отношения при небрежности и о неприемлемости психологической теории вины для описания неосторожности не воспринимаются как в полной мере обоснованные.

О вине в налоговом праве

Часть учебно-практического пособия, в которой рассматриваются вопросы вины в собственно налоговом праве, включает три вызывающих несогласие положения.

Предварительно следует отметить, что пять вариантов сочетания интеллектуальных и волевых процессов, раскрытых в законе через формы вины, образуют в российском праве две универсальные формы вины – умысел и неосторожность, два общих вида умысла – прямой и косвенный, два вида неосторожности – легкомыслие и небрежность. В уголовном праве для отдельных преступлений установлена также сложная исключительная конструкция умысла с элементами двух форм вины [12, с. 31].

Вина, подразумевающая наличие двух универсальных форм и двух видов каждой из форм, отражена, в частности, в ст. 2.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и в ст.ст. 24-26 УК РФ. В налоговом праве подход к вине отличается от общепринятого тем, что в НК РФ неосторожность отождествляется с небрежностью [13, с. 24]. Таким образом, в «налоговой» версии вины отсутствует легкомыслие как особое сочетание интеллектуальных и волевых процессов, занимающее промежуточное положение между косвенным умыслом и небрежностью [14, с. 40].

Следует выразить несогласие с автором рецензируемого учебно-практического пособия, указывающим применительно к налоговому праву на «...отсутствие дифференциации умысла... в зависимости от мотива и цели на прямой и косвенный (эвентуальный)...» [1, с. 6]. Заметим, что описание умышленной вины в п. 2 ст. 110 НК РФ логически совпадает с описанием двух видов умысла, в частности, в ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР). Если из последнего исключить фрагменты «общественная опасность» и «предвидение», которое, к слову, следуя логике Н.Г. Иванова, «...нелепо выделять... наряду с сознанием в качестве необходимого элемента умысла» [15, с. 18], то после некоторого редактирования получается положение НК РФ об умысле, дифференцирующее оба его вида.

Также нельзя согласиться с тезисом И.С. Иванова о том, что в налоговом праве «нарушение... не рассматривается как умышленное... если лицо... осознавало... характер действий...», но относилось к ним

безразлично...» [1, с. 6]. Следует заметить, что так же, как и в формулировке п. 2 ст. 110 НК РФ, упоминание такой характеристики волевой сферы, как безразличное отношение к последствиям, отсутствовало и в относимых к косвенному умыслу положениях ст. 8 УК РСФСР. Этого и не требовалось, поскольку в тесно связанной как с законотворчеством, так и с практикой науки советского уголовного права сознательное допущение и безразличие всегда отождествлялись. Например, в работе, изданной в 1945 году, указывалось, что виновный «...при косвенном... умысле... наступления результата не желает, но предвидит возможность его наступления и сознательно допускает эту возможность, относясь к результату преступно-безразлично» [16, с. 8]. Отсутствие указания на безразличие, как представляется, и сегодня не является препятствием для отнесения деяния «с безразличным отношением» к косвенному умыслу [17, с. 43].

Несогласие вызывает и суждение об отсутствии в налоговом праве, «...дифференциации неосторожности — на легкомыслие и небрежность...» [1, с. 6]. И.С. Иванов прав, обращая внимание на некорректность формулировки п. 3 ст. 110 НК РФ, однако резюмирующее суждение представляется не в полной мере точным. Как было указано выше, в налоговом праве отсутствует не дифференциация неосторожности на два вида, а описание формулы одного из видов неосторожности — легкомыслия. Иными словами, неосторожность в налоговом праве сводится к небрежности.

Пробел в регулировании неосторожной вины в налоговом праве

Несмотря на терминологическую неточность, допущенную в части оценки п. 3 ст. 110 НК РФ, из текста учебно-практического пособия явствует, что именно отсутствие в НК РФ положения о легкомыслии как виде неосторожности является самым серьезным пробелом налогово-правового института вины. Вследствие этого высветился ряд проблем [18, с. 186-188], часть которых целесообразно охарактеризовать.

В теоретическом плане не перестает привлекать интерес фрагмент текста из учебника начала XXI века о том, что разработчики проекта НК РФ не включили в текст п. 3 ст. 110 положение о лег-

комыслии, поскольку якобы не смогли представить ситуаций, «...в которых могла бы проявиться эта форма неосторожной вины...» [19, с. 424]. Не менее оригинальна точка зрения исследовательской группы, объединяющая тезис о небезупречности текста п. 3 ст. 110 НК РФ и тезис о возможности усмотреть в тексте не только небрежность, но также «и легкомыслие», аргументированная тем, что «...налоговая неосторожность... может включать в себя как небрежность в чистом виде, так и самонадеянность, выводимую из системного толкования положений данной нормы» [13, с. 29]. При этом крайне редкими являются суждения о том, что если «легкомыслие» в НК РФ не указано, то согласно п. 7 ст. 3 НК РФ деяние с самонадеянным расчетом лица на предотвращение последствий своего поведения не является налоговым правонарушением в юридическом смысле [18, с. 186].

Как представляется, налицо неубедительность критики со стороны признанных лидеров научного «налогово-правового мнения» в отношении очевидного законотворческого пробела в тексте п. 3 ст. 110 НК РФ. В условиях недостаточности правоприменительного налогового интереса к п. 7 ст. 3 НК РФ [20, с. 183], а также к вопросам вины чрезмерная лояльность подобной критики видится одной из главных причин того, что отраслевая конструкция вины уже более четверти века выглядит логически ущербной.

Из практических проблем, связанных с тем, что в налоговом праве неосторожность сводится к небрежности, особо пагубным для налогового климата в обществе представляется устоявшийся в правоприменении подход, согласно которому осознаваемое нарушителем деяние с самонадеянным его расчетом на предотвращение вредных последствий в большинстве случаев рассматривается как умышленное [18, с. 187-188]. Иными словами, «осознание», содержащееся в п. 2 и отсутствующее в п. 3 ст. 110 НК РФ, само по себе, то есть без учета содержания волевого момента, означает в восприятии «налогового правоприменителя» косвенный умысел, что согласуется также и с дефиницией, содержащейся в Энциклопедическом юридическом словаре под общей редакцией

В.Е. Крутских, сводящей вину лишь к интеллектуальным процессам осознания (понимания) [9, с. 40].

В свою очередь, установление налоговыми органами умысла организаций в отношении «легкомысленных» нарушений обуславливает массовое привлечение теми же правоприменителями должностных лиц организации к административной ответственности за умышленное административное правонарушение при фактическом отсутствии умысла. Ошибочное же установление умысла при наличии достаточных сумм недоимки влечет и незаконное предупреждение налогоплательщика о наличии в налоговом правонарушении признаков преступления (абз. 5 п. 8 ст. 101 НК РФ, п. 2 ст. 69 НК РФ), и незаконное направление материалов о якобы умышленном правонарушении в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 3 ст. 32 НК РФ), и иные последствия, ограничивающие права граждан [18, с. 187-188].

Необходимо как можно скорее устранить пробел, вызванный отсутствием в НК РФ указания на легкомыслие. Оптимальным представляется изложение пункта 3 ст. 110 НК РФ в редакции, логически соответствующей содержанию пункта 2 ст. 2.2 КоАП РФ, объединяющего оба вида неосторожности. В этом случае, учитывая терминологию НК РФ, п. 3 ст. 110 НК РФ после слов «его совершившее,..» можно было бы дополнить словами: «...осознавало возможность наступления вредных последствий, возникших вследствие своих противоправных действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий...».

Заключение

1. Изменения в законодательстве и правоприменении предопределяют постепенное смещение вектора налоговой практики от абсолютизации значения судебных доктрин к началам виновной ответственности. Этим объясняется важность изучения и последующей институционализации в правоприменительную практику положений института вины в налоговом праве, для чего потребуются возобновление исследований соответствующих отраслевых положений. Рецензируемое пособие, представляющее результат

системного изложения его автором проблематики вины в налоговом праве, может стать одним из важных источников для таких исследований.

2. Учебно-практическое пособие за годы, прошедшие со времени его написания, не устарело. С осени 2008 года и до недавнего времени налоговой практикой не уделялось должного внимания применению положений о вине. В связи с этим и масштабы изучения вопросов вины в налоговом праве, база для которого представлена в учебно-практическом пособии, значительно сократились. В силу этого в настоящее время требуется возобновление полноценных исследований вопросов вины в налоговом праве на базе теоретических источников, корпус которых сформировался к концу 2008 года, но не был востребован, и важнейшим из них является рецензируемая работа.

3. При подготовке рецензии в учебно-практическом пособии выявлены некоторые неточности. Их учет при проведении дальнейших исследований позволит более полно реализовать потенциал издания для уточнения ряда норм института вины в налоговом праве и формирования соответствующей научной доктрины.

4. К небесспорным суждениям о вине в праве в целом следует отнести тезисы о неприемлемости психологической теории вины в рамках законодательства при рассмотрении неосторожности в качестве формы вины; об отсутствии достаточных оснований к тому, чтобы вести речь о психическом отношении при описании небрежности.

5. К небесспорным суждениям о вине в налоговом праве следует, в частности, отнести тезисы об отсутствии отраслевой дифференциации умысла на прямой и косвенный (эвентуальный); отсутствии умысла при безразличном отношении лица к своим действиям при осознании их правонарушающего характера; отсутствии дифференциации неосторожности на легкомыслие и небрежность.

6. Исходя из содержания рецензируемого учебно-практического пособия и последующих исследований можно сделать вывод о том, что текст п. 3 ст. 110 НК РФ, в котором неосторожная вина сводится к небрежности, требует коррекции,

поскольку иначе проявления легкомыслия в налоговом праве, характеризующиеся осознанием противоправности деяния, воспринимаются субъектами налогового правоприменения как проявления умысла независимо от содержания волевых процессов.

7. В ходе работы над рецензией оформилось предложение о необходимости скорейшего приведения правового регулирования неосторожной вины в налоговом праве к подходу, реализованному в п. 2 ст. 2.2 КоАП РФ, предложен вариант корректирующей п. 3 ст. 110 НК РФ формулировки.

Список источников

1. Иванов И.С. Институт вины в налоговом праве: теория и практика: учеб.-практ. пособие. Москва: Проспект, 2009. 160 с.
2. Кичеев В. Выгодная неосмотрительность // ЭЖ-Юрист. 2013. N 4. С. 13.
3. Коренкова С.И., Кириллов Д.А. Запрет на притворность: административно-правовое исследование с элементами экономического подхода // Государство и право. 2023. N 5. С. 123-130.
4. Власова А.С., Лошкарева М.Е., Удалова Н.М. Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // Закон. 2018. N 4. С. 120-134.
5. Липинский Д.А. Виновность деяния – общий принцип юридической ответственности // Законность. 2015. N 4. С. 37-41.
6. Шабалин Л.И. О теориях вины // Российское право: образование, практика, наука. 2016. N 1. С. 60-62.
7. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. Москва: ГИЗ, 1925. 242 с.
8. О состоянии и задачах науки советского уголовного права. Редакционная статья // Советское государство и право. 1955. N 2. С. 3-12.
9. Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. Москва: ИНФРА-М, 1998. 367 с.
10. Васильева А.Е. Вина как элемент состава налогового правонарушения // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сб. материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2023. С. 127-133.
11. Зыков Д.А., Шеслер С.С., Шеслер А.В. Уголовно-правовая сущность небрежности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. N 7. С. 85-88.
12. Иванова Л.В. Психическое отношение лица к последствиям в преступлениях против личности, совершаемых с двойной формой вины // Российский следователь. 2017. N 5. С. 31-33.
13. Налоговая ответственность: общие условия / А.В. Брызгалин, И.В. Махерова, О.Н. Почтарева [и др.]. // Налоги и финансовое право. 2008. N 11. С. 12-226.
14. Мусаткина А.А. К вопросу о понятии вины и ее формах по Налоговому кодексу Российской Федерации // Финансовое право. 2013. N 8. С. 39-42.
15. Иванов Н.Г. Умысел в уголовном праве // Российская юстиция. 1995. N 12. С. 16-18.
16. Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. 56 с.
17. Ширяев А.Ю. Косвенный умысел: правовая оценка и доказывание // Законность. 2016. N 12. С. 42-45.
18. Затева В.М., Колосова Е.А. О разграничении форм вины за неисполнение обязанности по уплате налога в уголовном, административном и налоговом праве России // Право за гранью обыденного: материалы II Междунар. молодежного юридического форума. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 183-188.
19. Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. Москва, 2003. 591 с.
20. Кириллов Д.А. Притворные правовые явления в системе принципов административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. N 2. С. 175-191.

References

1. Ivanov I.S. The Institute of Guilt in tax Law: theory and practice. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 160 p. (In Russ.).
2. Kicheev V. Profitable indiscretion. EZh-Yurist, 2013, no. 4, p. 13. (In Russ.).
3. Korenkova S.I., Kirillov D.A. Feignfulness prohibition: administrative and legal research with elements of an economic approach. State and Law, 2023, no. 5, pp. 123-130. (In Russ.).
4. Vlasova A.S., Loshkareva M.E., Udalova N.M. A legal entity and its responsibility: from fiction to a real subject of legal relations. Law, 2018, no. 4, pp. 120-134. (In Russ.).
5. Lipinsky D.A. Culpability of an act – the general principle of legal responsibility. Legality, 2015, no. 4, pp. 37-41. (In Russ.).
6. Shabalin L.I. About theories of guilt. Russian law: education, practice, science, 2016, no. 1, pp. 60-62. (In Russ.).

7. Piontkovsky A.A. Criminal law of the RSFSR. Part General. Moscow, 1925. 242 p. (In Russ.).
8. On the state and tasks of the science of Soviet criminal law. Editorial article. Soviet State and Law, 1955, no. 2, pp. 3-12. (In Russ.).
9. Encyclopedic Legal Dictionary. Under the general editorship of V.E. Krutskikh. Moscow, INFRA-M Publ., 1998. 367 p. (In Russ.).
10. Vasil'eva A.E. Guilt as an element of the composition of a tax offense. Proceedings of the XIII International Research-to-Practice Conference "Current trends in the development of science and the world community in the era of digitalization". Moscow, 2023. Pp. 127-133. (In Russ.).
11. Zykov D.A., Shesler S.S., Shesler A.V. The criminal-legal essence of negligence. Humanities, socio-economic and social sciences, 2019, no. 7, pp. 85-88. (In Russ.).
12. Ivanova L.V. The mental attitude of a person to the consequences in crimes against the person committed with a double form of guilt. Russian investigator, 2017, no. 5, pp. 31-33. (In Russ.).
13. Bryzgalin A.V., Makherova I.V., Pochtareva O.N. [i dr.]. Tax liability: General conditions. Taxes and Financial Law, 2008, no. 11, pp. 12-226. (In Russ.).
14. Musatkina A.A. On the question of the concept of guilt and its forms under the Tax Code of the Russian Federation. Financial law, 2013, no. 8, pp. 39-42. (In Russ.).
15. Ivanov N.G. Intent in criminal law. Russian justice, 1995, no. 12, pp. 16-18. (In Russ.).
16. Shargorodskiy M.D. Guilt and punishment in Soviet criminal law. Moscow, 1945. 56 p. (In Russ.).
17. Shiryaev A.Yu. Indirect intent: legal assessment and proof. Legality, 2016, no. 12, pp. 42-45. (In Russ.).
18. Zateeva V.M., Kolosova E.A. On the differentiation of forms of guilt for failure to fulfill the obligation to pay tax in the criminal, administrative and tax law of Russia. Law beyond the ordinary. Tyumen, TyumGU-Press Publ., 2023. Pp. 183-188. (In Russ.).
19. Tax Law. Edited by S.G. Pepelyaev. Moscow, 2003. 591 p. (In Russ.).
20. Kirillov D.A. Simulated Legal Phenomena in the System of Principles of the Administrative Process. Siberian Law Review, 2021, no. 18 (2), pp. 175-191. (In Russ.).